

Эдвин Вудлоу

РАЗВЕДУШКА
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д. Сидяков

Н. Шляпников

ГЕРМАНО-АВСТРИЙСКАЯ
РАЗВЕДКА
В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Вудхолл Эдвин Woodhall Edwin T.
Разведчики мировой войны

Издание: Вудхолл Э. Разведчики мировой войны. — М.: Воениздат НКО СССР, 1938.
Оригинал: Woodhall E. T. Spies of the Great War. — London: John Long Ltd, 1932.

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

Аннотация издательства: Книга содержит обширный материал, рисующий методы и приемы шпионской работы Германии, Англии и Франции в империалистическую войну 1914–1918 годов.

Содержание

От издательства [3]

Глава I. Моя работа в разведке [5]

Глава II. Тайное отправление британского экспедиционного корпуса [12]

Глава III. Позади германских линий [14]

Глава IV. Как я в первый раз поймал разведчика [19]

Глава V. Разведчик со шрамом на лице [23]

Глава VI. Шпионаж в морских портах [29]

Глава VII. Как мой друг «Капитан» содействовал разгрому германской тихоокеанской эскадры [32]

Глава VIII. Как британская разведка добыла знаменитое письмо Циммермана [37]

Глава IX. Секретные поручения, выполняемые подводными лодками [43]

Глава X. Шпионаж с помощью самолета [48]

Глава XI. Новый арест немецких разведчиков в Англии [55]

Глава XII. Знаменитые женщины-разведчицы [58]

Глава XIII. С секретными поручениями внутрь Германии [65]

Глава XIV. Как я задержал «американского полковника» [69]

Глава XV. Как русский разведчик обманул Турцию [74]

Глава XVI. Общие замечания о шпионской работе. Шпиономания [78]

Глава XVII. Крылатые курьеры разведки [84]

Глава XVIII. Тайный цепелин и разведка в Восточной Африке [86]

Глава XIX. Контрразведка генерального штаба и сражающиеся солдаты [100]

Глава XX. Американская разведка [104]

Глава XXI. Батарея «Л» у Нери [118]

Глава XXII. История одного довоенного разведчика [121]

Глава XXIII. Разведчики, которых я встречал [133]

От издательства

В ряду книг, вышедших в последние годы за границей на тему о разведывательной и контрразведывательной работе, труд Вудхолла отличается значительным уклоном в сторону приключенчества и романтизма.

Он популяризирует авантюристические «прелести» агентурной работы и пытается создать авторитет английской разведке. И это не случайно. Готовясь к новой войне, разведки капиталистических стран заинтересованы в широком привлечении свежих кадров для шпионско-диверсионной работы. Этим и объясняется то обстоятельство, что, выполняя задание своих хозяев, Вудхолл делает особый упор на яркое изложение авантюристической стороны шпионажа и диверсий, могущей захватить воображение людей с авантюристическим складом характера.

Боязнь автора переступить границу «запретного» отчетливо проступает в конце книги, где Вудхолл пишет о том, что «послевоенные разведчики меня не интересуют. Эта отрасль шпионажа не входит в сферу этой книги». Мы можем добавить, что эта тема вообще не входит в задачи подобных изданий, выпущенных в послевоенное время за границей. Буржуазия всех стран старательно обходит эту «особую отрасль», могущую пролить свет на кровавые ее замыслы, и оттолкнуть своей чудовищностью и гнусностью.

Красной нитью во всей работе Вудхолла проходит желание выставить деятельность английской разведки в ореоле мнимого благородства, честности, героизма. Автор старательно обходит все «теневые стороны» шпионажа, присущие разведкам всех капиталистических стран.

Наряду с этим автор, претендуя на фиксацию опыта лично своего и других по работе в разведках, в действительности в значительной мере касается деятельности только контрразведки. Тем самым Вудхолл смешивает работу двух различных систем: «Интеллидженс Сервис», учреждения, объединявшего в своих руках все виды разведки (политической, военной и морской), с работой «Особого отдела Скотленд-Ярда» (где работал автор), ведавшего военной контрразведкой.

Нужно отметить, что все английские работы по вопросам шпионажа страдают такой «неясностью». У автора эта последняя достигается [4] еще и путем полного смешения самых терминов — военная «разведка» (добывание сведений о противнике) и «контрразведка» (борьба с иностранным шпионажем). Делается это не без основания. Английская буржуазия всеми силами стремится скрыть деятельность своих глубоко законспирированных разведывательных органов, щупальца которых раскинуты по всему миру. В то же время приподнимается завеса над успехами работающей более или менее легально военной контрразведки с обязательным описанием «героических» походов ее агентов.

Имеется ряд неправильных и наивных «разъяснений» по таким вопросам, как вопрос о причинах проигрыша Германией войны 1914–1918 гг. (стр. 12), о неудаче Дарданельской операции союзников (стр. 31) и др., автор допускает и преувеличенную оценку достоинств германской стратегии (в частности, и стратегии бездарного Мольтке, стр. 134). Без достаточных оснований превозносятся Вудхоллом также и шпионские «таланты» немецких разведчиков вроде Карла Лоди, Мюллера, тогда как, например, шеф Вудхолла Б. Томсон расценивает их как шпионов «самого низкого качества», которые «почти ничего не давали в военном отношении».

Однако, несмотря на упомянутые существенные недостатки, работа Вудхолла заслуживает определенного интереса и способствует дальнейшему ознакомлению с деятельностью разведки и контрразведки в эпоху минувшей империалистической войны. [5]

Глава I.

Моя работа в разведке

Что такое разведка? В мирное время она как будто бы и не существует. Официальные лица всегда вежливо утверждают, что им ничего не известно о ее существовании. Но когда тучи войны надвигаются над горизонтом, тогда разведка становится реальным, грозным и страшным фактором.

Британская разведка, полностью сознавая растущую опасность войны и иностранного шпионажа в своей собственной стране, работала со всем напряжением и серьезностью уже в 1910 году, когда я поступил в столичную полицию, в Скотленд-Ярд, и впервые пришел в соприкосновение со шпионским подпольем.

Официально ни Великобритания, ни Германия не признавали, что пользуются для своих целей сильной и активной системой шпионажа. Но английские власти знали, что Германия имеет мощную шпионскую сеть в нашей стране. Германия в свою очередь знала об этой осведомленности наших властей. Но насколько полно и точно была известна нам деятельность германской шпионской сети, — этого разведка наших бывших врагов никогда не могла установить.

До войны наши крупнейшие центры насчитывали около 250 тысяч немецкого населения. В одном только Лондоне было около 75 тысяч немцев. С внешней стороны они вели себя безупречно и составляли наиболее высоко организованную иностранную колонию в Великобритании. Именно в довоенном Лондоне существовала самая крупная и самая богатая немецкая колония. Однако, как ни безобидна была она по внешнему виду, британская разведка вела за ней неустанное и зоркое наблюдение.

То были дни небывалого оживления в веселых ресторанах и пивных на Тотенхем Коурт Род, на Чертлот-стрит, примыкающих к Сохо и населенных преимущественно представителями средних классов немецкой колонии. [6]

Немецкий колонист, работающий в качестве повара или посыльного гостиницы в квартале Блумзбери, часто встречался по вечерам со своими земляками в кафе и в универмагах.

Другая группа немцев, более богатая и более влиятельная, жила в аристократическом квартале Реджент-стрит. Оксфорд-стрит и район около цирка Пикадилли всегда кишели агентами германской разведки.

Кафе «Одеэнино», «Рояль» и «Монико» были излюбленными местами свиданий немецких шпионов и находились под постоянным тайным надзором Скотленд-Ярда. В этих божьих притонах собирались немцы свободных профессий — торговцы, художники, музыканты, огромное большинство которых, по сведениям Особого отдела, было запасными офицерами германской императорской армии и флота.

В часы досуга я приходил в кафе Рояль, где неоднократно видел некоторых агентов германской разведки, которые оперировали в нашей стране. Это были с виду спокойные, скромно державшиеся люди, и было трудно представить, что они действовали по секретным заданиям, получаемым из Берлина.

В кафе я впервые увидел лейтенанта Отто Граца, которого непосвященные обычно называли Штейнгауэр. Он был наиболее блестящим сотрудником германской разведки того времени. В Скотленд-Ярде мы его знали как способного, опытного шпиона и как главного руководителя германской военной и морской разведок.

В те же дни Скотленд-Ярд сильно заинтересовался невинными с виду молодыми дамами и мужчинами, посещавшими кафе. Они подозревались как разведчики, но в то время нельзя было предъявить им какие-либо конкретные обвинения, так как закон об иностранцах и закон о государственных секретах еще не применялись со всей строгостью.

Однако мы их не выпускали из-под наблюдения, и когда наступило время действовать, свыше полсотни неприятельских агентов, к их большому изумлению, были схвачены и интернированы. Они рассчитывали, видимо, на иммунитет против всякого разоблачения, слабо представляя себе, что каждый член их шпионской организации состоял у нас в Англии на строгом учете и был предметом слежки в течение многих месяцев до начала войны.

В какой мере Скотленд-Ярду удалось окружить германских разведчиков, об этом можно судить по высказываниям одного бывшего неприятельского офицера — Рудольфа Берндорфа — в его книге «Шпионаж». [7]

«В общем и целом, — говорит этот хорошо известный агент разведки, — английская разведка нанесла германской жесточайший удар в первые дни возникновения войны. Нам известно теперь, что даже до войны британские власти знали массу подробностей о главных германских разведчиках в Англии, хотя мы ее знаем, кто выдал этих людей. До начала войны эти агенты были оставлены в абсолютном покое, и они поверили в свою безопасность и неприкосновенность.

Однако в течение каких-нибудь нескольких часов после начала войны их схватили и заключили в тюрьму. Около 20 человек было тогда арестовано (уточню: свыше 50. — Э. В.).

Это было серьезным ударом, так как сведения из Англии были особенно важны. Вскоре после начала войны был арестован чрезвычайно важный член германской разведки.

Это — морской офицер Карл Ганс Лоди. Его расстреляли в лондонском Тауэре...»

Британская разведка была несравненно действеннее любой другой разведки Европы. Правда, Великобритания обращала больше внимания на «дипломатическую» разведку, чем на чисто военные и морские дела. И такая тактика вполне себя оправдывала. Например, для морского министерства было гораздо важнее узнать, что в Берлине между турецким министром и германским министром иностранных дел имели место такие-то разговоры, чем узнать, что германское морское ведомство ввело некоторые технические улучшения в конструкцию подводных лодок.

Что касается нашей морской и военной разведок, то существовало сравнительно мало важных сведений, которыми бы мы не располагали. Мы знали, что в случае нужды германцы могут мобилизовать 5 миллионов человек и попытаются раздавить Францию. Мы также прекрасно знали, что наш флот мог состязаться с любым флотом мира.

Когда наша контрразведка завязала серьезную борьбу с германским шпионажем, работа в Скотленд-Ярде приняла совсем другой вид. Работники Особого отдела, которые были определенным символом власти, использовали ее с большой секретностью. Мы работали по плану уголовного розыска. Мы занимались расследованием всевозможных дел и не скрывали своей деятельности. Для внешнего мира мы были полицейскими чиновниками, которых знали все неприятельские агенты. Они на нас смотрели как на простых чиновников и не подозревали, что мы являемся отделом разведки.

В 1914 году германские тайные агенты предполагали, что они были преданы одним из своих. Я могу теперь в первый [8] раз точно указать, каким образом удалось Особому отделу Скотленд-Ярда «накрыть» этих способных и опасных разведчиков. Слабость германской разведки в Англии была результатом тевтонской любви к стандартизированной организации. Если бы германцы лучше оплачивали своих агентов и предоставляли им немного больше личной инициативы, то нам было бы, безусловно, труднее проникнуть в их шпионскую сеть.

Мы раскрыли разветвления германской разведывательной системы с помощью факторов, на которые когда-то указал знаменитый французский криминолог Бертильон, как на предпосылки успеха уголовных розысков: 50% потения, 10% вдохновения и 40% везения.

После смерти Эдуарда VII представители почти всех стран мира приехали в Лондон на похороны. Одной из наиболее выдающихся фигур был кайзер Вильгельм II. Он имел с собой значительный штат офицеров, конюхов и охраны, в том числе одного человека, которого мы знали как очень активного работника разведки. Я его буду называть граф Х.

На его взаимоотношения с представителями германской колонии в Лондоне обращалось внимание и раньше. Граф Х., блестящий, превосходный лингвист, был видным представителем непосредственного окружения кайзера. Наблюдение за ним требовало бесконечно много такта и сдержанности.

После королевских похорон значительное число германских офицеров отправилось осматривать достопримечательности Лондона. Однако граф Х. не пошел со своими коллегами-офицерами. У одной конторы на улице Черинг-Крос Род он подцепил некоего человека, которого мы давно подозревали в шпионаже, и, не подозревая, что три опытных чиновника следили за каждым его шагом, некоторое время беседовал с ним.

Затем граф Х. прошелся — по всем лондонским мостам и наблюдал за движением войск у казарм. Он нанес визит Вульвическому арсеналу и всем конечным пунктам лондонского трамвая. В 7 часов вечера он закончил обход «достопримечательностей» и встретился со своим подозрительным другом около кафе «Рояль». На протяжении всего этого длинного, сложного маршрута с графа Х. не сводили глаз три человека.

Наконец, фигура Х. скрылась в здании гостиницы.

Работники Особого отдела решили ждать выхода графа из гостиницы до 12 часов ночи. Агенты распределили между собой посты: один стерег у заднего подъезда гостиницы, а два других выбрали подходящие пункты, откуда они могли наблюдать, [9] сами оставаясь

незамеченными. После долгого и томительного ожидания агент, стоявший у черного подъезда гостиницы, переодетый и притаившийся, заметил, как граф украдкой проскользнул мимо него и быстро вскочил в проходящее такси. Агент стремительно бросился к своим товарищам и подал условленный сигнал.

Тройка наблюдателей наняла такси, но за это время выслеживаемый оказался уже довольно далеко и скрылся в водовороте уличного движения. Однако агентам снова повезло, так как у Кембриджского цирка образовался затор, и они догнали свою добычу. На одной из улиц граф вышел из автомобиля, и преследователи заметили, что он вошел в парикмахерскую. Для стрижки или бритья час казался довольно-таки неурочным, и работники Скотленд-Ярда стали наблюдать за выходами из парикмахерской. Граф Х. пробыл в парикмахерской свыше часа и около полуночи вышел через боковую дверь. Граф проворно пошел по бесконечно длинной Каледонской улице, преследуемый по пятам агентами.

К их досаде, он вскоре сел в проезжавшее такси. Но счастье пришло им на помощь и в этот раз. Один из преследователей заметил, что из только что остановившегося такси выходит пассажир. Агенты заняли его место и продолжали слежку.

Граф Х. вернулся в гостиницу.

На следующий день рано утром были получены инструкции: власти не намерены были возбуждать какое-либо дело. Дальнейший надзор стал бесполезным. Граф на следующий день получил разрешение вернуться в Берлин со своим коронованным хозяином, ничего не зная о том, что он был предметом тщательного наблюдения.

Тем не менее, выслеживание, произведенное работниками Особого отдела, имело чрезвычайно важные последствия, которые тогда никто из нас не мог предвидеть. Скромная маленькая парикмахерская на Каледонской улице была лондонским отделением берлинской разведки. Ее владелец, немец, родившийся в Англии, был способным посредником германской шпионской сети. Он имел постоянную контору и был в деловых сношениях с континентом. Это подсобное ремесло служило ему прикрытием. Каждую неделю в адрес парикмахерской приходило с полсотни писем. Во внешних конвертах содержались другие, закрытые внутренние конверты, в которых находились распоряжения для различных разведчиков, оперировавших в разных частях Англии. На наружном конверте была германская почтовая марка, печать и название какой-нибудь невинной фирмы. Работа парикмахерской [10] заключалась в том, чтобы наклеивать английские марки на внутренних конвертах и опускать их в Лондоне в почтовый ящик. Письма, таким образом, направлялись во все стратегические пункты страны, большей частью в портовые города.

Теперь каждое секретное письмо, направленное ее агентом, вскрывалось и прочитывалось задолго до того, как попадало в руки «парикмахера» на Каледонской улице. Письма списывались и фотографировались. Неудивительно, что впоследствии берлинская разведка была потрясена нашей осведомленностью.

В 1913 году в Дувре военные власти арестовали одного человека по обвинению в фотографировании некоторых фортификационных сооружений и гавани. Арестованный страстно протестовал против, как он называл, произвольных действий военных, утверждая, что он обыкновенный турист и снимал виды просто на память. Он допускал, что поступил, может быть, неосторожно, но, дескать, не имел ни малейшего намерения совершить какое-либо преступление. Негодующий турист дал свой лондонский адрес.

Очевидно, военные власти поддались его шумным увещаниям и заверениям и отпустили его.

В это время были получены интересные сведения относительно передвижений одного выдающегося агента германской разведки. И до этого мы знали, что он находится где-то в Англии. Разведчик был известен как один из наиболее опасных и наиболее скользких экземпляров этой угреподобной братии.

В Лондон было немедленно послано распоряжение взять «туриста» под наблюдение и ожидать дальнейших инструкций. Адрес, данный им, оказался ложным. Я знал, что попал на след способного разведчика. После моего доклада в Скотленд-Ярде я получил распоряжение найти и доставить немецкого шпиона.

Прежде всего, я направился в маленький магазин, расположенный в Сохо. Известно, что в каждом лагере имеются изменники. Одного из них я нашел и в лагере немецкого шпионажа. Я дал этому субъекту описание недавно задержанного туриста, и мой информатор согласился, что это и есть разыскиваемый нами мастер-разведчик. Новообретенный помощник дал мне адрес, и я поехал по данному адресу на такси.

Нетрудно представить мое разочарование, когда, приехав на место назначения, я узнал, что нужный мне человек выехал пять минут назад. Дальнейшее осторожное, расследование [11] дало мне в руки нить, которая привела меня в Западный Кройдон. Туда я отправился поездом. На станции я почему-то взглянул на только что остановившуюся пролетку извозчика.

С экипажа сошел седок. Было темно, но я заметил, что у него большая черная борода и усы и что он носит роговые очки.

Было ли это интуицией или тем, что мы называем особым везением, но что-то таинственное и подозрительное, чувствовавшееся в этом бородатом иностранце, навело меня на мысль о том, что он является именно тем разведчиком, которого я ищу. Я колебался в течение одной или двух минут.

Я уже прошел было около 20 метров, когда внезапно решил взяться за бородача; но кто колеблется, тот проигрывает. Когда я бросился назад к станции, то с огорчением увидел хвост поезда, исчезавшего во мраке ночи и увозившего (хотя в ту пору я в этом не был уверен) знаменитого капитана Штейнгауэра. Мною была упущена прекрасная возможность арестовать опытного шпиона германской разведки.

Не унывая, я нашел дом, где он останавливался. Это меня привело к одному адресу в Боуэс-парке. Я снова помчался, раздосадованный тем, что дал себя обмануть таким дешевым театральным реквизитом, как привязные борода и усы. По указанному адресу в Боуэс-парке проживал немец. Однако он производил впечатление такого безукоризненно честного человека, что мы ни в чем не могли его обвинить. Он отрицал всякое знакомство с преследуемым разведчиком и торжественно уверял, что не имеет с ним никакой связи.

И опять мне оставался только метод наблюдения — скучный и длительный процесс.

Выслеживание в густо населенной части города является самым простым делом. Гораздо труднее проводить слежку в пригороде с частными дачами, где все иностранцы на учете.

Два дня спустя немец заявил полиции, что подозрительные личности постоянно наблюдают за его домом. Наблюдение было прервано, тем более что мы получили сведения об отъезде преследуемого разведчика на континент. Я не знаю, по какому маршруту он уехал. Конечно, он проскользнул мимо нашей сети. Велика была досада Скотленд-Ярда, когда мы узнали от наших собственных разведчиков в Германии, что простодушный турист, открыто делавший снимки, не кто иной, как тот самый человек, которого я выпустил из рук, — знаменитый Отто Грац, он же Штейнгауэр, глава германской разведки и личный друг кайзера. [12]

Глава II.

Тайное отправление британского экспедиционного корпуса

Франко-бельгийская граница была источником постоянного беспокойства германского генштаба еще задолго до мировой войны.

Чего оперативный отдел германского генштаба никогда не мог выяснить, это — какую тактику будут применять англичане, когда они очутятся лицом к лицу с немцами как с врагами.

Генштаб предполагал, что, как только начнется война, мы выставим на театре военных действий десять дивизий. На самом же деле у нас их было только четыре.

Наша тактика сводилась к одному: тайна. Мы скрывали численность наших сил.

Два обстоятельства способствовали поражению Германии в этой войне и изменили ход истории мира в знаменательный день 23 августа 1914 года. Во-первых, тайное отправление британского экспедиционного корпуса и незнание германской разведкой его численности; во-вторых, незнание или пренебрежительное отношение немцев к нашему стрелковому искусству, с помощью которого мы произвели такое опустошающее действие среди германских войск, продвигавшихся массивными колоннами.

Покойный Артур Конан-Дойль писал в своей официальной истории войны следующее:

«Основная масса британского экспедиционного корпуса перебралась во Францию под покровом ночной темноты 10 и 13 августа 1914 года. Корпус состоял из четырех дивизий пехоты, одной дивизии кавалерии; надо было перевезти около 90 тысяч человек, 15 тысяч лошадей и 400 пушек. Сомневаюсь, чтобы военная история знала еще один случай передвижения столь огромных масс в такие короткие сроки.

В стремительности этого передвижения была и драматичность и тайна. Две стены из парусов, образующие тоннель, скрывали подступы к Саутгэмптонским докам. Снаружи царствовали мрак и тайна. По этому тоннелю прошла лучшая часть молодежи, цвет мужского населения Великобритании; близкие и родные больше их не увидели. Их отправили для первого сражения великой войны. На улицах толпа видела последние сомкнутые ряды, которые исчезали во мраке доков.

Большие пароходы отплыли и скрылись в ночной мгле. [13]

Воображение может сравнить эти полки с древними римскими легионами. Никогда еще такие прекрасные по своей технической оснащенности войска не покидали берегов Великобритании. Не будет преувеличением сказать, что в течение четырех месяцев половина из них была либо убита, либо прикована к госпитальным койкам».

Нашествие на Францию через Бельгию в 1914 году было предприятием, давно задуманным графом Шлиффеном, и было известно британской разведке под названием «план Шлиффена». Мы знали, что если когда-либо Германия нападет на Францию, то сделает это путем вторжения в Бельгию, путем нарушения ее нейтралитета.

Французский военный план, известный под названием «План 17», состоял в том, чтобы раздавить неприятеля вдоль франко-германской границы — от восточных границ до Эльзас-Лотарингии. Этот план был, очевидно, разработан в условиях отсутствия сведений о силах неприятеля и их расположении.

План британского генерального штаба был неизвестен. Это был один из наиболее хорошо хранившихся секретов войны. Четыре года спустя реализация этого плана привела, по выражению Людендорфа, «ко дню траура для германской армии».

Британский экспедиционный корпус уже высадился, а немцы ничего не знали ни о его численности, ни о его расположении, ни о его операционной базе. Они обращались к своей контрразведке с отчаянными заклинаниями — дать им необходимые сведения относительно английской армии. Тем временем убийственный свинцовый град наших скорострельных винтовок опустошал густые наступающие колонны германцев и на несколько часов, решивших исход наступления, задержал первую армию Клука.

Положение германской разведки было неважное. Все германские разведчики, которые должны были доставлять информацию из Англии, находились в тюрьме; штаб Клука тогда еще этого не знал. Провал шпионов в Англии парализовал военную инициативу Германии.

Первые определенные сведения об участии Англии в войне немцы получили 22 августа, когда они захватили в плен двух наших летчиков. [14]

Глава III. Позади германских линий

Нужно помнить, что не только военная контрразведка снабжала командование полезными сведениями с обеих сторон. Было много людей, которые из любви к приключениям или из чувства горячего патриотизма каждый день рисковали своей жизнью, выполняя опасные поручения. Таким был капитан Рауль Дюваль.

Он был в разведке в Морнальском лесу, когда неожиданно увидел автомобиль, а в нем — германского высшего офицера, потерявшего дорогу. Дюваль тут же приступил к делу. Держа в руке револьвер, один, без чьей-либо помощи, он разоружил шофера и седока и стал обыскивать офицера, желая завладеть документами. Смелому французу повезло, так

как немецкий офицер был сотрудником личного штаба самого Клука. Капитан взял у пленника папку с документами.

Прострелив шины германского автомобиля, Дюваль поспешно направился назад, к маленькой лесной тропинке, где был им оставлен мотоцикл. Он нажал ногой пусковую педаль, но мотор безмолвствовал. С ужасом Дюваль увидел, что бензиновый бак пуст, — все горючее вытекло. В этот момент он заметил направляющийся к нему большой патруль немецких уланов. Началась перестрелка. Дюваль юркнул в густую лесную чащу у поворота и побежал, ища спасения.

Вдруг он увидел спешившегося улана, по-видимому, одного из многих, которые рассеялись по окрестности, чтобы отрезать ему дорогу к бегству. Этот человек стоял спиной к Дювалю. С индейской осторожностью капитан пополз к ничего не подозревавшему улану, уменьшая шаг за шагом расстояние до тех пор, пока не приблизился к немцу вплотную.

Улан вдруг повернулся. Восклицание удивления вырвалось у него, когда он увидел французского офицера. Дюваль спустил курок своего револьвера; пуля попала улану в голову. Дюваль забрал у своей жертвы черный плащ и шлем и стал искать кругом лошадь, но безуспешно. Когда совсем стемнело, Дюваль прошел с полмили и очутился около бивуака, где находилось до 50 разыскивавших его уланов.

Дюваль выпрямился и смело побежал к уланам, приготовившись ко всякой случайности.

Он закричал на чистом немецком языке:

— Ребята, я его нашел. Он здесь только что прошел. [15]

Тотчас же все уланы устремились к своим лошадям. В поднявшейся суматохе Дюваль подошел к великолепной каштановой лошади и одним прыжком очутился в седле. Огромный улан бросился за ним с проклятиями. Дюваль ударил его в челюсть. Солдат свалился. Капитан помчался вперед к открытой прогалине.

Около полуночи один из наших передовых постов окликнул всадника, мчавшегося галопом. Покрытый пылью и грязью, без головного убора, этот кавалерист от усталости едва держался на лошади; на окрик часового он ответил: «друг».

Всадник попросил, чтобы его допустили к английскому командиру. Это был капитан Дюваль.

Возможно, что содержание документов, взятых у германского офицера этим французским капитаном, имело влияние на исторические события в августе 1914 года. Кто знает?

Битвы нередко проигрывались и выигрывались из-за совершенно случайных причин. История изобилует такими примерами.

* * *

Германия угрожала, что она будет рассматривать как разведчика и расстреливать всякого союзного солдата, захваченного за линией фронта.

Когда французская армия 25 августа 1914 года отступила из большого Арденского леса, около 400 человек было затеряно или забыто в лесных массивах. Патрули, удалившиеся от

своих постов, отставшие, потерявшие ориентировку, часовые, которых не успели сменить, всадники, которые заехали слишком далеко, эскадроны и даже целые отряды оказались отрезанными от своих главных сил.

Окруженные немцами, они были поставлены вне закона и рисковали в случае поимки быть расстрелянными как разведчики. Большая часть из них принадлежала к 25-му полку французской армии.

Капитан Кольберг с организованным им небольшим отрядом предпринял решительную и неутомимую партизанскую войну против германских коммуникационных линий. Удары, наносимые партизанами, стали настолько чувствительны для немцев, что свыше 7 тысяч солдат ландвера были посланы искать партизанский отряд по тропинкам, прогалинам, крутым откосам, непроницаемым чащам и еле заметным дорожкам леса. Но все было бесполезно. Кольберг и его люди знали каждую пядь этого обширного леса и без труда скрывались от преследований. [16]

В ноябре 1914 года французский генштаб получил сведения о том, что позади германских линий действуют французские партизаны.

Глава контрразведки первого французского корпуса затребовал сведения о численности и расположении войск германского фронта. Был предложен такой план: высадить человека с самолета позади неприятельских линий; потом, как только разведчик узнает все, что сможет, он ночью самостоятельно проберется обратно. Два добровольца, один из них летчик, изъявили свою готовность выполнить опасное поручение. Это были летчик Биллиард и сержант французской артиллерии Бартело. В одно прекрасное утро на рассвете они вылетели.

Биллиард вернулся, благополучно высадив своего пассажира на неприятельской территории.

Перед Бартело стояла серьезная задача — найти Кольберга и передать ему инструкции. Содержание их заключалось в том, чтобы привести в исполнение следующий отчаянный план: найти германский генеральный штаб около Шарлевиля в Арденнах; улучив момент, взять его приступом силами партизанского отряда и уничтожить; по выполнении этой задачи разойтись и стараться добраться до голландской границы.

К сожалению, этот смелый план не мог быть выполнен, так как Кольберг попал во вражеские руки. Однако Бартело и многие французские партизаны пробрались через неприятельские линии до голландской границы.

Теперь я расскажу о битве на Марне.

В этом сражении разведка развила особо высокую активность. Хитрость, маскировка, распространение слухов, обман, интриги, шпионаж — все было пущено в ход. Получить информацию, с тем, чтобы помешать и расстроить планы врага, — такова была цель, которую преследовала союзная контрразведка.

Франция и Бельгия несли огромные потери. Неприятельские полчища катились неумолимой лавиной, несмотря на геройское сопротивление союзников. Это угрожало полным уничтожением британского экспедиционного корпуса и разгромом французской армии.

Немцы были близки к своей цели не один, а два раза, но они все же не достигли ее, из-за того, что не располагали правильной информацией.

Возьмем, например, битву под Ле-Като. После решительного отпора Клук был еще раз совершенно сбит с толку.

Больше того, этот бесспорно крупный военный мастер не только был озадачен, но попросту одурачен. [17]

Как это могло случиться? Ведь так широко было распространено мнение, что немецкая разведка — самая пронырливая в мире.

Объясняется все это чрезвычайно просто. Если бы Клук продолжал свое наступление на второй корпус у Ле-Като, то ничто не могло бы противостоять сокрушающему натиску его колоссальных по своей численности сил. Но он остановился и таким образом потерял первую возможность, которую имела Германия для выигрыша сражения.

В то время в контрразведке британского экспедиционного корпуса работал капитан Бертран Стюарт.

Многим читателям это имя знакомо. Он был одним из британских офицеров, еще до войны арестованных в Германии по обвинению в шпионаже. Уличенный в шпионаже, Стюарт был приговорен к тюремному заключению, но впоследствии, незадолго до войны, помилован кайзером. Стюарту было поручено следить за германской контрразведкой. Он разными способами фабриковал «инспирированные сообщения», посылаемые контрразведке Клука.

Одного агента, состоявшего у нас на службе, Стюарт по интуиции считал немецким, шпионом. Однажды он «по секрету» сообщил ему, что базой и портом для высадки британских подкреплений является Кале, и что наши коммуникационные линии проходят через Лилль и Камбрэ. На самом же деле в то время они проходили через Гавр. Эта «тайная информация» была, конечно, передана Клуку, который, основываясь на ней и учитывая, что его армия находится на линии Лилль — Камбрэ, разработал свой стратегический план.

Рассчитав, что если он даст сражение у Ле-Като, то англичане будут отрезаны от своих баз, Клук стал растягивать правый фланг немецкой армии к северу, с тем чтобы помешать англичанам придти в соприкосновение с их предполагаемой базой и подкреплениями. Этот ошибочный план ослабил мощь армии. Немцы продвигались к северо-западу, а мы — к югу.

Наше превосходство в постановке информации было основной причиной поражения Клука и дало возможность второй армии избежать окружения.

Поняв свою ошибку, Клук сделал поворот, пошел за отступавшими англичанами и пришел на два дня позднее срока.

Он, очевидно, находился под впечатлением, что с нами как с военной силой можно не считаться. Удвоив усилия, он пересек наш фронт и поставил себе основной целью уничтожение левого фланга продолжающей отступать французской армии. [18]

Но союзная контрразведка не дремала. Постоянно над немецкими полками наш авиационный отряд без усталости нес разведывательную службу. Когда Клук пошел к юго-востоку, об этом было немедленно сообщено.

До того времени считалось, что немцы стремятся к прямой лобовой атаке на французскую столицу. Теперь их намерения стали выясняться.

Париж и Британская армия были в военном отношении ничтожными величинами. Направляясь к юго-востоку, высшее германское командование решило крепко сжать все французские силы между Верденом и Парижем и гнать их к швейцарской границе.

Один разведчик из германской гвардейской кавалерийской дивизии, мчась на мощной машине, врезался в патруль 310-го французского пехотного полка. Разведчика расстреляли. Среди найденных бумаг имелись важные документы. Но наиболее конкретным доказательством изменения планов Клука являлась запачканная в крови парусиновая карта, на которой карандашом было обозначено изменение всей юго-восточной германской линии.

Кроме того, французская контрразведка имела германский секретный шифр для радиопередач. Ночью и днем она перехватывала радиограммы и расшифровывала германские секретные сообщения. На Эйфелевой башне в Париже отряд офицеров проводил бессонные ночи, расшифровывая коды, которые вибрировали в эфире. Германское верховное командование не знало о том, что его чрезвычайно важная информация попадает в руки контрразведки.

Скоро стало известно, что Клук собирается повернуть свой фланг к Парижу и что между обеими германскими армиями имеется громадная брешь. Командование намеревалось в подходящий момент бросить французскую армию в эту брешь, а британскую армию — на фланг Клука.

Нет надобности рассказывать об исходе этого маневра; он хорошо известен всем. 5 сентября все французские армии, британская армия и резервы между Верденом и Парижем повернулись лицом к своим преследователям и ударили на них со всей своей силой. Яростное сражение продолжалось до 14 сентября, когда немцы были отброшены за реку Эн.

Организатор этого разгрома Жоффр говорил начальнику своей контрразведки:

«Дайте мне точную информацию о неприятеле, не пренебрегая мельчайшими подробностями. Я и мои солдаты доделаем остальное». [19]

Глава IV.

Как я в первый раз поймал разведчика

В течение первых дней войны 1914 года работа сотрудников контрразведки была далеко не легкой. Неприятель успел создать сеть шпионажа позади наших линий, когда уходил перед нашими войсками.

После марнского отступления германские разведчики отыскивали подходящих лиц в деревнях или в разрушенных городах и прощупывали их насчет возможности подкупа для получения информации.

К счастью, немцам нельзя было похвалиться удачей. Многие французские крестьяне делали вид, что соглашаются на предложения немцев, но как только они уходили, тут же уведомляли французские или английские власти о предложениях, которые были им сделаны. В этом отношении контрразведки обеих союзных армий имели очень ценную информацию и могли принять контрмеры против немцев, которые и не подозревали этой «двойной игры».

Но были все же и изменники. Я вспоминаю, например, Полодора Дебакера, который работал для врага. Этот человек был подкуплен германским военным разведчиком. Задание предателю состояло в том, чтобы перерезать провода нашего полевого телеграфа и телефона в различных стратегических пунктах. Эту диверсию намечалось совершить по заранее условленному сигналу, который должен был подаваться с неприятельского самолета.

В условленный час самолет летал над тем местом, где жил Дебакер, и бросал маленькую дымовую бомбу. Это служило шпиону сигналом о том, что предпринимается бомбардировка или атака. Тогда он перерезал наши провода, прерывая связь, что на время дезорганизовывало управление боем.

Дебакер выходил украдкой, с наступлением сумерек, и с помощью щипцов перерезал провода в каком-нибудь уединенном пункте деревни. В дневные же часы он работал на виду у всех на полях.

В течение почти трех недель связь неизменно прерывалась в самые критические минуты. Было ясно, что тут орудовал шпион, причем шпион смелый. Но территория была большая, и трудно было проверить все ее население. Каждый раз провода оказывались перерезанными в стратегических пунктах, удаленных на целые мили от фронта.

Один способный молодой офицер получил задание поймать [20] шпиона и положить конец диверсии, которая так дорого обходилась нашим солдатам.

Однажды, обходя деревни позади наших линий, он заметил впереди штатского. Было почти совсем темно, и, согласно существовавшим правилам, все невоенное население должно было быть дома. Полагая, что этот человек, возможно, ходил навестить приятеля и возвращается домой, офицер решил наблюдать за ним просто из любопытства, свойственного работнику контрразведки. Укрываясь в тени разрушенного здания, он увидел, что человек останавливался приблизительно через каждые 50 шагов и украдкой озирался, словно опасаясь, что за ним следят. Тогда у офицера возникло уже определенное подозрение.

Вдруг офицер заметил, что он остался один. Человек, который был впереди, исчез, как будто его проглотила земля.

В течение одной или двух минут разведчик терялся в догадках. Куда же девался этот таинственный крестьянин? Впереди не было видно ни одного дома, ничего, кроме чистого поля.

Случайно темноту прорезал прожектор, направляемый далеко с линии фронта, и внезапное исчезновение крестьянина стало понятным: подозрительный человек вскарабкался на телеграфный столб. Офицер прицелился в изумленного шпиона. Последний, понимая, что сопротивление бесполезно, отдал свое оружие и покорно пошел в деревню.

На суде шпион во всем признался и рассказал историю своего предательства. Он дал исчерпывающую информацию о своих германских хозяевах, полагая, вероятно, что таким образом спасет жизнь. Но это было бесполезно. Суд признал его виновным — без смягчающих вину обстоятельств, и он был расстрелян.

Мне хочется думать, что я был первым рядовым солдатом, который стал сотрудником британской военной контрразведки. Рискованные приключения и требования абсолютной тайны разбудили во мне склонности агента, и я приступил к исполнению своих обязанностей.

Однако не все было в этом деле романтично. Работа разведки имеет и свою укоренившуюся рутину, но эта рутинная жизнь необходима для успеха дела.

Я должен был всегда следить за таинственными световыми сигналами, проверять данные относительно этих сигналов, беспрестанно наблюдать за подозрительными личностями и за шпионами в военной форме. Надо было наблюдать за бельгийскими и французскими рабочими, которые работали за [21] линией огня. Кроме того, нужно было производить расследование дел о дезертирах для помощника начальника военной полиции, проверять документы всех штатских и т. д.

Наблюдение за штатскими, работавшими позади линий, в нашем секторе не представляло трудностей. Правда, были отдельные случаи подозрений, но по расследованию подозрения всегда оказывались беспочвенными.

Дежурный офицер должен был находиться на своем посту в любой час дня и ночи, либо наблюдая за своими подчиненными, либо занимаясь в полуразвалившейся хибарке решением своих многочисленных задач. Офицер, которого я отчетливо помню, испытывал все неудобства жизни в жалком деревянном бараке, тогда как в частной жизни он был архимиллионером — Джемсом Ротшильдом.

Около деревни Флербе я выслеживал на некоторых перекрестках одного дезертира, который должен был находиться в окрестности. В томительном ожидании проходили долгие часы.

В течение двух вечеров, будучи дежурным, я видел старую крестьянку, которая, прихрамывая, проходила всегда до наступления сумерек. Старуха неизменно ходила к разрушенной церкви на окраине деревни и всегда имела с собой маленькую корзину. На третий вечер она снова проковыляла мимо меня, и мне это показалось подозрительным.

На четвертый вечер, оставаясь невидимым, я стал наблюдать за этой старой женщиной, которая прошла в тот же час и в том же направлении. Это укрепило мое подозрение, и я, вместе с сержантом и двумя солдатами решил следить за нею.

Она надвинула свою шаль плотно на голову и несколько минут спустя после семи часов вошла в поврежденную снарядами церковную дверь. Затем направилась к другой двери, ведущей к башне, и начала осторожно подниматься по развалившимся лестницам. Я

следовал за ней чрезвычайно осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, но доски все же поскрипывали. Женщина остановилась на верху башни. Я был поражен, увидев, что развалившееся помещение в башенке занимал человек, одетый в форму английского сержанта.

В тот момент, когда она передавала этому человеку продукты, я вынул свой кольт и направил его на обитателей башни. Это было несколько рискованно, так как могло быть, что обнаруженный мною человек был действительно британским военнослужащим, которому было поручено провести специальное [22] наблюдение. Я рискнул. Человек посмотрел на меня с презрением и спросил, не сошел ли я с ума.

Я инстинктивно чувствовал, что этот человек пытается втереть мне очки. На войне как на войне! Лучше честно ошибиться, чем дать ускользнуть шпиону.

Я сообщил офицеру о своих обязанностях и попросил предъявить документ о его полномочиях. Он хладнокровно расстегнул карман и вытащил оттуда бумажник.

— Ладно, — оказал он. — Что вам угодно?

И стал вынимать из бумажника различные документы. Это еще более усилило мои подозрения. Я ничего не сказал и проверил документы, которые оказались в порядке и, по-видимому, были настоящие. Он заявил, что он лейтенант, прикрепленный к одной батарее.

Сержант и оба солдата ждали на ступеньках колокольни.

Я немедленно их позвал и попросил сержанта поручить одному из своих подчиненных привести из указанной батареи командира.

Тогда подозрительный человек пожал плечами и сказал с мрачной улыбкой:

— Да, вам здорово повезло. Через шесть часов я был бы уже за линией фронта.

Я узнал, что он скрывается десять дней, в течение которых поддерживал непрерывную связь с неприятелем посредством полевого телефонного аппарата, который немцы умышленно оставили позади у разрушенной колокольни, во время своего отступления.

Старая крестьянка, — я в этом окончательно убедился, — действовала вполне чистосердечно. Она приняла этого человека за того, кем он ей откомендовался, т. е. за английского офицера, и думала, что делает хорошее дело, принося пищу в его уединенное убежище.

На следующий день его привели в главный штаб на допрос.

Я не имею точных сведений о его дальнейшей судьбе. Мельком видел я его в последний раз, когда он уезжал в сопровождении двух высших офицеров. Когда автомобиль тронулся, его злобные глаза встретились с моими, и в них промелькнуло выражение насмешки. [23]

Глава V. Разведчик со шрамом на лице

За время моего пребывания на действительной службе в британской контрразведке я видел немало странных вещей, знал о многих удивительных подвигах, служил под начальством многих выдающихся людей, исполнял всевозможные роли и прибегал ко всякого рода хитростям для того, чтобы бороться с неприятельским шпионажем. Но мне кажется, что из всех подвигов, которые были совершены на этой войне и которые дошли до моего сведения, самым искусным — и самым смелым был подвиг, совершенный одним неприятельским разведчиком в начале весны 1916 года у реки Соммы.

Тайна была паролем дня. Штаб 4-й армии неустанно следил за сохранением тайны. Однако, несмотря на все меры предосторожности, союзная контрразведка заметила, что какими то путями информация просачивается в неприятельский лагерь.

Недалеко от главного штаба армий находился крупный город Амьен.

Союзный контроль над шоссейными и железными дорогами был очень строг. Все движения приезжающих и уезжающих из военной зоны штатских были известны.

Французская контрразведка предостерегала британскую армию в Амьене, что дерзкий разведчик работает в тылу наших линий.

Однажды произошел взрыв больших складов, причем было убито несколько человек. Производство взрыва приписывали одному разведчику, носившему форму офицера-артиллериста французской армии. Согласно имевшимся данным, он был ростом 5 футов 10 дюймов. Длинный рубец, начинавшийся у глаз, проходил по левой стороне лица до рта.

Приблизительно неделю спустя произошел крупный взрыв на рельсовом пути около Мерикурского железнодорожного узла. К счастью, английский поезд, перевозивший солдат, прошел на час позже, иначе число жертв было бы ужасающим. Расследованием было установлено, что взрыв был произведен бомбой с часовым механизмом.

Потом, в течение нескольких дней, некоторые из наших тяжелых орудий, размещенных в секретных местах и тщательно скрытых позади линии неприятельского артиллерийского огня, подвергались непрерывному обстрелу со стороны германских дальнобойных пушек и налетам германских бомбардировщиков. [24]

Было ясно, что если орудующий среди нас разведчик не будет в кратчайший срок пойман, то это будет стоить нам многих человеческих жизней. К тому времени в результате его деятельности уже погибло 30 человек.

Из Амьена были получены сведения о том, что высокого роста офицер в чине майора, носивший английскую форму и имевший длинный рубец на лице, посещал гостиницы и кафе Амьена.

Расследование установило, что он болтал со многими из наших военных, которые по своему поразительному простодушию, несомненно, давали ему ценную информацию. Французская и наша собственная контрразведки принялись разыскивать человека с

рубцом, но безуспешно. Тогда мне было поручено переодеться в штатское платье и попытаться найти его среди гражданского населения в Амьене.

В течение многих дней я посещал кафе, гостиницы, железнодорожные станции и все места, где собиралась публика, но, несмотря на все мои старания, я не нашел никакого следа опасного шпиона.

Я уже хотел отказаться от надежды найти этого разведчика в Амьене. Но тут я встретил одного француза в городской думе и рассказал ему о своей неудаче.

— Вы сказали, что у него рубец на лице? — внезапно спросил он меня. — У меня есть золотка, которая имеет ферму около Вилье-Бретоно. У нее живет один английский майор. Я там был в воскресенье и видел его в течение одной минуты. У него длинный белый рубец на лице. Вообще-то я его считал вполне порядочным человеком.

Он мне рассказал, где расположена ферма его золотки.

Предупредив француза о том, что все это нужно держать в тайне, я его тут же покинул и пошел к себе в гостиницу. Передевшись в военную форму и захватив свой переносный электрический фонарь и револьвер, я на мотоцикле поехал на ферму. Здесь меня поразила какая-то атмосфера замкнутости и изолированности. «Майор» создал себе спокойное убежище как базу для своих операций. Поставив машину, я очень осторожно пополз к задней части маленького полуразрушенного дома.

Около 5 минут я простоял у фермы, изучая ее расположение. За фермой тянулось большое поле; на расстоянии приблизительно полумили находился аэродром.

Я постучал в заднюю дверь. Мне открыла женщина, типичная французская крестьянка. У нее было честное, открытое лицо, от которого веяло деревенской простотой. Я тут же [25] решил, что если даже под этой крышей живет опасный разведчик, то хозяйку никоим образом нельзя обвинить в соучастии.

Ее рассказ подтвердил мою мысленную оценку ее характера.

Да, «майор» здесь жил уже 4-5 недель. Она не знала его фамилии. Он был очень хороший человек. Он ей говорил, что прикреплен к контрразведке английской армии, и что является офицером связи между британской и французской армиями. Она его мало видит, так как он приходит домой поздно ночью и уходит очень рано.

Я попросил ее описать мне постояльца.

— Он очень высокого роста, — сообщила хозяйка фермы. — На левой стороне лица у него длинный белый рубец, след раны, полученной в 1914 году во время Марнской битвы.

Где теперь его найти? Она не могла мне этого сказать, так как два дня назад он улетел на самолете.

— Вернулся ли он сюда с аэродрома?

— О, нет, господин! Два раза за ним прилетал самолет по вечерам с наступлением сумерек.

— Где комната «майора»?

Она повернулась и указала на маленькую комнату, расположенную — за довольно большой кухней. Я вошел. Комната была простая и очень скромно обставленная. Вся мебель состояла из двух стульев, стола, комода и маленькой кровати.

Я искал личных вещей обитателя комнаты, чего-нибудь, хотя бы и незначительного, что могло бы дать мне нить к выявлению личности «майора». Но он был ловок, осторожен и не оставил в комнате даже куска мыла.

Я тут же помчался в штаб контрразведки, где моей информации придали большое значение.

— Наконец, — сказал мой начальник, — мы знаем, с кем имеем дело. До сих пор мы все ходили ощупью, в темноте.

Кто бы он ни был, — это смельчак. Это воздушный разведчик.

Его спускают на самолете и по какому-то сигналу снова поднимают. Это нам объясняет, почему он раньше щеголял во французской форме. Довольно говорить о его таинственных появлениях и исчезновениях. Очевидно, он по очереди посещает то французов, то англичан. Будем надеяться, что он поплатится за следующий визит.

Через несколько часов я снова был у фермы вместе со своим французским коллегой. Мы устроились, как могли, и стали ждать.

Мы дежурили по очереди ночью, ожидая прибытия воздушного разведчика, и на третий день на рассвете были вознаграждены [26] за свое терпение. Самолет жужжал над нами. К нашему удивлению, он не приземлялся, а два раза описал круг и улетел. Почему?

Было слишком темно, чтобы что-нибудь заметить на таком большом расстоянии. Поэтому, мы ждали в темноте, держа свои револьверы наготове. В таком ожидании мы провели около получаса, а когда стало рассветать, вышли искать разрешения наших сомнений.

На расстоянии приблизительно мили от фермы мы заметили, что на земле лежит какая-то беспорядочная куча, нечто вроде изодранной палатки.

Тайна была раскрыта.

Это был парашют, который не раскрылся, и к которому было привязано человеческое тело. Человек лежал на спине. Глаза его были открыты. Шея переломана. Человек был мертв. Он был высокого роста, одет в форму английского майора, и на левой стороне его лица виднелся длинный белый шрам. Это был последний полет германского разведчика с рубцом на лице.

* * *

По распоряжению британской контрразведки я был в свое время прикреплен для «особых поручений» к французским, бельгийским и американским властям. Я находился в распоряжении контрразведки при генеральном штабе.

Я вспоминаю случай в Гавре, где французская контрразведка заподозрила в шпионаже одну красивую бельгийскую беженку, которая работала официанткой в чайной, посещаемой американскими, колониальными и британскими солдатами.

Это дело было поручено мне.

Бельгийка была взята под подозрение после анонимного письма, написанного по-французски и адресованного в местную полицейскую префектуру. В письме указывалось, что «женщина, работающая в чайной, посещаемой англичанами, говорит по-английски. Она бельгийка и задает английским солдатам вопросы важного характера».

Нужно было проверить и расследовать это сообщение. Переодевшись пехотным сержантом, я стал заходить в чайную для послеобеденного чаепития.

Официантка была приятной и живой особой, лет двадцати двух, с большими темно-голубыми глазами, которыми она умела пользоваться для привлечения внимания мужчин. Кокетливая девушка недурно говорила по-английски, что создало [27] ей популярность среди английских солдат. Она вскоре узнала меня, как завсегдатя; у нас завязалась дружба.

Я никогда не слышал, чтобы молодая женщина задавала солдатам вопросы подозрительного характера.

Меня заинтересовало частое присутствие в чайной одного штатского. Он был молчалив и необщителен, но всегда держался настороже, словно подслушивал разговоры посетителей военных. Я его видел раз шесть в течение трех недель.

Однажды вечером я решил проследить за молчаливым господином. Когда он уходил из чайной, я выскользнул за ним и проследил его до одного дома.

Открыв местожительство незнакомца, я продолжал посещать чайную, где встретил его еще два-три раза. При этом я обратил внимание на то, что девушка тщательно его избегает, Она как будто боялась этого человека, и это еще более усилило мое любопытство.

Между тем французская контрразведка установила, что выслеживаемый мною человек — швейцарец.

Какую цель преследовал этот швейцарский подданный, регулярно просиживая вечера в чайной, которую посещали преимущественно солдаты? В городе было много других кафе.

Швейцарец по-английски не говорил. Да и чай не является национальным напитком швейцарцев.

Французы, решили допросить официантку-бельгийку. Она заявила, что анонимное письмо о ней было написано, как это ни странно, ею самой. Она сочла нужным обратить наше внимание на ее положение. Она никому не доверяет, так как напугана человеком, который регулярно посещает чайную.

Этот человек был, по ее словам, немцем, а не швейцарцем. Он только приехал через Швейцарию месяца два тому назад.

Он сказал девушке, что ему известно, где скрывается ее брат в Бельгии. Если он раскроет его местопребывание, не миновать смерти ни брату, ни тем, кто его укрывает. А укрывали брата отец и мать ее мужа, который служит в бельгийской армии. Шпион заявил дальше, что если она не будет сообщать всего того, что слышит среди английских солдат, то он выдаст ее брата германской разведке в Брюсселе. И ей лично он угрожал смертью, если она его выдаст.

Мы действовали, видимо, недостаточно быстро. Мнимый швейцарец исчез.

Развязка этой истории наступила три месяца спустя в столице Франции.

Я работал совместно с французской тайной полицией по одному делу о шпионаже, не имеющему никакого отношения [28] к случаю в Гавре. Я выполнил свое задание и сидел с одним французским коллегой на бульваре в известном интернациональном кафе Вебера.

В пестрой многонациональной толпе, которая проходила мимо нас, мое внимание было внезапно привлечено двумя пассажирами: мужчиной и красивой женщиной, выходящими из такси. Женщина меня не интересовала, мое внимание было всецело поглощено мужчиной. Казалось невероятным, но предо мной был не кто иной, как тот разведчик, который ускользнул из рук нашей союзной контрразведки в Гавре каких-нибудь три месяца назад. Шпион и его спутница вошли в кафе.

Выражение моего лица было, очевидно, очень красноречивым, так как мой французский коллега встревоженно спросил:

— Что с вами?

Я ему рассказал о причине своего волнения.

— Какое счастье! — изумился он. — Я остаюсь, чтобы помочь вам. Будьте на страже, они от нас не уйдут.

Через 10 минут я посмотрел вокруг себя на весело разговаривающие группы за столиками. Среди усаживавшихся в кресла то здесь, то там посетителей я насчитал трех работников французской разведки. Все они имели при себе огнестрельное оружие и были хорошими стрелками.

Мы ждали свыше двух часов. Наконец, сигнал был дан. Разведчик и его спутница собирались уходить. Когда они вышли из кафе и медленно направились к площади Мадлен, мой коллега и я тесно подошли к ним с обеих сторон. Следившие за ходом дела французы немедленно сделали то же самое.

Это не был сенсационный арест. Это была группа «неожиданно» встретившихся людей. Однако эта встреча была последним салютом двум из наиболее опасных разведчиков, которые когда-либо работали против союзников.

Арестованный оказался немцем, по фамилии Андрэ Потэн, он же Отто Ведербург, он же Густав Рихофен. Шпион имел еще много других ложных имен, но под этими тремя был наиболее известен.

Это был двойной успех, потому что женщина оказалась знаменитой Маргаритой Франсиляр, о которой я буду говорить в одной из следующих глав.

Оба разведчика были уличены в шпионаже и после суда расстреляны. [29]

Глава VI. Шпионаж в морских портах

Портовые документы Англии и Франции содержат очень много данных об успехах немецких разведчиков в морском шпионаже. В обеих странах было зарегистрировано много случаев катастрофической гибели боевых судов, но никогда не будет установлено достоверно, являлись ли эти случаи делом рук неприятельских агентов или же они должны быть приписаны стечению обстоятельств.

В Соединенных Штатах Америки, до их вступления в мировую войну, германскими шпионами было совершено несколько диверсий. В одном крупном морском порту произошел взрыв, стоивший жизни многим сотням людей. Делалась попытка взорвать «Левиафан», но заговор был раскрыт американской тайной полицией.

Две страшные морские катастрофы произошли в Англии, одна в Дувре, другая в Инвергордонском порту. Во втором случае был взорван корабль «Нетэль». Во время взрыва погибло свыше 400 человек.

Шпионаж свирепствовал в нейтральных портах Европы и вдоль средиземноморского побережья, где британские транспортные корабли находились под постоянным наблюдением неприятельских подводных лодок, получавших шпионские сведения по радио.

О значении этого вида шпионажа говорит история военного транспорта «Лизоу Кэстль», перевозившего войска и погибшего в Средиземном море.

Эти факты мне были сообщены Хэлом, бывшим капитаном королевских гусаров.

«Мы покинули Александрийский порт, — рассказывал он, — имея на борту 3 500 солдат. Наш рейс сохранялся в строжайшей тайне.

Вечером, около 11 часов, на нас напала подводная лодка.

Я был в числе 350 человек, которым удалось спастись. Среди спасенных был также один кавалерист из добровольческого полка. Этот человек дважды спасался с кораблей, потопленных германскими подводными лодками. Оба эти корабля выходили в рейс из одного и того же порта».

Некоторое время спустя наша контрразведка арестовала одного грека, у которого нашли радиопередатчик, установленный в верфи около Александрии. Шпион сознался, что свыше 10 месяцев он посылал по радио сообщения одной подводной [30] лодке на Средиземном море. Этим и объяснялся успех немецких подводников.

Вскоре после ареста шпиона наше адмиралтейство отправило фиктивное сообщение, исходящее будто бы от этого грека и извещающее о выходе военного транспортного судна.

Вместо транспорта было послано вооруженное судно, прекрасно замаскированное.

Почти одновременно с английским кораблем в указанной долготе и широте появилась подводная лодка, всплывшая на поверхность. Шесть точно направленных залпов положили конец карьере этой зловещей подводной лодки.

Неудача Дарданельской кампании объясняется, несомненно, деятельностью агентов германской разведки. Наши приготовления отмечались в Египте и других местах задолго вперед.

Германская военная миссия в Константинополе знала, что англичане собираются высадить десант у Дарданелл. Это позволило туркам и их немецким советникам своевременно укрепить полуостров, а также минировать пролив.

Испания была рассадником шпионажа. То же самое можно сказать и о Голландии. Мне кажется, что нельзя привести лучшего примера для иллюстрации портового шпионажа, чем случай со злосчастным англичанином, капитаном Чарльзом Фрайэттом.

Когда разразилась война, Фрайэтт плавал в качестве капитана на «Брессель».

Фрайэтт был на учете у германской разведки, которая видела в нем достойного противника.

Подводная война причиняла Фрайэтту беспокойство. Ведь он был капитаном британского торгового флота, и безопасность его пассажиров, его экипажа и судна являлась предметом его первой и естественной заботы. Но капитан не боялся немцев. Чувство страха было ему неведомо.

Нет никакого сомнения в том, что капитан Фрайэтт в таких именно выражениях высказывался в Роттердаме, может быть, в присутствии вражеских ушей. Во всяком случае о его вызывающем поведении немецкие шпионы были осведомлены.

Первый раз судно Фрайэтта подверглось нападению германской подводной лодки 2 марта 1915 года. Отойдя от английских берегов и пройдя три четверти пути, судно было замечено неприятельской подводной лодкой U-33.

Капитан Фрайэтт отдал распоряжение: «Полный ход вперед». Через некоторое время преследуемый корабль был опережен неприятелем, но, в конце концов, Фрайэтт все же перегнал [31] германского пирата и стремительно поплыл к голландскому порту Роттердам, куда благополучно добрался.

Между тем, лодка U-33 известила германских агентов в Роттердаме, что «Брессель» бросил ей вызов. 28 марта командиру пиратской подводной лодки более чем повезло. Он потопил без предупреждения пароход «Фалаба», где погибло 104 человека, в том числе женщины и дети. «Брессель» на время был оставлен в покое. Но однажды та же подводная лодка снова попыталась потопить судно Фрайэтта.

«Брессель» получил с подводной лодки сигнал остановиться. Что произошло дальше, об этом точных сведений нет. Известно только, что, случайно или намеренно, но «Брессель» ударил подводную лодку.

Оставшиеся в живых немецкие подводники вернулись в Голландию и сообщили о катастрофе. С тех пор участь капитана Фрайэтта была решена. Германская разведка принялась за ним охотиться. Она, по-видимому, поручила какому-нибудь шпиону сделаться непременно пассажиром «Брессель», когда Фрайэтт плавал на этом судне.

23 июня 1916 года «Брессель» в очередном рейсе наткнулся около Зеебрюгге на германскую флотилию миноносцев, которая его захватила как военную добычу.

«Большая восточная железнодорожная компания» выпустила книжку, в которой об этом эпизоде говорится следующее: «Среди пассажиров на борту «Брессель» был один очень подозрительный человек, к которому немцы проявили много уважения». Комментарии излишни. Ясно, что это был агент германской разведки, которому было поручено выслеживать капитана.

Такой человек, как Фрайэтт, был опасен для немцев, делавших в морской войне ставку на устрашение. Они рассуждали, что если нейтральные государства — Голландия или Скандинавские страны узнают, что один капитан из Британского торгового флота вступил в дерзкое единоборство с германской подводной лодкой, то это будет уроном для престижа германского флота.

16 июля 1916 года капитан Фрайэтт предстал перед военно-морским судом в Брюгге по обвинению в том, что «сделал попытку стрелять в лодку U-33 около плавучего маяка».

Фрайэтт отвергал это обвинение; свидетели, бывшие пассажирами «Брессель», клялись, что это было делом случая.

Но германцы Фрайэтта живым теперь не выпустили. [32]

Глава VII.

Как мой друг «Капитан» содействовал разгрому германской тихоокеанской эскадры

Лучше всего соблюдавшейся тайной в Германии был ее союз с Турцией. Если бы союзники своевременно узнали об этой «дружбе», история Дарданелл выглядела бы совсем по-иному.

Незадолго до начала войны британские судостроительные верфи начали постройку военных кораблей для иностранных государств, в том числе и два бронированных крейсера для Турции. Один из них — «Решадие», который строился на тайнских верфях Армстронга, к началу войны был уже совсем готов, а постройка другого близилась к концу.

«Решадие» доставил особенно много хлопот. К началу мировой войны турецкий экипаж численностью свыше 500 человек уже прибыл в Англию и готовился приступить к службе на «Решадие». Временно турецкие моряки жили на одном из пароходов на Тайне. Было очень опасно допустить, чтобы экипаж вступил на «Решадие», так как пришлось бы преодолеть недовольство рабочих Армстронга.

По распоряжению морского министра, переданному через морскую разведку и тайную полицию, на судне был поставлен военный отряд, которому было приказано не допускать на корабль ни одного человека из турецкого экипажа.

Уинстон Черчилль говорит: «Меня часто упрекали в том, что реквизиция этих судов была будто бы одной из причин, приведших три месяца спустя Турцию к войне».

Никакой англичанин не станет отрицать, что морской министр в тот критический момент истории поступил правильно. Германия, по-видимому, знала, что постройка турецких судов близится к концу и намечала присоединить их к «Бреслау» и «Гебену» в Средиземном море. Но это ей не удалось.

Германская военная контрразведка держала в абсолютной тайне союз Германии с Турцией. Англия знала об этом союзе, но чтобы не нарушить международных законов и нейтралитета, позволила «Гебену» и «Бреслау» выйти в море.

Тем временем германский вице-адмирал Сушон со своим флотом держался близ нейтральных вод Италии и Австрии, находясь все время под строгим надзором британской морской контрразведки, хотя мы с Германией еще и не воевали. [33]

Следует напомнить, что срок нашего ультиматума Германии в то время еще не истек. До 12 часов ночи 4 августа «Гебен» и «Бреслау» нельзя было ни атаковать, ни потопить.

Фактически ни «Гебен», ни «Бреслау» не имели намерения нападать на французские транспорты. Они со всей скоростью своих мощных машин держали курс на Константинополь.

«Гебен» и «Бреслау» — последнее слово военного кораблестроения по скорости и по оборудованию — выскользнули из наших рук.

Ответственность за эту ошибку несет разведка министерства иностранных дел. Она должна была раскрыть германские планы и передать их британскому флоту.

Дарданельская конвенция, которая закрывала пролив для военных кораблей, давала Англии непредвиденную возможность разрушить сплетения золота и интриг, которые связывали турецкое правительство с германским. Все находившиеся в Константинополе англичане ждали, что более сильная и быстроходная британская эскадра появится около турецкой столицы и потребует сдачи или уничтожения германских судов — нарушителей конвенции. Если бы имелось на то разрешение британского министерства иностранных дел, можно было бы преследовать «Гебен» и «Бреслау» до Константинополя и потопить их.

К началу войны в Южной Америке работал искусный британский разведчик, успехи которого сыграли крупную роль в исходе фолклендского сражения. Я его назову «Капитаном».

Во время катастрофического для нас Коронельского сражения погибло около 1 200 человек из экипажей английских судов. Адмирал Кредок имел перед собой мощные корабли германского флота, во главе которых стоял адмирал Шпее.

Благодаря этой победе Шпее стал хозяином морских путей от Панамы до мыса Горн. И это случилось в такое время, когда безопасность торговых путей к Дальнему Востоку была для Англии источником серьезнейшего беспокойства.

«Капитан» быстро оценил опасность, которая угрожала британскому флоту и ему самому лично. В то время в Южной Америке существовала широкая сеть шпионажа, и «Капитан» отразил не одно покушение на его жизнь. В него стреляли однажды в Монтевидео, потом он подвергся нападению в одном кафе в Вальпараисо.

3 ноября 1914 года «Капитан» получил следующее шифрованное сообщение: «Следи за движением угольщиков. Дай знать заинтересованным». [34]

Действуя на основании этих инструкций, «Капитан» установил, что два германских угольщика, «Амаесис» и «Сьерра дель Кордова», прибыли к тихоокеанскому побережью Южной Америки с большим грузом угля и что оба они были связаны каким-то тайным свиданием. Он также узнал, что германские разведчики послали радиogramму Шпее, извещая его о том, что на Фолкленде никого нет.

Уголь! Ведь только в результате получения угля адмирал Шпее мог благополучно уйти после Коронельского сражения.

Адмирал Тирпиц, германский морской министр, пишет в «Моих записках»: «После Коронеля от Шпее больше ничего не ожидали. Его главная задача состояла в том, чтобы без сражения привести обратно свои корабли и таким образом поддержать на недосягаемой высоте престиж, приобретенный в Коронеле».

Шпее был человеком храбрым и деятельным. Он хотел нанести еще один удар врагу, раньше чем отвести домой по безопасному пути свой победоносный флот. С этой целью он отклонился к Фолклендским островам, которые находились в 200 милях от него.

В то время немецкая эскадра находилась около острова Пиктона у входа в Биглский канал. Один из крейсеров этой эскадры захватил британское торговое судно «Друммир», которое огибало мыс Горн, направляясь к североамериканскому порту с грузом угля. «Друммир» был захвачен, а его ценный груз выгружен в трюм «Дрездена». 6 декабря 1914 года вечером «Друммир» был выведен из территориальных вод и потоплен.

Эта удача приободрила Шпее в его замысле разрушить морскую базу, радиостанцию и взять в плен губернатора Фолклендских островов. Но в водной пустыне подстерегала его британская эскадра.

Нет никакого сомнения в той, что если бы германская разведка знала об отправлении в южную часть Атлантического океана мощных крейсеров, вооруженных 12-дюймовыми пушками, то Шпее не пошел бы на такое сражение. Он отдал бы распоряжение своей эскадре рассеяться, и на всех британских торговых путях были бы расставлены многочисленные опасные пиратские суда.

Уголь был камнем преткновения для германцев. Им приходилось брать уголь в Сен-Винсенте, на острове Кейп Верд, входящем в португальскую территорию, а также вдоль южноамериканского побережья, в бразильских территориальных водах. [35]

Над этими двумя нейтральными странами — Португалией и Бразилией — Англия не имела никакого контроля. История Коронельской битвы была хорошо известна, и прибытие двух мощных английских судов вызвало значительное возбуждение. Только благодаря усиленной деятельности «Капитана» и других разведчиков в южноамериканской прессе не появилось сообщения о визите этих двух судов. Заметка была уже под печатным прессом и все же в газете не появилась, что свидетельствует об упорстве, с которым работала британская контрразведка.

После разгрома германской эскадры у Фолклендских островов «Дрезден» — один из наиболее скороходных крейсеров — сумел уйти от своих преследователей и, воспользовавшись ночной тьмой, исчез в южной части Атлантического океана. Радиogramмы, посланные угольщиками «Баден» и «Санта Изабелла», остались без ответа. Капитан «Дрездена» правильно предположил, что угольщики либо потоплены, либо захвачены в плен. Ввиду недостатка продовольствия, амуниции и угля, а главное из-за отсутствия всякой помощи со стороны морской контрразведки, он решил направиться к водам мыса Горн, в надежде найти там убежище и войти в контакт с агентами германской разведки.

Отчаянное положение «Дрездена» было видно из того, что ему во время этого рискованного плавания угрожала не меньшая опасность со стороны водной стихии, чем от преследователей. Особенно опасным местом был Кокбернский канал.

Корабль медленно пробирался сквозь скалистые проходы, а в полдень бросал якорь в каком-либо никем не посещаемом месте. О дальнейшей судьбе «Дрездена» рассказывает «Капитан»:

«13-го днем я узнал, что «Дрезден» грузит уголь в Пунто-Аренас. Я тут же принялся за работу и радировал британским властям о местопребывании судна и о том, что я все время следил за его передвижениями. В тот же день около 8 часов вечера «Дрезден» исчез. Я не мог ничего больше сделать. На следующий день пополудни прибыл английский крейсер, но было уже поздно. Тогда я решил переключить внимание на германский угольщик «Амансис», который там находился с 6-го, нагруженный углем. Он тоже ускользнул!

Мне удалось узнать у мулатки, которая была знакома с одним немецким матросом, что «Амансис» ушел куда-то в Тихий океан. Оставалось сделать одно: уведомить власти и предложить отказать «Амансису», когда он вернется, в дальнейшей поставке угля. Это было сделано. [36]

Недели через три, в январе, я стал удаленно собирать сведения о «Дрездене» и узнал, что он получил уголь от упомянутых выше двух угольщиков. В течение всего февраля я располагал точными сведениями о пребывании беглеца в разных портах и городах вдоль перуанского и чилийского побережий.

В том, что «Дрезден» находился где-то поблизости, я тогда был уверен.

Кроме того, имея нужный запас угля, он мог еще брать дань с британских коммерческих судов на торговых линиях.

Я тут же вошел в контакт с властями, и крейсер «Кент», которому было поручено разыскивать «Дрезден» на юге, повернул и направился к северу. 8 марта он заметил «Дрезден» в 7–8 милях. Немецкий корабль увидел приближающийся британский крейсер. В течение всего полудня продолжалась погоня по водам Тихого океана. У «Кента» не хватало угля, и ему пришлось отказаться от погони. Он радировал своим коллегам, капитанам «Орама» и «Глазго», что, наконец, нашел «Дрезден», и повернул к Коронелю, чтобы пополнить запас угля.

Дни «Дрездена» были сочтены. Снова без угля, без продовольствия и амуниции, он направится по единственно возможному для него маршруту к острову Мас-Афуэра.

В тех местах не было никаких средств к тому, чтобы нейтрализовать или интернировать корабль. Надо было вывести «Дрезден» из строя. На расстоянии приблизительно одного километра при ясной погоде был дан залп со всех трех английских кораблей. «Дрезден» ответил двумя залпами, после чего мы увидели, что он весь объят пламенем; его пушки замолкли.

Исчез кормовой флат, и на его месте появился белый флаг — знак сдачи. Англичане прекратили стрельбу. Мы видели, как матросы покидали «Дрезден». Как только они достигли берега, раздался страшный взрыв. Когда облако дыма и пламени рассеялось, на том месте, где был «Дрезден», ничего не осталось. Капитан предпочел взорвать корабль, но не отдать его врагу.

Таким образом погибло последнее судно тихоокеанской эскадры императорской Германии. Это был последний акт морской драмы».[37]

Глава VIII.

Как британская разведка добыла знаменитое письмо Циммермана

Наши приемные и передаточные радиостанции действовали образцово. Во многих случаях мы могли шаг за шагом проследить передвижения неприятельских эскадр, определяя с точностью местонахождение и путь их кораблей. Например, адмирал Шеер, главнокомандующий германским флотом, самый крупный авторитет, на который я могу сослаться, пишет: «Англичане получали информацию через свои «направляющие станции», которыми они пользовались, и которые были у нас введены лишь гораздо позже... Благодаря им англичане имели крупное преимущество в ведении войны, так как могли получать почти исчерпывающую информацию о местонахождении врага».

Англия перехватывала и легко расшифровывала немецкие секретные радиogramмы. Не только Германия, но и весь мир был изумлен, когда впоследствии обнаружилось, что мы знали самые важные германские шифры — генштабов, генерал-губернаторов, посольств и миссий за границей и других, менее важных учреждений. Получение этой информации является триумфом военной разведки.

В конце февраля 1917 года, до вступления Америки в войну, телеграмма агентства Рейтер сообщила миру текст письма германского министра иностранных дел Циммермана германскому послу в Мексике Экхарду:

«С 1 февраля мы начинаем неограниченную подводную войну. Однако мы намерены сохранить нейтралитет Америки. Если наши усилия в этом направлении окончатся неудачей, то мы предложим содействие Мексике на следующих условиях: мы будем воевать и заключать мир сообща; мы обеспечим финансовую поддержку и будем содействовать возвращению Мексике потерянных ею провинций — Нью-Мексико и Аризона. Подробности договора будут выработаны Вами. Позондируйте Карранцу в самой строгой интимной обстановке, и как только станет известно с достоверностью, что мы начинаем, воевать с Америкой, укажите ему, чтобы он по своей собственной инициативе вошел в контакт с Японией, заручился ее сотрудничеством и предложил свое посредничество для переговоров между Японией и Германией. Обратите внимание Карранцы на тот факт, что переход к неограниченной подводной войне может заставить Англию броситься [38] нам в ноги и привести к миру в несколько месяцев. Циммерман».

Абсолютная достоверность этого письма была бесспорно установлена союзниками, после чего произошел ряд дипломатических запросов, объяснений и опровержений со стороны заинтересованных стран. Япония категорически отрицала всякое участие в этой комбинации; мексиканское правительство отвергло подобные обвинения с не меньшей силой. Оба государства подтвердили свою полнейшую верность союзникам.

Однако было ясно, что Германия приглашала Японию и Мексику вторгнуться: своими армиями в США через Мексику по долине Миссисипи, разделив, таким образом, страну на две зоны военной агрессии.

Само собой разумеется, что появление этого письма в печати вызвало большую тревогу в США, и федеральное правительство приложило все свои усилия к тому, чтобы не втянули Америку в войну.

Как это случилось, — спрашивали в Рейхстаге, — что такое в высшей степени секретное письмо, переданное абсолютно секретным шифром, было украдено по пути и опубликовано? Циммерман не мог на это дать никакого ответа.

Любопытно то, что провинившийся государственный деятель не указал, как было послано письмо. Догадался ли он, что его радиограмма была перехвачена?

Каким образом Англия добыла ключ к секретному шифру и тем самым вызвала такие крупные события в истории мировой войны?

Согласно германской версии, ловкий молодой австриец Александр Сцек, высококвалифицированный инженер-электрик и радиоэксперт, имел доступ к секретному шифру в силу своих исключительных технических познаний. Эту привилегию он разделял с некоторыми другими высокоответственными лицами. Помещение для радиопередач находилось в доме генерал-губернатора в Брюсселе. Отсюда передавались все государственные сообщения правительства, в том числе и письмо Циммермана.

Это письмо, вместо того чтобы быть посланным германскому послу в Мексике с курьером, было передано по радио мексиканской радиостанции и оттуда направлено германскому послу. О том, что наиболее важный код германского правительства попал в

руки союзников, германцы узнали лишь после войны, по разоблачениям, появившимся в печати. [39]

Установлено, что у Александра Сцека мать была англичанка. Немцы утверждают, что английская разведка поспешила этим воспользоваться для того, чтобы побудить молодого инженера изменить своему отечеству. Ему будто бы была предложена крупная сумма денег, он сделал копию с секретного шифра и с этой копией поехал в Англию. После того, как он высадился в Англии, его больше никогда не видели.

Что шифр благополучно дошел до англичан, это было очевидно, так как с того времени союзники могли получать и расшифровывать государственные сообщения, посылаемые по всей Германской империи.

После исчезновения Александра Сцека его отец израсходовал крупные суммы денег на розыски сына. След вел из Бельгии в Англию и там исчезал.

Германия утверждает, что англичане были заинтересованы в том, чтобы заставить Сцека навеки замолчать. Если бы он продолжал жить, то мог бы в минуту слабости выболтать о своей измене отечеству. Сведения могли бы дойти до ушей германского правительства, и тогда оно переменило бы свой шифр, в секретности которого нисколько не сомневалось.

Физическое уничтожение Александра Сцека было единственным верным средством заставить его молчать.

Такова германская версия.

Что касается английской версии, то я предоставляю слово Уинстону Черчиллю, книга которого «Мировой кризис» по-своему освещает этот вопрос.

«В начале сентября 1914 года легкий германский крейсер «Магдебург» потерпел крушение в Балтийском море. Несколько часов спустя тело одного утонувшего германского унтер-офицера было извлечено из воды русскими. У него за пазухой, сжатые окоченевшими руками, лежали книги шифров и сигналов германского флота и тщательно вычерченные карты Северного моря и Гельголандской бухты.

6 сентября меня посетил русский морской атташе. Он получил из Петрограда уведомление о находке шифров и о том, что русскому адмиралтейству удалось с помощью этих шифровых и сигнальных книг разобрать, по меньшей мере, отдельные места из морских германских радиogramм. Русские понимали, что британское адмиралтейство, представляющее ведущую морскую державу, имеет наибольшую надобность в этих книгах и документах. Мы немедленно послали корабли, и в один прекрасный октябрьский вечер князь Луи [40] и я получили из рук наших союзников эти драгоценные, окрашенные в цвет морской воды, документы.

Мы тут же создали организацию для изучения германских радиogramм и радиопередач после того, как шифр будет разобран. Во главе этой организации был поставлен Альфред Эвинг, директор морской школы, который в этом деле, как и во многих других, оказал адмиралтейству неоценимые услуги. Работа оказалась чрезвычайно сложной, так как шифр, естественно, является лишь одним элементом среди ряда других средств, направленных к тому, чтобы обеспечить тайну радиопередач. Но мало-помалу в начале ноября нашим офицерам удалось уже перевести части различных германских морских

радиограмм. Очевидно, что пока существовал этот источник информации, он был для нас чрезвычайно ценным».

Теперь я изложу другую, новую версию: я могу ручаться за достоверность следующего рассказа, так как был знаком с его главным действующим лицом.

В конце 1915 года один солдат французского иностранного легиона, которого я назову Смитом, вызвался охотником работать позади неприятельских линий. Его предложение приняли, и некоторое время спустя, когда способности разведчика полностью выявились, Смита перевели во французскую контрразведку.

В то время Брюссель кишел агентами германской тайной полиции. Один неправильный жест разведчика мог повлечь его неминуемое разоблачение и смерть. Смигу было поручено в такой обстановке попытаться раздобыть тайный шифр, которым пользовалась германская радиостанция в Брюсселе.

Это поручение было связано с величайшим риском, но бесстрашный молодой человек за него взялся. Имея при себе парашют, узел с одеждой и режущее оружие, он поднялся на самолете французского летчика и, когда машина находилась над окрестностями Брюсселя, выпрыгнул. Благодаря искусству летчика он благополучно приземлился на свекловичном поле. Под прикрытием темноты Смит спрятал свой парашют и, переодевшись бельгийским крестьянином, отправился в путь.

Он тщательно разработал свой план. В Брюсселе было кафе, арендуемое тремя бельгийскими патриотами: — молодым беженцем из Антверпена, признанным по слабости здоровья негодным к военной службе, его сестрой и еще одной бельгийской девушкой.

Брат, квалифицированный электротехник, работал на близлежащей [41] фабрике, на которой он мог, ввиду недостатка рабочей силы, подыскать работу и Смигу.

Смит был известен им как агент разведки, которого они могли выдать немцам в любую минуту. Но их лояльность была безупречна; они делали все, что могли, вплоть до того, что доставили ему подложные документы. Вскоре положение приобрело характер запутанной романтической истории. Между Смитом и одной из девушек завязался роман, и в то же время вторая девушка тоже влюбилась в молодого разведчика. Смит затеял большую игру, и когда представился случай, то не поколебался использовать для своих целей ту девушку, которой не мог ответить взаимностью.

По счастливой случайности ему удалось узнать, что один германский унтер-офицер, посещавший кафе, работал оператором на радиостанции, шифр которой Смит должен был раскрыть, рискуя своей жизнью. Этот немец был безумно влюблен в одну из девушек, подругу той, которую любил французский разведчик.

Своей возлюбленной, которую мы назовем Марией, Смит сообщил план похищения шифра. Она должна была скрыть свою любовь к храброму разведчику и «разыграть» свою подругу Ивонну, побудив ее получить от своего немецкого поклонника копию секретного шифра.

Ивонна завоевала доверие молодого немца. Она и ее брат — большие любители радио. Она хотела бы, чтобы немец когда-нибудь рассказал о своей работе. Польщенный ее интересом, немец охотно ответил на все вопросы, которые ему поставила девушка, и

которые были, конечно, подготовлены Смитом. Прошли недели, и, в конце концов, ничего не подозревающий молодой оператор изложил всю шифровую систему; Смит записывал весь код по памяти, что представляло значительную трудность и тем самым увеличивало цену успеха.

Теперь осталась самая трудная часть его задачи. Надо было каким угодно путем лично доставить — это драгоценное открытие своей контрразведке; он решил надеть германскую форму, сесть в воинский поезд, который стоял на линии, затем пересечь межкопную зону, рискуя быть застреленным, и «сдаться в плен» англичанам. Это был рискованный план, но его нужно было выполнить.

Мария достала полное германское обмундирование; брат добыл в ближайших казармах винтовку. Смит переоделся и отправился к немецким линиям. [42] Он убрался вовремя. Как только он черным ходом ушел из кафе, трое агентов германской военной полиции вошли через парадную дверь и потребовали у всех находящихся в кафе документы. Частые посещения кафе молодым радиооператором вызвали подозрения полиции, его выследили и арестовали.

А наши заговорщики дрожали. Неужели молодой немец во всем сознался?

Наконец, прямой вопрос:

— Где человек, который только что был здесь?

На этот вопрос с необыкновенной находчивостью ответила Мария. Жизнь ее возлюбленного зависела, вероятно, от этих нескольких минут, которые она могла выиграть для него.

Она бойко ответила, что человек, которого ищет полиция, был другом ее брата и возлюбленным ее подруги.

На остальные вопросы относительно его национальности и работы она отвечала уклончиво. Наконец, как бы запуганная германскими агентами, Мария сделала «признание»:

— Хорошо, если вы хотите знать, — сказала она, — то этот человек был дезертиром и удрал.

Об основных фактах немцы ничего не знали. Молодой оператор должен был признать свои частые визиты в кафе, так как за ним следили уже несколько недель. Однако последующие события показали, что хотя он и говорил кое-что властям, но о передаче девушке кода не сказал ничего.

Мария и Ивонна предстали перед германскими военными властями по обвинению в подозрительном поведении и в «укрывательстве дезертира».

После долгого и всестороннего расследования Ивонна была приговорена к долгосрочному тюремному заключению, а Мария была осуждена на более короткий срок.

Смит добрался до своей цели. Окольными путями, ежеминутно рискуя своей жизнью, он дошел до германских окопов, ночью перебрался через межкопную зону и, будучи еще в германской форме, сдался отряду канадцев.

Такова история письма Циммермана в трех противоречивых версиях о хищении секретного кода. [43]

Глава IX.

Секретные поручения, выполняемые подводными лодками

Нужно быть очень опытным и ловким человеком, чтобы выполнить те военные задания, которые французы называют секретной работой. Во время Дарданельской кампании было очень трудно получить практическую информацию.

Союзникам удалось так начисто отрезать турецкую армию от морских путей сообщения, что одно время на всем полуострове оказался очень незначительный запас продовольствия и амуниции, так как единственным средством подвоза были воловые упряжки. Они тянулись на протяжении ста миль по единственной дороге, открытой для бомбардировок с моря.

В октябре 1914 г. союзники были уведомлены о том, что пролив от одного берега до другого покрыт минами и что минные поля непроходимы.

Несмотря на это, в декабре 1914 года помощник командира Норман Холбрук нырнул со своей подводной лодкой Е-15 глубоко под густые минные поля и потопил в Константинопольской гавани турецкий крейсер «Мессудие». Лодка Е-15 была, таким образом, первым неприятельским судном, проникшим в турецкие воды за последние 500 лет!

25 апреля 1915 года, подходя к Дарданеллам, австралийская подводная лодка АЕ-2 нырнула под минные поля. На борту у нее находился сотрудник контрразведки, которого нужно было высадить поближе к берегу. Подводная лодка благополучно прошла минное поле. Под покровом темноты сотрудник разведки доплыл до берега, толкая впереди себя маленький плот, к которому была привязана его одежда.

В течение пяти дней АЕ-2 крейсировала по Мраморному морю и потопила две большие канонерки и много торговых неприятельских судов. 29-го числа того же месяца лодка взяла на борт союзного агента, который успел собрать много ценной информации. Но 30-го числа утром, к концу этого отважного рейса, подводная лодка встретила турецкий миноносец, который потопил ее после двухчасовой погони и борьбы.

Тем временем подводная лодка Е-14 под начальством помощника командира Бойля нырнула на глубину 100 футов, почти под минное поле, потом смело вынырнула и, несмотря [44] на артиллерийский обстрел фортов, взорвала турецкую канонерку.

В июне Бойль совершил свой второй рейс; он длился 25 дней, в течение которых лодка потопила 15 неприятельских судов. К ней присоединились подводные лодки Е-12 и Е-7.

Они установили настоящее царство террора, потопив в общей сложности 45 германских и турецких судов. Помимо того, они произвели большие разрушения шоссе и

железных дорог вдоль побережья и добыли много ценных сведений, оставляя в пустынных областях побережья агентов разведки и снимая их оттуда через известные промежутки времени.

Приведу историю лейтенанта Лайэнса и его подводной лодки Е-2. Однажды утром на рассвете лейтенант бросился в море и поплыл, толкая впереди себя маленький плот. На этом плоту находились: заряд взрывчатого вещества, одежда для переодевания и револьвер. Лайэнс задался целью взорвать большой склад амуниции турецкой армии. Он должен был подать своему судну сигнал об успешном исходе операции, сначала шумом взрыва, а потом выстрелом из револьвера.

Его товарищи, которые находились на расстоянии полумили от берега, с нетерпением ждали сигнала. Прошло полчаса, час, еще четверть часа. Вдруг ослепительное зарево осветило небо. Раздался оглушительный взрыв. Теперь стали ждать револьверного выстрела. Ожидание было напряженное, минуты казались часами. Рассвело, а о Лайэнсе ничего не было известно. Весь день подводная лодка курсировала по соседству, надеясь, вопреки очевидности, что с лейтенантом ничего серьезного не случилось. Но ожидание было напрасным. Лайэнс не вернулся. Его больше никогда не видели.

Таким же смелым, но более счастливым был лейтенант Дойлей Югс. Он плавал на своей подводной лодке близ берега целую ночь, выбирая удобный момент для того, чтобы взорвать железнодорожный мост.

Дойлей Югс буквально вступил в единоборство с турецко-германскими сухопутными силами, взрывая виадук на Берлинско-Багдадской железной дороге, около Стефани, где линия проходит близко к морю. Вот его история.

Подводная лодка, которой командовал Дойлей Югс, медленно шла вдоль побережья, все больше и больше приближаясь к тщательно охраняемому пункту. На вершине утеса, возвышавшегося над мелким отлогим беретом, вооруженные часовые и зоркие патрули охраняли виадук.

Уложив на маленьком плоту порох, одежду, револьвер, [45] длинный острый кинжал, переносный электрический фонарь и свисток, этот отважный офицер, толкая перед собою смертоносную ношу, отправился в половине второго утра в свой рейс разрушения.

Течение было очень бурное. Наконец, Югс добрался до берега под отвесными обрывистыми утесами. Продвигая и толкая ногой плот среди прибрежных водоворотов, он добрался до отлогого берега, откуда к виадуку вела дорожка через береговые утесы. К виадуку можно было подойти только со стороны этих усиленно охраняемых утесов.

Смельчак наскоро переделался и, держа в мешке на плечах взрывчатое вещество, начал карабкаться на утес. Один неправильный шаг, шум покотившегося булыжника — и на лейтенанта был бы направлен безжалостный свет прожектора и ружейный огонь часовых. Наконец, он добрался до верхушки утеса.

Тщательно завернув взрывчатое вещество, Югс взял в руки кинжал и стал осторожно продвигаться к предмостному укреплению. Вдруг из-за высокого валуна показались голова и плечи турецкого солдата... Миг — и кинжал вонзился в часового.

Пробираясь ползком вглубь, разведчик достиг предмостного укрепления. Тут его ожидало новое препятствие. При свете бивуачного огня он заметил большой вооруженный отряд.

Юге был глубоко взволнован, но от своей задачи не отказался. Вероятно, имеется другой доступ к виадуку. Лейтенант решил подождать некоторое время и передохнуть после утомительного восхождения на утес; может быть, какая-нибудь идея мелькнет в голове.

На конце виадука на протяжении приблизительно двухсот метров тянулся кирпичный мост, доходивший до суши и состоявший из трех пролетов. Можно ли было взорвать железную дорогу в этом месте?

В течение трех с четвертью часов он осторожно полз, неся с собою взрывчатое вещество, скользя под самым боком у турецкой охраны. Потом, положив свой материал под одну из арок, зажег фитиль и направился к вершине.

Одновременно со взрывом вспыхнул ослепительный свет прожекторов. Загрохотали пушки, выбрасывая снаряды по всем направлениям. Югс направился к открытому морю.

Три или четыре турка заметили разведчика. Началась погоня. Преследуемый турками, которые все время в него стреляли, Дойлей Югс стремительно мчался по направлению к морю. [46] Какое-то подсознательное чувство помогло ему добраться до берега и найти то место, откуда, согласно условию, он должен был сигнализировать электрическим фонарем о своем возвращении.

К своему ужасу он заметил, что потерял фонарь, и услышал шум все более приближавшихся турецких солдат, которые рыскали по утесам и по отлогому берегу в поисках беглеца.

Нельзя было терять ни одной минуты. Быстро приняв решение, он сбросил одежду, положил ее под скалу и пустился вплавь по морю. Он слышал, как его преследователи возобновили стрельбу, так как они нашли его одежду. Путь назад был отрезан.

Вода была холодная, как лед. Пробыть еще четверть часа в этом состоянии парализующего окоченения — значило обречь себя на верную смерть. Он еще плыл, наполовину потеряв сознание, как вдруг ему померещилось, что на расстоянии около трехсот метров от него проходит что-то похожее на парусное судно. Это, вероятно, турецкое судно, и тогда он погиб.

Вдруг послышался ободряющий крик:

— Алло, сюда!

Это была подводная лодка E-11, которая ожидала своего командира. Лейтенант Дойлей Югс был спасен.

Другим смелым подвигом, совершенным одним британским разведчиком, было курсирование вдоль Дарданелл по Мраморному морю в маленькой шлюпке, замаскированной под турецкое торговое судно. Этому разведчику удалось взорвать «Гайда Паша Асмера», груженный шестимесячным запасом военного снаряжения, предназначенного для германо-турецких войск.

Ярким примером, иллюстрирующим значение информации во время военных операций, может служить трагическая участь британской подводной лодки E-20. По какой-то случайности французская подводная лодка «Тюркуаз», работавшая в сотрудничестве с

англичанами, была вместе с командиром и всем экипажем захвачена турками. Находившиеся в ней документы были переданы германской разведке, которая получила таким путем много ценной информации и, в частности, узнала о том, что «Тюркуаз» должна была через два дня встретиться с британской подводной лодкой E-20.

Германская разведка сообщила об этом по радио германской подводной лодке UB-15, находившейся в Черном Море.

В день предполагавшейся встречи на рассвете E-20 появилась на поверхности моря около Родоста. Внезапная атака, [47] — грохот, и торпеда, пущенная поджидавшей подводной лодкой UB-15, послала ко дну английскую лодку.

Эта глава о победах и трагедиях на море будет неполной, если я не расскажу о покойном лорде Китченере, имя которого до сих пор вызывает страстные споры. Его образ приковывает к себе внимание даже после многих лет, прошедших со дня его трагической гибели.

Несмотря на все то, что было написано о последних днях Китченера, еще в ходу разноречивые мнения относительно обстановки и причин его гибели. Разрешите мне здесь изложить достоверную версию.

5 июня 1916 года, через четыре дня после Ютландского боя, крейсер «Хемпшир», имевший на борту лорда Китченера, отправился из Скапа в Россию. Как раз напротив Оркнейских островов судно наткнулось на мину и потонуло. Эта мина была частью минного поля, заложенного еще до Ютландского боя германской подводной лодкой C-75 по приказу адмирала Шеера. Германская разведка знала, что английский флот обычно проходит восточнее этих островов. Минное поле было заложено на тот случай, если наш флот заподозрит присутствие мин на обычном пути и направится влево.

К сожалению, «Хемпшир» так и поступил, чего не мог предвидеть никакой разведчик. Сильный шторм дул с востока. Штаб Китченера сделал все, чтобы убедить лорда отложить поездку до успокоения моря, но Китченер оставался непоколебимым и не хотел слышать об отсрочке. Если бы не свирепые волны, можно было бы легко спасти лорда Китченера и большую часть экипажа, тогда как из-за шторма удалось спасти только горсточку людей.

Это событие тотчас же получило известность. Распространились слухи о смерти Китченера и даже легенды о его спасении. Поводом для этого послужил тот факт, что весть о катастрофе до Берлина дошла в 10 часов утра, а в Англии была опубликована лишь в 1 час 30 минут. На самом же деле информация запоздала из-за ошибки, совершенной премьером, отделом печати и адмиралтейством.

В 1921 году был показан фильм, под названием «Как Китченер пал жертвой измены». Фильм демонстрировался перед аудиторией, состоявшей из членов парламента, пэров, представителей военного министерства и адмиралтейства и из двух сестер лорда Китченера.

Кинокартине была создана большая реклама. Говорили, что фильм покажет, как одна женщина предала Китченера и как [48] Германия, используя Распутина, узнала, что Китченер должен был ехать на «Хемпшире».

Фильм подвергся резкой критике. Конечно, были люди, которые верили в правдивость его содержания, но одна из сестер Китченера заявила, что кинокартина является оскорблением памяти брата. Фильм был запрещен.

В 1926 году была сделана другая жалкая попытка ввести в заблуждение публику: одна воскресная газета напечатала рассказ о том, что тело Китченера было найдено на побережье Норвегии. Гроб с телом лорда якобы был доставлен в Англию.

Снова начались споры, и, наконец, в одном лондонском ежедневнике появилась заметка, в которой журналист писал: «Я выдумал всю историю о том, что нашли тело лорда Китченера на норвежском побережье».

Казалось бы, это должно было положить конец всем слухам.

В смерти лорда Китченера нет ничего таинственного. Власти высказали свое суждение. То же сделал и Джеллико в своей книге «Великий флот», которую нужно рассматривать как последнее слово о трагедии Китченера и о катастрофе «Хемпшира». В одной недавно опубликованной книге автор приводит личное письмо Людендорфа, в котором бывший германский главнокомандующий заявляет, что Германия не делала никаких покушений на жизнь Китченера. И, по-моему, это верно.

Дальше говорили, что наша разведка совершила ошибку; что за две-три недели до отъезда Китченера в Россию было известно о его намерении совершить этот рейс; что «Хемпшир» был взорван адской машиной, положенной руками шпионов; что германская разведка знала о предполагавшемся рейсе, в Россию и что она выслала подводную лодку для того, чтобы подстеречь злополучное судно. Правда, германская разведка знала о предполагавшемся рейсе. Но она считала эту информацию маневром союзников, имеющим целью скрыть, что Китченер ведет операции на Дарданельском фронте.

Глава X.

Шпионаж с помощью самолета

На Западном фронте союзные летчики, выполняя специальные задания, на самолетах спускали разведчиков.

Французские летчики отличались высоким авиаторским искусством. Несколько примеров.
[49]

Герой пятидесяти трех воздушных сражений Гинемейер выполнял и ряд специальных поручений. Его деятельность причинила столько неприятностей врагу, что тот назначил премию за голову летчика, если его доставят живым или мертвым.

Однажды Гинемейер чуть не погиб около Вервенса. Он должен был спустить одного школьного учителя (который был через три дня выслежен и расстрелян врагом) и заметил два удобных для приземления места.

Одно поле было особенно удобно для посадки. Второе было хуже — неровное, усеянное мелкими холмами.

Летчик уже хотел было приземлиться на прекрасном зеленом поле, когда в глаза ему бросилась сеть блестящей туго натянутой проволоки вроде той, которую употребляют для ловушек. Германцы, очевидно, предвидели возможность посадки французского самолета на этом поле и приготовили прием непрошенному гостю.

Другой летчик, Ведрин, спустил около Ретеля французского солдата, которому было поручено наблюдать за поездами, за обозами и вообще за передвижениями неприятеля. Разведчик навестил свою жену, чем обнаружил себя, вскоре его выдали, и он был расстрелян.

Лейтенант Наварр спустил в распоряжение неприятеля другого французского солдата, переодетого крестьянином, под фамилией Борд. Этот разведчик оставался на оккупированной германцами территории около месяца, потом добрался до голландской границы и оказался в безопасности.

Спустившись около Мезьера, он имел в глубоких, специально выкроенных внутри жилета карманах почтовых голубей.

Когда он ходил вдоль неприятельских линий и по деревьям, то всегда имел при себе своих пернатых друзей. Одна голубка по кличке Полина постоянно ворковала, ей начинал вторить голубь Виктор. Голубиные излияния могли выдать разведчика. Поэтому, как только француз замечал кого-нибудь, он принимался кашлять и чихать. Через некоторое время от частого повторения этой уловки у него заболела гортань. Тогда он обычно слегка ударял локтем по головкам голубей, приказывая им этим сигналом держаться спокойно.

— Мне было поручено получить информацию о мосте между Мезьером и Шарлевиллем, — рассказывал потом Борд. — После выполнения задания я хотел выпустить Полину, так как она была слишком опасна. Я добрался до места и наблюдал за германскими часовыми, которые проверяли документы [50] всех штатских. После часа наблюдения я решил поставить все на карту и подошел к ближайшему германскому часовому. Я выбрал обеденную пору. Кроме двоих, все часовые, недавно стоявшие у входа на мост, оказались внутри будки.

Я встретился глазами с немцем. Его товарищ смотрел бумаги одного возчика, за которым я намеренно следовал. Часовой задал мне несколько вопросов на ломаном французском языке и, удовлетворившись, вернул мне мои документы.

Но не ушел я сделать и несколько шагов по мосту, как Полина заворковала. Сильно ударив ее локтем, я прошел по мосту, проталкиваясь среди немецких солдат, чихая и кашляя до появления слез на глазах. Полина все время ворковала. Не знаю, как я не попался с этой проклятой птицей.

На следующий день на рассвете, обвязав бумажку с сообщением вокруг лапки Полины, я отпустил птицу.

Виктора я отослал в Брюссель. Оба голубя вернулись в армейские чердаки, а через 25 дней я тоже вернулся в свою часть.

В следующий раз Борда спустили около бельгийского города Шарлеруа. Он отправился в свой родной город, чтобы увидеть невесту, но забыл совет товарища: никому не верь.

Он попал в руки германцев, которые его расстреляли как шпиона почти напротив его же дома.

Что касается летчиков, которые спускали разведчиков, то если они попадались, их постигала участь разведчиков. Французский летчик Паолакка, одетый в военную форму, взял на борт своей машины коллегу в штатском платье. Самолет попал в огневую завесу, причинившую ему несколько повреждений, и французы вынуждены были приземлиться. Проявив все свое мастерство пилота, Паолакка направил машину к лесистой части местности и благополучно совершил посадку.

Он предложил своему спутнику спастись бегством. Товарищи пожали друг другу руки и разошлись. Переодетый разведчик-солдат юркнул в лес, в то время как летчик в военной форме спокойно стоял у своей машины.

Но было уже поздно. Неприятель следил за их приземлением, и большой автомобиль, битком набитый немцами, стремительно несся к самолету.

Летчик был взят в плен и доставлен в германский генштаб.

В течение некоторого времени его усиленно допрашивали, засыпали вопросами: откуда вы прибыли? К какой части принадлежите? Куда летели и для какой цели? Где ваш пассажир и почему он вас покинул? и т. д. [51] Летчик задался целью выиграть время и спасти своего спутника. Но немцы не отступали и, вида, что им да удастся выжать из француза нужную информацию, посадили его в одиночную камеру под строгим военным караулом. В течение трех дней, если не считать получаса, который давался ежедневно для прогулки, его держали в строжайшем заключении.

Однажды утром его снова привели на допрос и сразу спросили:

— Знаете ли вы, что ожидает французского или британского летчика, который спускает разведчика, позади наших линий?

— Да. Смерть. Если можете, докажите мою виновность.

— Хорошо. Вам, должно быть, будет интересно узнать, что мы расстреляли сегодня утром вашего пассажира как разведчика? Хуже всего то, что он во всем сознался. Вы его доставили в своем самолете.

Но интуиция подсказывала Паолакка, что немцы его «ловят». Он знал разведчика, которого спустил, и был уверен, что если бы даже его спутника и захватили, тот предпочтет умереть, но не выдаст.

Пленник подтверждал свои прежние показания, отказываясь от дачи информации и приготовившись к наихудшему.

После трехчасового допроса его снова увели в одиночную камеру. Такой допрос повторялся каждый день в течение недели.

Наконец, французу объявили приговор.

— Ваше дело слушал германский военный суд, который нашел вас виновным в «помощи шпиону». На рассвете вы будете расстреляны.

Десятки вражеских глаз пристально смотрели ему в лицо, ловя малейшее движение осужденного в надежде получить какое-нибудь доказательство его виновности.

В полночь его разбудил германский караульный офицер и сообщил ему, что смерть заменена вечной каторгой.

Паолакка отправили в Германию в тюрьму для пленных. Ему удалось подкупить часового и достать неприятельскую форму. Однажды, переодевшись германским унтер-офицером, этот разведчик провел мимо караульных отряд из семи французских пленных солдат. 12 дней спустя этот отряд из восьми человек перешел швейцарскую границу и очутился на свободе.

В начале 1915 года меня позвали к начальнику контрразведки для получения задания: [52]

— Вы поедете на автомобиле до пункта, обозначенного на карте В4–12, сегодня вечером в 9 часов. Там увидите штатского, который ждет вас. Вы остановите машину и скажете по-французски пароль. Это нужный вам человек. Вы его возьмете с собой в автомобиль и повезете к месту, обозначенному на карте Н9–12. Там вы сойдете с автомобиля и пойдете к полю по ту сторону «Беконной полосатой фермы».

Точно в 300 метрах на запад от этого места вы встретите самолет и скажете летчику по-английски пароль. Он ответит: «Специальный вестовой из контрразведки». Таковы ваши задания и пароли. Никому вы не зададите никаких вопросов и вернетесь для доклада ко мне.

Я выполнил поручение согласно полученным указаниям.

Вспоминаю, как я встретил штатского. Он был весь закутан и с привлекающим внимание горбом за плечами.

Позже я узнал, что этот горб был образован корзиной с почтовыми голубями, привязанной ремнем к его плечам под широким, специально скроенным дождевым плащом, стянутым в талии поясом. Человек взошел на самолет, моторы зажужжали, машина оторвалась от земли и стала набирать скорость, направляясь в темноту.

Я вспомнил об этом эпизоде военного времени лишь несколько лет спустя, когда услышал, что немцы расстреляли известного бельгийца Икс, одного из наших наиболее надежных разведчиков, оказавшего ценные услуги союзникам.

Этот бельгийский солдат попросил, чтобы его послали работать добровольцем позади неприятельских линий и для этого опустили на парашюте с самолета. Много раз он проникал к неприятелю и собирал разведческие сведения о германских военных учреждениях, посылая нашей военной контрразведке информацию с почтовыми голубями.

Время от времени по ночам специально посланные летчики приземлялись в заранее условленном месте и увозили разведчика.

Он пробыл на этой рискованной работе около двух лет, но, в конце концов, попался и поплатился жизнью.

А вот другой эпизод, имевший место на австро-итальянском фронте.

Пришел наш разведчик, некий Александр Тандура. Кудрявые волосы, голубые глаза, ниже среднего роста, смуглый цвет лица, крепкого сложения, какими бывают горцы. На героя он не похож. Однако это был самый храбрый человек, которого я когда-либо видел. Уже его рано начавшаяся военная [53] карьера говорит о храбрости. Он поступил волонтером почти с первого же дня присоединения Италии к союзникам.

В эпизоде, о котором будет идти речь, роль Тандура заключалась в том, что его должны были спустить позади австрийских линий двое смелых английских летчиков.

Тандура подготовили к полету. Парашют перевязали веревками, крестьянскую одежду уложили в ранец. Лопата, предназначенная для того, чтобы зарывать компрометирующие вещи, была привязана к разведчику таким образом, чтобы при быстром спуске она не беспокоила его.

— Как вы себя чувствуете, Тандура? — спросил летчик.

— Великолепно, капитан.

Прощались. Самолет поднялся в воздух.

Стояла темная ночь, и через некоторое время воздушные путники попали в сильную грозу. Яркие молнии освещали простиравшуюся внизу землю.

Все было готово. Самолет зажуужал над городом, который был вехой маршрута; австрийские прожекторы зловеще мерцали внизу.

Быстрый проблеск в черной пустоте на полу самолета.

Блеснул на мгновение маленький круглый шар, летящий позади них. Это было все. На счастье или несчастье Тандура спустился.

После войны Тандура рассказал о своем приключении. В полете он, очевидно, задремал и на высоте приблизительно 10 тысяч футов вдруг почувствовал, что душа его «ушла в пятки». Он падал.

«Вдруг, — вспоминает Тандура, — я открыл глаза. У меня было такое впечатление, словно я, витая в воздухе, держусь на какой-то поверхности. Мне казалось, что я возвращаюсь к самолету. Тогда я понял, что парашют открылся. Я набрался храбрости и посмотрел вниз. Благодаря перемежающемуся блеску молний я мог видеть всю местность. Видели ли меня? Не попаду ли я в неприятельские руки? Порывистый шквал дождя и ветра жестоко хлестал мне в лицо.

Мое тело, повисшее на ремне, качалось, как маятник. Я испытывал ощущение абсолютной беспомощности. Вдруг я почувствовал тупую боль в ногах, ударившихся о каменную стену, прилегающую к какой-то ферме. А шторм продолжал нести меня. Мне показалось, что земля надвинулась на меня. Я повалился всей тяжестью тела на большую ограду из виноградных лоз и почувствовал острую боль от удара». [54]

Тандуре пришлось лежать несколько часов под проливным дождем. Он был совершенно ошеломлен. Шторм его чуть не убил, но в то же время спас ему жизнь, так как внимание неприятельского передового поста, около которого он упал, было отвлечено непогодой.

Тандура сбросил свою офицерскую форму и переделался итальянским крестьянином; шинель и парашют он сжег при первой возможности.

Потом он нашел убежище в домике одной крестьянки, которая приютила его. Через два дня Тандура достиг места, обозначенного на карте, где должны были ждать его сигнала.

Он несколько раз пытался установить связь с нашими самолетами, но безуспешно.

Наконец, один из самолетов спустил мешок с продовольствием и с почтовым голубем. Посылка была передана разведчику его друзьями.

В то время у него уже накопилось немало ценной и важной информации, которую он тут же переслал итальянскому генеральному штабу с почтовым голубем.

Английские летчики спустили ему другого голубя. Разведчик передал новую информацию, которая помогла союзникам в битве под Витторио.

В течение августа — сентября 1918 года Тандура каждый день рисковал жизнью. Его дважды задерживали австрийские жандармы, и дважды он бежал.

В третий и последний раз он чуть не поплатился жизнью.

Самолет союзников спустил письмо, адресованное «одинокому волку». Оно было передано Тандуре. Согласно содержащимся в этом письме инструкциям, он должен был отправиться на поляну, расположенную около его родного города Серровиля, где самолет в установленное время предполагал взять разведчика к себе на борт.

Тандура пошел проститься с некоторыми друзьями и был в это время схвачен австрийской военной полицией, которая отвела его в свой штаб.

В конце октября он убежал из плена. [55]

Глава XI.

Новый арест немецких разведчиков в Англии

В результате арестов, произведенных после 4 августа 1914 года, в Лондоне осталось на свободе очень мало агентов немецкой разведки. Однако одному из них удалось выскользнуть из сетей британской разведки и оставаться на свободе до февраля 1915 года.

В том году британская почтовая цензура работала вовсю и оказала ценные услуги контрразведке.

Однажды было перехвачено письмо, посланное неким Крауссом и адресованное Дирксу и К° в Роттердаме. С некоторых пор власти взяли под подозрение этот адрес. По расследовании оказалось, что это был не более и не менее как передаточный пункт для писем германской разведки в Голландии.

Письма, направленные по этому, на первый взгляд, невинному адресу, подвергались действию горячего железа. Этот способ позволял воспроизводить текст, написанный невидимыми чернилами из аммиака, апельсина, лимона, известкового настоя или из какой-нибудь другой кислоты.

Эта химическая реакция давала изумительные результаты. Невинные письма г. Краусса содержали между строк военную информацию, которая представляла большую ценность для германской разведки.

Было ясно, что в Лондоне оперировал опасный разведчик.

Установив строгий надзор, наша контрразведка продолжала направлять письма Дирксу и К° в Роттердам, заменяя «липовой» информацией действительные факты, сообщаемые неизвестным разведчиком.

В одном из таких писем, попавших в руки нашей контрразведки, действие горячего железа вызвало появление буквы «С», слова «Дептфорд» и числа «201», написанных симпатическими чернилами.

Тут была какая-то тайна. «201» — не было ли это номером дома в Дептфорде? Что означало это число?

Работник контрразведки, который расшифровал первую секретную корреспонденцию, высказал мысль, что дептфордская полиция могла бы выяснить, какая из местных улиц имеет дом № 201. Так и сделали. Оказалось, что в Дептфорде дом под № 201 имеется только на одной улице — Хай-стрит.

Стали выяснять, кто живет в доме № 201 по Хай-стрит. Там находилась булочная. Владельцем ее был немец Петер Ган. Ган был немедленно задержан и допрошен. [56]

Что означает буква «С» и слово «Дептфорд»? Петер Ган заявил, что, к своему огорчению, он ничего не знает и ничем не может помочь властям.

Обыск, произведенный у него на квартире, обнаружил полный набор принадлежностей для симпатической корреспонденции. Это было все, что удалось найти. Тем временем работники контрразведки и полицейские сыщики тщательно производили расследование в соседних домах, но единственная информация, которую им удалось раздобыть, состояла в том, что у Гана, который обанкротился до войны, сейчас дела шли блестяще. Одна женщина сообщила, что к немцу иногда приходит некий Мюллер.

Обладая только этими данными, наша контрразведка перенесла теперь все свое внимание на розыски в гостиницах Мюллера. Наконец, один энергичный работник Особого отдела наткнулся на фамилию Мюллер по одному малоизвестному адресу в Торринстонском районе в Блумсбери.

Хозяйка дома вначале отвечала на вопросы неохотно, но серьезное напоминание о мерах военного времени побудило ее сказать все, что ей было известно.

— Все, что я могу вам сказать, это то, что Мюллер хорошо мне платит. Он уехал в Ньюкастл по делам. Обождите минуту, я вам покажу его карточку.

Она вернулась с карточкой, на которой чиновник прочел: «Карл Фридрих Мюллер».

На следующий день Мюллер был арестован в Ньюкастле и отправлен в Нью-Скотленд-Ярд. Несмотря на то, что в его вещах нашли письмо, адресованное Дирксу и К^о в Роттердам, Мюллер отрицал всякое знакомство с этой фирмой. Он заявил, что является русским подданным, что родился в Одессе и что его арест будит рассматриваться как оскорбление, нанесенное гражданину дружественной страны.

За время содержания Мюллера под стражей полиция перехватила еще несколько писем, адресованных ему в Дептфорд.

В некоторых корреспонденциях были деньги; в других просили присылки информации относительно морских и военных объектов Великобритании. Таким образом, виновность шпиона была окончательно установлена. Мюллер был признан виновным в шпионаже и расстрелян.

Кроме Карла Лоди и Мюллера, все казненные шпионы были подданными нейтральных стран, продавшимися нашему врагу.

Их биографии бедны и однообразны. Во всех случаях они шпионили из-за денег. Они были простыми наемниками, готовыми [57] продать свою родину с такой же легкостью, с какой продавали нашу страну.

Произведенные в первые дни войны массовые аресты почти всех германских разведчиков в Англии вызвали смятение в Берлине. Германской разведке надо было заполнить пробел в своей шпионской сети, причем людьми подходящего типа — «национальными разведчиками», действующими исключительно из патриотических побуждений.

В лице Карла Лоди, запасного офицера германского императорского флота, немецкая разведка нашла нужного ей человека. Работая одно время курьером на линии Гамбург — Америка, Лоди научился говорить по-английски, так как постоянно общался с английскими и американскими туристами.

Снабженный американским паспортом, Лоди совершил путешествие по Бельгии, оккупированной тогда немцами, и вернулся на родину в начале сентября 1914 года.

В противоположность обычным методам опытных шпионов, он действовал совершенно открыто. Для подтверждения этого достаточно будет показать, каким образом он навлек на себя подозрения в первый раз. В такое время, когда вся корреспонденция, проходившая через почту, подвергалась строгой проверке, Лоди послал телеграмму из одной гостиницы северной Англии в Швецию. Телеграмма была написана по-немецки и отправлена по адресу, подозрительность которого для английской разведки ему должна была быть известна. С тех пор Лоди был взят на учет, и английская разведка установила за ним строгий надзор.

Дерзкий шпион побывал в различных пунктах шотландского побережья — в Блэкнес Кастл, около Фортбриджа, потом в Розит, Марихил и в гамильтоновских казармах. В

течение всего этого времени он переписывался со Швецией, и все его письма перехватывались.

Потом Лоди на время исчез и вновь появился уже в Лондоне. Из Лондона он вернулся в Броути Ферри в Шотландии.

Эта местность представляла для него большой интерес, так как там производились испытания морских орудий.

Одно время разведчик был в Денди и в Берри — центрах военных учреждений Шотландии — и до конца сентября находился, по имеющимся сведениям, в Ливерпуле, изучая оборонные укрепления в Мерсее.

Поездки привели Лоди в Ирландию, где он и был арестован Скотленд-Ярдом. [58]

Я считаю — и многие со мною соглашаются, — что если бы Лоди ограничил свою деятельность зоной действия походной германской армии, сражавшейся во Франции, то ему не вынесли бы смертного приговора.

Глава XII.

Знаменитые женщины-разведчицы

«Докторша» — эта блестящая германская разведчица — готовилась к профессии врача-хирурга и получила соответствующие дипломы в разных учебных заведениях. Но обстоятельства толкнули ее на агентурную работу, которая оказалась ей по душе.

В первый раз она приехала в Вену в 1908 г., преследуемая русской разведкой, в период присоединения Боснии и Герцеговины. В 1912 году «докторша» находилась под наблюдением англичан. За ее передвижениями строго следили в нашей стране.

Авантюристка специализировалась больше в дипломатических, чем в военных и морских делах, но годилась и на всякого рода шпионскую работу. В общем, это был тип женщины, способной ошеломить человека, как удар, нанесенный американской перчаткой, содержащей подкову.

Я, помню, видел ее два раза: один раз в 1912 году, другой — весной 1914 года. Это была женщина исключительной красоты. К тому же она была ловка и обаятельна. Благодаря ее информации по некоторым вопросам Гинденбургу удалось задержать русское наступление в Восточную Пруссию.

Как только русские стали наступать, германская контрразведка послала эту шпионку в Восточную Пруссию для получения сведений от русских офицеров. И действительно, «докторше» удалось передать контрразведке шэденбургской армии очень важные секреты русской армии.

Из своей гостиницы, расположенной позади русского фронта, она посылала с почтовым голубем в генеральный штаб германской армии информацию о ходе наступления русских.

Внезапным нападением на центр и фланги германцы вбили клин между обеими русскими армиями, которые стали поспешно отступать. Этот удар привел, в конечном счете, к катастрофе у Мазурских озер. [59]

К несчастью для «докторши», во время отступления русских один чиновник из русской разведки признал в ней германскую разведчицу, которую он видел в 1908 году в Вене.

Она была арестована, передана властям и расстреляна по обвинению в шпионаже.

Другим примечательным типом германской разведчицы является Лиза Блуме. Она ездила с датским паспортом. Ее деятельность в Испании и в других нейтральных странах заставила британскую разведку установить за ней наблюдение.

Блуме была арестована на торговом судне в открытом море британским крейсером, когда она направлялась из Голландии в Барселону. В предыдущем рейсе шпионка имела при себе много частных писем, которые привезла из Испании в Голландию и передала разведчику, жившему в Роттердаме. Она, очевидно, занималась разведкой в области подводной войны.

Во время допроса в Лондоне против нее нельзя было выдвинуть никакого конкретного обвинения в шпионаже. Но ее общее поведение было в высшей степени подозрительным. Она утверждала, что служила гувернанткой в германских консульствах в Стокгольме, Копенгагене, Амстердаме, Мадриде и Севилье. В момент ареста она якобы ехала занять должность гувернантки в семье германского посла в Мадриде. Обыск, произведенный в ее багаже, обнаружил несколько германских знаков отличия. Блуме заявила, что эти медали ей были вверены на хранение одним германским офицером. Но наша контрразведка до конца войны задержала все регалии вместе с их владелицей.

По словам агента французской разведки Шарля Люсидо, две разведчицы, работавшие для Германии, были арестованы и обвинены в шпионаже против американского экспедиционного корпуса в 1918 году.

Обе эти женщины были проститутками. Они посещали морские порты и добывали от солдат обрывки сведений, которые затем передавали одному швейцарскому «торговцу», в действительности же германскому шпиону. Французская разведка задержала их, и обе женщины были расстреляны.

Одна женщина, известная под именем Бланш Потэн, работала во французской разведке в конце 1915 года. Она родилась в Брюсселе от отца-француза и матери-бельгийки. До 18-летнего возраста жила в Антверпене. Потэн была прелестной танцовщицей, и ее хорошо знали в Париже, Вене и Берлине. Незадолго до войны она была завербована французской [60] разведкой и снабжала это учреждение информацией, гастролируя открыто как артистка по морским и военным центрам Германской империи.

Когда разразилась война, Бланш Потэн находилась в Берлине, но после некоторых приключений уехала в Швейцарию и оттуда вернулась в Париж. С тех пор она активно собирала шпионские сведения для французов в Мадриде и других испанских городах.

Бланш Потэн посылала союзной разведке ценную информацию. В начале 1916 года разведчицу послали в Голландию, где она также добыла чрезвычайно важные сведения для французов.

В июне 1916 года она вернулась в Париж, и так как в то время было важно знать по возможности больше о передвижениях германцев в Бельгии, то было решено послать ее на оккупированную немцами территорию.

Французы имели двух очень надежных агентов в Брюсселе и Антверпене. Она должна была передать определенные задания одному из этих доверенных, так как было слишком рискованно давать эти задания ей самой.

Через несколько недель после ее приезда в Брюссель от агентов были получены сообщения о том, что они установили связь с мадмуазель Бланш. Все складывалось по заранее составленному плану. Но затем в течение трех месяцев следовало глубокое молчание, оказавшееся результатом провала французской разведки.

Мадмуазель Бланш оказалась предателем. Она влюбилась в одного высокопоставленного работника германской контрразведки, и чувство одержало у нее верх над рассудком. Бланш сообщила германскому офицеру фамилии всех агентов союзной разведки, которых она знала. Немцы немедленно захватили их одного за другим и расстреляли как шпионов.

Захваченная англичанами женщина-разведчица, известная под именем Елизаветы Вертгейм, во всех отношениях отличалась от французской шпионки, которая предала своих хозяев.

Вертгейм держала себя мужественно и вызывающе, чего никак нельзя сказать про германского разведчика — ее соучастника. Последний был человеком прекрасной внешности и светских манер. Он приехал в Лондон под именем Реджинальда Роуланда, с американским паспортом, как представитель фабрики роялей Нортон Смита в Нью-Йорке.

Наша разведка в Роттердаме порекомендовала взять Роуланда под наблюдение. Через несколько дней он отправился [61] в окрестности Уэст Кэнсингтона, где навестил прелестную вдову одного иностранца.

Тут появляется на сцену Елизавета Вертгейм.

В то время, в начале 1915 года, она была обворожительным созданием, ездила за границу и была в полном смысле слова светской женщиной. В течение нескольких дней Роуланд и Вертгейм останавливались в лучших гостиницах, обедали в наиболее фешенебельных ресторанах, ходили во все театры, ездили верхом по Роттен Пау.

Потом они поехали в Саутси и Портсмут, живя и там на широкую ногу и катаясь ежедневно на моторных лодках вдоль побережья. Когда они гуляли пешком, то надолго останавливались в Портсмуте и в Госпорте и записывали (что было неосторожно до странности) виденное ими на море и в воздухе.

Потом Бреков — так звали в действительности нашего героя — оставил свою приятельницу и вернулся к себе в гостиницу в Бедфордском районе Лондона.

Тем временем прелестная Елизавета появилась в Глазго. Назойливо завязывая знакомства с военными в окрестностях Мерихильских казарм, разведчица поехала в Эдинбург. Там она все свое внимание отдала морским офицерам. Эту тактику она применяла в течение шести недель, жила все время в лучших гостиницах, принимала у себя людей в военной и

морской форме, совершала длительные прогулки на моторной лодке в таких военных центрах, как Берри и Карнусти.

Все это время она непрерывно посылала письма «Роуланду». А он в свою очередь активно переписывался с одной фирмой в Роттердаме. К несчастью для него, почтовая цензура театра знала все об этой «фирме». Это был шпионский передаточный адрес для германской разведки.

Письма были довольно безобидные — деловые сообщения о ходе продажи роялей. Но, применяя греющий электроаппарат, можно было читать между строк слова, написанные симпатическими чернилами.

Несколько дней спустя работник контрразведки Фитч в сопровождении какого-то офицера заехал в гостиницу, где проживал «Роуланд». Он встретил «Роуланда» в вестибюле, объяснил ему цель своего посещения и попросил разрешения зайти к нему в комнату. Фитчу были предъявлены паспорт и другие документы.

— Я прошу прощения, — оказал полицейский, — но я должен обыскать все ваши вещи.
[62]

Ничего предосудительного найдено не было, но вдруг глаза Фитча остановились на безобидной с виду коробке с тальком. «Роуланд» не проявил никакого волнения, хотя он должен был знать, что игра его кончена. Последующий химический анализ показал, что этот порошок, когда его растворяли в воде, образовывал симпатические чернила.

Скотленд-Ярд занялся теперь Елизаветой. Ее нашли в Вест-Энде, где она жила у своей подруги. Тут во всем блеске развернулись актерские способности Елизаветы.

— Как вы смели придти на квартиру в такой поздний час и просить, чтоб я с вами пошла в Скотленд-Ярд?! Будьте уверены, что такое оскорбление не останется безнаказанным.

Я британская подданная. Я могу ехать, куда мне угодно, я не должна отчитываться перед Скотленд-Ярдом за свои передвижения.

— Мадам, — ответил непоколебимый Фитч, — у нас война. Кроме того, вы должны идти со мною.

На допросе она заявила, что ее связи с Брековым (он же «Роуланд») не имеют никакого отношения к шпионажу. Она просто «хорошо проводила время».

Вертгейм проявила гораздо больше твердости характера, чем ее соучастник по шпионажу. Она все отрицала. Тем временем в Брикстонской тюрьме Бреков сдался окончательно. Он признал себя виновным в шпионаже и указал на Елизавету как на соучастницу. После суда он был расстрелян у Башни как шпион. Елизавета Вертгейм также была приговорена к смертной казни, которую ей заменили пожизненной каторгой.

Еще пример.

Одна женщина Маргарита занялась шпионажем в пользу Франции в конце 1916 года. Она встретилась в Женеве с красивым эльзасцем, который прекрасно говорил по-немецки, по-французски, по-испански и по-итальянски и состоял на службе у швейцарских властей в связи с их особой политикой надзора за иностранцами.

Настоящее имя и фамилию этого человека никогда не удастся, кажется, установить. Одно было ясно: он являлся наемником Германии. Если через 18 месяцев он был казнен французами, то его послала на гильотину Маргарита и именно вследствие ее большой любви к нему.

Она почти каждые три месяца ездила в Швейцарию, где оставалась не дольше одного месяца. Она была заподозрена по возвращении из Женевы после второго визита к своему «жениху». Когда она ожидала проверки паспорта при вступлении [63] на французскую территорию, за ней наблюдал один проникательный агент французской тайной полиции, который, как и работники Скотленд-Ярда, был прикреплен к военной контрразведке. Маргарите разрешили ехать, не задав ей никаких вопросов. Но было установлено, что она ездила из Парижа навестить своего любовника, по имени Андрэ Потэн, состоявшего на службе у швейцарского федерального правительства.

Расследование, которое тут же произвела французская разведка, установило, что Потэн лишь временно работал в швейцарском бюро иностранцев и что в действительности он был германским разведчиком. Его специальным заданием было собирать сведения от шпионов-наемников, которые приезжали из Франции через франко-швейцарскую границу.

Впоследствии Потэн и другие шпионы организовали интернациональное бюро, которое пересылало информацию в Берлин.

С тех пор Маргарита была взята на учет, но ей еще раз дали возможность беспрепятственно проехать. В то время многие агенты, имевшие с ней связь, могли свободно разъезжать по Франции, но, тем не менее, находились под постоянной слежкой контрразведки.

К Маргарите в гостиницу в Латинском квартале приходили всевозможные иностранцы — голландцы, испанцы, греки, шведы, датчане. Все они приносили ей информацию, которую она передавала в Женеву.

Эта деятельность Маргариты продолжалась в течение шести месяцев со времени ее последней поездки в Швейцарию.

После того как все ее интернациональные информаторы были арестованы полицией, ее полезная для Франции роль окончилась.

Осенью 1915 года Ева де Бурнонвиль, проживавшая в Скандинавии, оказалась без работы. Дворянка по происхождению, владея иностранными языками, она была гувернанткой, актрисой, секретарем и машинисткой в разных посольствах в Европе. Она хорошо знала Англию и наш язык.

В Копенгагене германская контрразведка предложила ей взяться за шпионаж и доставлять Германии военные сведения об Англии. Ее, очевидно, не пришлось долго уговаривать, и в сентябре 1915 года свежеиспеченная разведчица приехала в Англию со шведским паспортом и специальным заданием — собрать информацию о наших средствах воздушной обороны, особенно в Лондоне.

Последующее официальное расследование установило, что в тот период войны Германия усиленно старалась определить [64] слабые места нашей системы воздушной обороны, для того чтобы предпринять крупную воздушную атаку на Лондон.

Этот план был разрушен, так как Скотленд-Ярд арестовал единственного эксперта, которого подослала германская разведка. Не получая информации, немецкий воздушный флот воздерживался от налета до осени того года, когда была арестована Ева де Бурнонвиль. Как многие читатели еще, может быть, помнят, этот большой налет был произведен ночью 23 сентября 1916. года.

Эта разведчица, прикрывшаяся паспортом нейтральной страны, должна была писать информацию симпатическими чернилами и пересылать ее в Копенгаген. Так она начала свою шпионскую деятельность.

Еще до войны Бурнонвиль познакомилась с одной дамой на севере Англии. От нее разведчица решила получить рекомендации для поступления на работу. Она написала этой даме и изложила ей свою просьбу. Доверчивая дама рекомендовала ее одной пользующейся уважением семье в северной части Лондона.

В назначенное время Ева с рекомендательным письмом пошла к друзьям своей знакомой дамы в Хэкснэй. Ее прекрасная внешность и приятные манеры снискали ей расположение этих добрых лондонцев. Однако спустя некоторое время они заметили, что молодая женщина ведет себя странно. Она всегда расспрашивала о пушках, о прожекторах, о противовоздушной обороне, и после одного неприятельского налета было видно, что она старается разузнать о размерах ущерба, нанесенного германцами.

В дальнейшем поведение Бурнонвиль стало еще более подозрительным. Не в меру любознательную особу в вежливой форме уведомили, что ее услуги больше не нужны. Она ушла и поселилась в гостинице на Верхней Бедфордской площади.

Тем временем о ее поведении сообщили в Скотленд-Ярд, и с тех пор «шведка» Ева была взята под подозрение нашей контрразведкой.

Казалось бы, что женщина, получившая такое предупреждение в чужой стране во время войны, должна была научиться держаться тише воды, ниже травы. Но Ева была на этот счет другого мнения. Она продолжала свои изыскания с удвоенной энергией.

Почтовая цензура к тому времени взяла под подозрение письма без подписи, адресованные одному лицу в Копенгагене и исходившие от одного блумберийского корреспондента. Все письма в Копенгаген были написаны одной и той же рукой. [65]

Видимое содержание их было абсолютно безобидным, но совсем другого характера было содержание, написанное симпатическими чернилами.

Разведка принялась за работу. Один изобретательный работник контрразведки напал на следующую простую мысль. Он представился в гостинице как артиллерийский эксперт, постарался попасть в общество этой подозрительной женщины, которой стал рассказывать всевозможные невероятные истории.

И вот каждую ночь в обществе других ничего не подозревающих лиц разыгрывался этот фарс, который в свое время должен был перейти в драму. Сотрудник контрразведки рассказал немало небылиц о чудесных изобретениях и фантазировал так бесцеремонно,

что его коллеги-офицеры стали подмигивать друг другу: рассказчика зачислили в разряд первоклассных лгунов.

Однажды ночью он рассказал Еве об одном «удивительном» прожекторе, который будто бы собирались ввести в систему противовоздушной обороны Лондона. Луч этого прожектора должен был быть невидимым неприятелю.

Несколько дней спустя этот вымысел был передан в обычных письмах Евы Бурнонвиль в Копенгаген.

При таком бесспорном доказательстве было решено арестовать шпионку.

15 ноября 1915 года Бурнонвиль предъявили формальное обвинение на основании закона об обороне королевства. Разведчица была заключена в Холмшейскую тюрьму.

На допросе в контрразведке выяснилось, что она получала 7,5 фунтов стерлингов в неделю за то, что рисковала жизнью в качестве германского разведчика.

Может быть, многих это разочарует, но приходится опровергнуть миф об «изумительных» женщинах-разведчицах, которые тратят баснословные суммы денег. Германия считала, что сведения о противовоздушной обороне Лондона не стоят больше 7,5 фунтов стерлингов в неделю.

При аресте у Евы был найден чек на месячное жалованье.

Она говорила, что не любит немцев и, если мы согласны, станет работать для союзников. Она была осуждена на смертную казнь, но приговор был заменен вечной каторгой. [66]

Глава XIII.

С секретными поручениями внутрь Германии

В 1917 году я вошел в сношение с одним из работников разведки, англичанином, совершившим за время своей шпионской деятельности крупные подвиги.

Насколько мне позволяет память, я привожу собственные слова разведчика.

«Меня послали в Брюссель для того, чтобы по возможности узнать расположение германских подкреплений, переброшенных с восточного фронта. И вот однажды вечером я решил перейти границу.

Денег у меня было много, но мучил вопрос о документах и надежном проводнике до голландской границы. Однако больше всего меня беспокоило то, что в тот же день я видел знавшего меня сотрудника германской разведки.

С наступлением вечера я пошел в один дом, который находился по соседству с городским базаром, и где меня очень гостеприимно приняли.

— Оставайтесь, а утром, в два часа, я приму меры к тому, чтобы вы встретились с вашим проводником, — сказала хозяйка. — Кроме вас, есть еще трое. Проводник Габриелла возьмет вас четвертым.

Я был готов к опасному путешествию. Выслушав предупреждения и пожелания моего друга, я выскользнул из двери и зашагал по темным улицам Брюсселя.

Не хватало десяти минут до назначенного часа, когда я пришел к церкви и укрылся в нише, где ожидал своего проводника, держась все время настороже. Много мыслей мелькало у меня в голове. Правильно ли я поступил? Не следовало ли мне попытаться добраться до границы собственными силами? Не попал ли я в ловушку? Сомнения роились в моем, мозгу, сменяя друг друга в эти минуты напряженного ожидания.

Я увидел приближающуюся ко мне группу из трех человек. Один из них был закутан в плащ с капором. По одежде я узнал, что это таинственный проводник Габриелла.

Я пошел к ним и, как условлено, обратился к девушке с паролем: «Я готов за мою страну». Потом последовал ожидаемый ответ: «Мы посмотрим».

Это был надежный проводник — героическая французская девушка Габриелла.

— Наконец, и вы. О том, что вы здесь, я узнала лишь в [67] одиннадцатом часу и беспокоилась, смогу ли я вам достать необходимые документы.

— Вы видите, — продолжала девушка, — у остальных трех бумаги в порядке. Разрешите представить вам: капитан Б. и сержант Г. из бельгийского летучего отряда и рядовой Л. из вашей же британской армии.

Шепотом мы приветствовали друг друга.

— Документы капитана и сержанта в порядке, как вы можете судить по их одежде; это два простых бельгийских рабочих, которые жили до войны постоянно в Голландии и теперь, закончив свои работы для фирм, которые их послали, возвращаются в Роттердам. — Вы будете моим братом. Я буду выступать при всех переговорах, и если вам зададут вопросы по-французски, я могу рассчитывать на вашу осторожность. Надеюсь, что вы будете на высоте. С рядовым Н. дело обстоит хуже. В документах он значится голландцем, хотя знает только свой родной язык. Будем надеяться, что его не будут допрашивать по-голландски.

До Малина и окрестностей Антверпена никто не окликал нас. Дальше нас у каждого города останавливал и опрашивал германский военный караул. Мы беспрестанно говорили и шутили, пока не дошли до песчаных равнин и малорослого соснового леса в районе пограничной заставы Кампенгут.

— Начиная с этого места, — сказала Габриелла, — будьте начеку. Эта местность кишит германскими шпионами. После этой заставы нам придется подвергнуться суровому осмотру на границе. Мы лишь вступаем в полосу опасностей.

На заставе еще раз пересмотрели наши документы и опросили, причем с объяснением выступала, главным образом, Габриелла. В этом был ряд преимуществ. Она была восхитительна от головы до изящных ножек.

Качества интересной девушки ослепляли германских солдат. Она находила шутку для одного, улыбку для другого. Бросала быструю и живую реплику, когда ее допрашивали по-французски. Если же допрашивающий не говорил на ее языке, она отвечала миловидной улыбкой. Свою роль она исполняла в совершенстве.

После проверки документов мы продолжали свой путь. Но не успели пройти и полмили, как наткнулись на хорошо знакомый германский флаг и рогатку, загораживающую дорогу.

Один немец поднял заслон, а другой пристально посмотрел на нас. Когда позади нас засов опустился, второй немец занял место в нашей группе. Мы дошли до деревянных барачков, откуда вышел унтер-офицер и снова проверил наши документы [68]

Унтер-офицер стоял у телефона.

— Это он говорит с Брюсселем относительно нас, — сказала Габриелла.

— В этой контрольной будке всегда так делают, если что-то не в порядке... — и она улыбнулась и сделала предупредительный жест.

Спустя долгое время унтер-офицер вышел, вернул нам бумаги и поднял заслон. Со вздохом облегчения мы продолжали свой путь по пустынной песчаной и разрытой дороге, которая шла параллельно границе.

Когда мы приблизились к маленькому лесу, нас окликнул немецкий агент, переодетый офицером.

Это был «германский военный» — так называли в оккупированной Бельгии и Франции зловещих агентов германской тайной полиции.

Вызывающе подмигивая, он подошел к нам и, обращаясь к Габриелле на французском языке, сказал:

— В чем дело, мадмуазель? Вот уже месяц, как я вас жду. До сих пор не удавалось вас поймать. Я боюсь, что придется вас всех задержать, хотя у вас и имеются документы.

Мы недавно узнали, что многие из этих так называемых документов поддельные. Так как здесь никого нет, то я позову на помощь. — И быстрым движением руки он дернул за цепочку, на которой висел свисток.

Однако он не успел воспользоваться свистком. Бельгийский сержант, вскочив, как кобра, вонзил ему в грудь нож. Охваченные ужасом, мы стояли, смертельно бледные и безмолвные, ошарашенные внезапным драматическим оборотом событий.

Габриелла первая пришла в себя.

— Скорей, скорей, — говорила она, волнуясь. — Потащим его в эту канаву. А не то — нагрянет караульный, и нас тут же всех расстреляют.

Из-за маленького холмика, заросшего мелкой сосной, мы видели линию фронта, которая тянулась милями в этой бесплодной, песчаной и пустынной области.

Невдалеке показались двое часовых.

— Поторопитесь, ради бога, — сказала Габриелла. — Я их задержу. Подойдите ко мне, как только сможете.

Когда она бросилась по направлению к часовым, мы вчетвером подняли труп и положили его в канаву, наскоро посыпав свежим песком пятна крови на земле и покрыв тело убитого немца кустарником, который мы рвали с неистовой силой.

Подавляя волнение, мы вышли из дренажной трубы на равнину. Это было как раз вовремя. Габриелла разговаривала [69] с двумя часовыми, которые объяснялись на ломаном французском языке.

Она, очевидно, хорошо сыграла свою роль, так как оба часовых нам улыбнулись. К нашему облегчению, они ушли вместе с Габриеллой вперед.

Теперь мы находились на последнем этапе своего продвижения к голландской границе. Это был оккупированный германцами Эсхен с его довоенной бельгийской таможенной.

По ту сторону линии развевался голландский флаг, и стояли двое голландских пограничников.

Мы были уже почти на свободе.

Германский офицер задал нам ряд вопросов. Он, по-видимому, не был удовлетворен нашими ответами, как будто был в замешательстве и продолжал смотреть на Габриеллу.

— Скажите, — обратился он к ней по-французски, — встретили ли вы одного германского полицейского офицера между этим местом и предыдущей контрольной будкой?

— Да, — ответила она, не задумываясь, и дала описание убитого человека.

— Он мне говорил о подозрительных девушках и сообщил по телефону, что тут имеется молодая француженка.

— Но ведь, — отпарировала Габриелла с обворожительной улыбкой, — вы теперь видите, что все его сомнения рассеялись.

После некоторых формальностей мы перешли границу и очутились, таким образом, на свободе.

Так в первый и в последний раз я встретил Габриеллу Пети.

Девять месяцев спустя германцы расстреляли ее около Брюсселя».

Глава XIV.

Как я задержал «американского полковника»

Мои сношения с американской разведкой начались в первых числах апреля 1917 года.

Это было на пассажирском вокзале в Гавре. В то время американская контрразведка с ее системой контршпионажа делала во Франции первые шаги. Поэтому британская контрразведка прикрепилась к американцам отборных работников, которые должны были помогать американцам до тех пор, пока они окончательно не освоятся и не начнут оперативную работу. [70]

Американцы скоро овладели приемами контршпионажа благодаря своему прямолинейному и практическому деловому подходу. Я имею очень высокое мнение об американских методах разведки. Мне нравилась их четкая система организации арестов. Американцы всегда показывали себя хладнокровными, ловкими и точными работниками.

Как участник игры человеческих интриг, где чередуются удачи и неудачи, лучшим агентом или разведчиком мира, я считаю, является француз. Его темперамент при пытливом, склонном к исследованию уме очень приспособлен к такого рода деятельности. Французы в высшей степени обладают даром воображения.

Американец, может быть, склонен к чрезмерной доверчивости.

Англичанин недостаточно доверчив. Однако как союзники они все вместе работали хорошо, как я в этом убедился, выполняя разнообразные поручения.

Возвращаюсь к своему рассказу.

Пятичасовой скорый поезд ожидал в Гавре морских пассажиров из Англии, чтобы повезти их через Париж в разные страны мира.

Повсюду ощущалась кипучая деятельность американцев.

Всюду сновали американцы — штатские, офицеры и солдаты. Многие из них получили краткосрочный отпуск в Париж и в другие местности. Согласно новому правилу, действовавшему в американской армии, военные в форме имели право ехать по железной дороге, если у них был ордер на железнодорожную воинскую поездку. Американские граждане в штатском имели, конечно, паспорта.

У контрольного барьера давка была невероятная. Мои французские и бельгийские коллеги были завалены работой по проверке паспортов, которые им были вручены беспокойными и крикливыми пассажирами, громко протестовавшими против задержки и нетерпеливо ожидавшими получения билетов.

Я заметил, как один из французских агентов взял американский паспорт у одного высокого стройного военного, одетого в форму полковника американской пехоты.

По правилам, французский сыщик не должен был допрашивать британских и американских подданных, если имелись агенты английской или американской контрразведок. Но мы часто заменяли друг друга при большом наплыве народа. Надо было работать быстро. Я всегда считал, что был недостаток бдительности и настороженности в работе по проверке паспортов. Крупные персоны не любят, когда их заставляют ждать. [71]

Как бы то ни было, но мне показалось, что офицер, предъявивший паспорт вместо ордера на воинский проезд, вообще не имеет такого ордера. Принятие решительных мер противоречило существовавшим правилам. К счастью, сотрудник английской контрразведки пришел мне на помощь. Я попросил его заменить меня на проверке паспортов, а сам пошел разыскивать американского офицера.

Нелегко искать определенного человека в длинном поезде, битком набитом штатскими пассажирами, сухопутными и морскими офицерами всех категорий и всех чинов, где носильщики толкаются и пробивают себе дорогу по узкому коридору. Я имел в своем распоряжении только семь минут, чтобы разыскать нужного мне человека. И я его нашел. Он сидел в вагоне-ресторане в обществе других офицеров за стаканом чая. Мне оставалось три минуты. Положение было щекотливое. Я был в штатском, и мне надо было обратиться к американским офицерам в форме. Но необходимо было принять решение.

— Господа, — сказал я, — мне очень неприятно вас беспокоить. Я сержант британской контрразведки. Я отвечаю перед американской военной контрразведкой за правильность документов всех военных, проходящих через штатский проверочный барьер этого вокзала. Будьте добры предъявить свои ордера на воинский проезд.

Американские офицеры, может быть, и обиделись, но все же очень охотно показали требуемые документы.

Оставалось две минуты. А подозрительный американец, как видно, старался выиграть время. Он заявил, что его ордер находится в чемодане. Этого одного было достаточно для того, чтобы усилить мои подозрения.

— Я очень огорчен, но я должен его видеть.

Американец возражал. Я побежал к ближайшей двери.

Начальник станции, держа в руке часы, собирался подать главному проводнику поезда сигнал об отъезде. Мой французский коллега быстро подошел ко мне.

— Задержи поезд, я проверяю одного, подозрительного, — крикнул я из дверей.

Тем временем другие американские офицеры, видя мое затруднительное положение, пришли мне на помощь. Они привели «подозрительного» в коридор. У него был только американский штатский паспорт. Я ему тут же приказал выйти из поезда, схватил у него кобуру и вытащил оттуда его автоматический револьвер. Фотография на паспорте была переклеена. Я заметил, что она поддельная. [72] Он остался со мною, а поезд умчался в Париж.

Теперь положение оставалось не менее щекотливым. В присутствии многих людей, я, английский сержант в штатской форме, снял с поезда полковника американской армии. Ко мне прибежали два французских сыщика из парижской тайной полиции. Я узнал, что этот офицер является одним из заключенных лагеря для пленных германских офицеров.

. — Ты хорошо поработал, — крикнули они мне, видя мою «добычу».

«Американский полковник» был военнопленный офицер прусской кавалерии, живший в Англии до войны.

Он убежал в тот же день в 3 часа пополудни. Похищенная американская форма и знание английского языка оказали ему большие услуги. Но его соучастники забыли одну важную мелочь: его проездные документы. Сфабриковать проездной ордер было так же легко, как подделать украденный паспорт, даже легче. Но беглец полагал, что высокое положение американского полковника позволит ему обойтись без этой бумажки.

Трудно сказать, каковы были его планы. Может быть, он направлялся через Женеву в Германию, а возможно, собирался совершить поездку к американским линиям и общим расположениям союзных войск. В этом случае его деятельность была бы определенно опасна для дела союзников. Словом, его побег мог принести большие неприятности.

Как бы там ни было, но поимка «американского полковника» позволила раскрыть хитроумный заговор в лагере для германских пленных офицеров. Три недели спустя я оказал французской контрразведке помощь в раскрытии этого заговора. Я выполнял роль машиниста крана на набережной и находился среди большого количества германских офицеров и гражданского населения. Здесь я пережил интересное приключение.

Во время войны английский король совершил несколько поездок во Францию, для того чтобы посетить главные штабы, больницы и поля битвы. Излишне указывать, что эти поездки были источником сильных беспокойств для генерального штаба, ответственного за безопасность короля. Были приняты все меры предосторожности для охраны. Злой рок захотел, чтобы в течение этих поездок почти везде возникали неприятные инциденты.

Один заговор, составленный с целью убить короля, был раскрыт как раз вовремя. Король должен был посетить некоторые больницы и произвести смотр нескольким дивизиям, недавно [73] прибывшим во Францию. Неприятель получил очень точные сведения относительно передвижения союзных войск по соседству с тем местом, где должен был состояться королевский смотр.

Были приняты специальные меры к тому, чтобы обнаружить источник утечки информации. По поручению начальника контрразведки, я отправился в предполагаемый район действий немецкого агента и произвел некоторые самостоятельные исследования. В частности, мне пришлось узнать, что одна фламандка живет шире, чем должны позволить тяжелые условия в зоне военных действий. Я поручил одному из своих лучших помощников наблюдать за нею. После сумерек он заметил, что фламандка покинула свой домик и по тропинке направилась к разрушенному замку. Женщина вошла в замок, агент за ней. Он имел под рукой двух помощников. Как только старушка вышла из замка, агент ее арестовал. В сопровождении одного помощника он пошел вверх по лестнице, ведущей к продырявленной снарядами башенке. Дважды он слышал крик совы, но не обратил на это никакого, внимания. Мой помощник находила, на расстоянии семи футов от верха, когда вдруг раздался зловещий треск, все озарилось пламенем, и он инстинктивно присел. Перед собой он увидел пару ног, за которые ухватился. Вдруг что-то грохнуло. Нападавший на него человек свалился с лестницы, послышался стон.

Мой помощник зажег спичку и увидел, что у его ног без сознания лежал молодой коренастый человек, истекавший кровью, которая струилась из раны на голове. Агент несколько раз позвал по имени своего товарища, но не получил ответа. Тогда он зажег вторую спичку и при ее свете заметил другое тело. Это был его товарищ. Он был мертв — пуля пронзила ему грудь.

Незнакомец, лежавший без сознания, был обыскан: у него на шее нашли матрикул одного германского пехотного полка, служивший доказательством того, что это был переодетый

разведчик. Обыск, произведенный на верхней башне, обнаружил радиоустановку, а при шпионе нашли карту передвижений короля на ближайшие три дня.

По решению военно-полевого суда шпион был расстрелян. [74]

Глава XV.

Как русский разведчик обманул Турцию

Во время войны существовала одна мощная организация, великолепно устроенная, превосходно вооруженная для крайних случаев, умевшая соблюдать строжайшую тайну. Ее целью было содействовать побегу союзных солдат и разведчиков во всех пунктах оккупированных областей.

Вся организация состояла из отдельных звеньев разведки. Эта цепь никогда не рвалась, так как ее звенья были крепки и надежны.

Этих людей можно было видеть в любом оккупированном городе Бельгии и Северной Франции. Они были готовы помочь какому-нибудь отчаявшемуся человеку, которому угрожала смертная казнь, предоставляя ему кров, пищу, деньги, необходимые документы и одежду для переодевания.

В октябре 1914 года Бельгия и Северная Франция были заняты немцами. Мощные массы вооруженных людей встретились друг с другом и окопались в траншеях на протяжении свыше 500 миль от побережья до швейцарской границы.

После первого крупного сражения больницы Брюсселя и окрестностей бельгийской, столицы стали заполняться ранеными бельгийцами.

Не только в столице, но и по всей Бельгии и Франции со время продвижения германцев союзные раненые (которых союзный Красный крест при поспешном отступлении не успел эвакуировать) оставались в местных больницах, частных санаториях и лечебных заведениях.

Не только раненые, но и многие здоровые люди оказались отрезанными от своей отечественной армии и укрывались у сочувствующих жителей. Для германского высшего командования было ясно, что эти укрывающиеся люди представляют большую угрозу для тыла немецких коммуникационных линий.

Вскоре было опубликовано распоряжение, согласно которому каждый житель оккупированной Бельгии и Северной Франции, если у него находились неприятельские солдаты, обязан был под угрозой смертной казни сообщить об этом властям.

Хотя 700 французских, английских и бельгийских солдат было расстреляно германцами, все же свыше 26 тысяч союзных подданных смогли перебраться во время войны через голландскую границу.

Женщины составляли главные звенья в этой цепи. Среди женщин, арестованных за шпионаж против захватчиков, находились де Круа и де Бельвиль.[75]

Мария де Круа была девушкой, принадлежавшей к старинной семье бельгийской знати. Она уединенно жила в своем бельгийском замке около Монса. Жанна де Бельвиль, представительница французской знати, жила в провинции Гено.

В начале войны княгиня Мария устроила больницу Красного креста, в которой находились на излечении бельгийские, французские, английские и немецкие раненые.

После сражения при Монсе много британских солдат, отрезанных во время отступления от своих, осталось в Бельгии.

Их тяжелое положение глубоко трогало женщин, которые решили создать организацию для содействия побегу союзных солдат.

Германцы всемерно преследовали эту организацию, но никогда они не смогли ее победить, всегда оказывались побежденными хитростью и увертками, к которым прибегала группа.

Как только немцы арестовывали и казнили некоторых членов этой организации, на их месте неожиданно появлялись другие, и снова немцам приходилось начинать утомительные розыски и выслеживания.

Я думаю, что будет уместно изложить в этой главе историю солдата Фаулера из 11-го гусарского полка.

После битвы у Ле-Като солдат Фаулер и трое других оказались отрезанными от своих частей. Дороги и деревни были наводнены германскими войсками и обозами. Фаулер и его товарищи оставили своих лошадей в одной ферме и, разделившись, отправились пешком, в надежде, что им удастся добраться до британского фронта.

Затерянные в чужой стране, не зная ее языка, солдаты пошли бродить по лесам.

Фаулеру повезло: его встретил французский крестьянин, по имени Гоберт, который накормил его и укрыл сначала в стог сена, а затем и в доме.

В течение долгого времени Фаулер прятался в доме этих французов. Пережитое им за этот период могло бы составить целый том описаний острого человеческого страдания.

Спрятанный внутри большого дубового гардероба в доме, где постоянно было расквартировано 20 немецких солдат, он переживал пытку.

Дом подвергался непрерывным обыскам. Но каждый раз Анжела и мадам Бельмон Гоберт (жена и дочь) появлялись на сцену и вводили власти в заблуждение какой-нибудь хитростью.

Фаулер получал немного молока, одну — две картошки, время от времени яйцо. Яйца, впрочем, были редкостью, так как [76] Гоберт имели только двух кур и должны были отдавать захватчику в виде налога по яйцу в день. За невзнос яйца они подвергались штрафу в два франка, а чтобы уплатить этот штраф. Анжела должна была сидеть

половину ночи за вышиванием. Это время было сплошным мучением, для обеих женщин и для преследуемого человека.

Как-то Фаулер узнал от Анжелы, что другой солдат укрывается в доме, где проживала чета Карден. Фаулер с ним встретился однажды ночью. Они решили убежать в Голландию.

Но этому плану не суждено было осуществиться, так как того солдата выдала одна женщина; если бы она знала о Фаулере, он разделил бы ту же участь. Фаулер еле унес ноги.

Впоследствии все эти действующие лица были пойманы и расстреляны или приговорены к пожизненной каторге.

В начале войны среди разведок всех других воюющих стран одна только русская разведка не имела четко слаженной системы.

В Москве, Петербурге и Киеве для шпионской работы тренировали священников. Во время победоносного захвата Галиции эти работники русской разведки установили распятия и иконы на всех важных мостах, дорогах, железнодорожных узлах и на других стратегических путях сообщения для того, чтобы помочь русскому генеральному штабу в продвижении войск. Очертания, форма и цвет всех этих религиозных эмблем служили ценной информацией.

В течение всей войны русская контрразведка оперировала, главным образом, в Скандинавии.

В Швейцарии она работала в тесном сотрудничестве с французской и британской контрразведками. Кроме того, свою работу, главным образом, морского характера, русская разведка вела в Копенгагене и в Стокгольме.

В настоящее время в Лондоне проживает один русский, служивший во время мировой войны в русской армии, который мне рассказывал следующий эпизод из истории русской разведки.

Его послали в Константинополь добыть информацию о турецко-германских военных передвижениях в ноябре 1914 года.

Он свободно говорил по-турецки, и, переодетый турком, постарался получить должность в турецком военном министерстве. Для этой цели разведчик запасся разными фальшивыми документами, которые добыл при содействии друзей и денег [77] в турецкой столице. Я привожу его рассказ по возможности его собственными словами:

«Турки заинтересовались мной, узнав, что я могу свободно говорить по-русски. Ко мне подошел турецкий офицер и представил меня двум высокопоставленным германским офицерам, прикрепленным к штабу генерала Лимана фон Сандерса, возглавлявшего германо-турецкую военную миссию.

После беседы на турецком языке мы договорились о том, что я поеду на Кавказ, получив крупную сумму денег, и постараюсь собрать по возможности больше сведений относительно передвижений русских войск и военных намерений России. Я сделал вид, что соглашаюсь.

Чиновник турецкой контрразведки, — если я могу так его назвать, — раскрыл мне все свои планы и тайны. Энвер-паша собирается произвести наступление на русских и застигнуть их врасплох. Мое задание заключалось в том, чтобы проникнуть в расположение русского командования и распространить ложные сведения относительно возможного пути турецкого продвижения. Я нашел, что их план дерзок и продиктован честолюбием. И действительно, все говорили, что если русские будут разбиты, то Энвер-паша нападет на Англию, пройдя через Афганистан в Индию.

Через очень короткое время я побывал у двоих своих соотечественников и рассказал им, что я служу Русской империи, пользуясь своим положением турецкого разведчика.

После совещания в генеральном штабе мой начальник по контрразведке велел мне вернуться в Константинополь и продолжать свое дело. Я так и поступил и был с распростертыми объятиями вновь принят турецко-германскими военными чинами. Они мне дали новые инструкции и заявили:

— Мы не сомневаемся в том, что вы нам дадите свежую информацию, когда мы встретимся в январе в Карсе.

В последних числах декабря 1914 года большие турецкие силы появились на театре военных действий, но русская армия была подготовлена к встрече.

Всякое движение турок расстраивалось и терпело крах. Оба корпуса, которые должны были напасть на нас врасплох, наткнулись в горах на русские войска, которые сами застигли турок врасплох и уничтожили их». [78]

Глава XVI.

Общие замечания о шпионской работе. Шпиономания

Как только началась война, было установлено строгое наблюдение за всеми письмами как прибывавшими в Англию и в зону военных действий, так и посылавшимися из Великобритании. Было также установлено тщательное наблюдение за всеми иностранцами, проживавшими в Англии, приезжавшими или уезжавшими из нашей страны.

Контроль над всеми радиостанциями был передан адмиралтейству, которое установило строжайший надзор за радиопередачами.

Телеграф, телефон, каблогаммы и почтовая цензура находились под контролем других органов, точно так же как и цензура над печатью; но все эти органы поддерживали связь между собой, и каждый из них имел в виду только одну цель — изъять всякие сообщения, могущие принести пользу неприятелю.

За корреспонденцией, написанной симпатическими чернилами, всегда наблюдали особенно зорко. Конечно, шпионы пользовались также и шифром, но употребление симпатических, или невидимых, чернил было излюбленным способом неприятельских разведчиков.

Слова «симпатические», или «невидимые», относятся к жидкости, которая не оставляет никакого видимого следа на бумаге, но которую можно обнаружить при помощи нагревания или химической реакции.

Вот некоторые сорта невидимых чернил, обычно употребляемых агентами разведки.

Раствор свинцового «сахара» в чистой воде не оставляет никакого следа на бумаге, когда он высыхает, но под влиянием тепла буквы становятся черными.

Азотнокислая медь при том же способе расшифровки дает красные буквы.

Буквы, написанные азотнокислым никелем, при нагревании становятся зелеными.

Бромистая медь употребляется особенно часто, так как следы ее легко обнаруживаются при нагревании и исчезают при охлаждении.

Следы рисовой воды на бумаге невидимы, но йодовая реакция делает их синими. [79]

Серная кислота, или купорос, разведенный в воде, если писать острым концом стального пера, дает прекрасные невидимые чернила, которые при нагревании становятся неизгладимо черными.

Птичьим пером, смоченным соком луковицы или репы, также можно писать невидимые письма, которые под действием тепла становятся ярко коричневыми.

Молоко и лимонный сок являются хорошими симпатическими чернилами, но ими нельзя писать на глазированной поверхности, — бумага является одним из средств для проявления этих «невидимых чернил». Неглазированная бумага употреблялась для этой цели.

Цензура над фотографиями была очень строгая и в Англии и на театрах военных действий. В рядах действующей армии было запрещено иметь фотоаппараты. Однако везде и повсюду офицеры и солдаты не считались с этими строгостями, запретами и правилами. Было бы неблагоприятно скрывать это.

Всевозможные слухи и сплетни распространялись беспрепятственно. Солдаты, приезжавшие домой в отпуск, рассказывали фронтовые новости, слышанные ими рассказы, и через эту болтовню просачивалось немало секретной информации. На крупных базах и складах правила сохранения тайны сообщались в объявлениях, которые вывешивались для всеобщего сведения. Французы читали такие плакаты во всех кафе Франции. Какой английский офицер или солдат не помнит: «Молчите! Остерегайтесь! Неприятельские уши вас подслушивают!»

Или английский лозунг, изложенный в четверостишии:

«Жила одна мудрая старая сова в дубе.

Чем больше она слышала, тем меньше она говорила.

Чем меньше она говорила, тем больше она слышала.

Все солдаты должны подражать этой мудрой старой птице».

* * *

Мои замечания о различных факторах, помогавших деятельности контрразведки, были бы неполными без краткого описания работы военных собак.

Отчеты отдела военных собак изобилуют любопытными инцидентами.

Я помню германскую собаку, по имени «Фриц», о которой один английский солдат однажды сказал, что «она может все делать, только не говорить». За ней стали наблюдать с начала 1916 года. С разных пунктов фронта поступали сведения о том, что по утрам, на рассвете, солдаты видели собаку, которая [80] внезапно появлялась со стороны неприятельских линий или направлялась к ним. Собаку видели несколько раз в течение недели, но никто не мог ее поймать. В чем состояла ее задача и где она бывала позади наших линий? Этого никто не знал.

Но в один прекрасный день тайна раскрылась. Немцы бомбардировали несколько домов, расположенных позади наших линий. В одной из разрушенных построек был найден мертвый человек в штатском, убитый взрывом снаряда. Осмотр тела обнаружил вокруг его шеи шнурок, к которому был привязан германский матрикул и пачка писем от неприятельского отдела собак. Эти копии ясно показывали, что убитый был разведчиком — переодетым германским унтер-офицером.

Было очевидно, что этот разведчик время от времени пробирался к нашим линиям и по ночам посылал свою информацию немцам с собакой. Мы установили надзор, чтобы поймать эту собаку. Для этого мы пустились на хитрость, прибегнув к помощи нашей суки «Розы». Мы подстерегали четвероногого посыльного две ночи. На третьей сутки в полночь «Роза» помчалась во всю прыть по темной пустынной улице. Мы за ней проследили и увидели, что немецкий «почтальон» побежал «Розе» навстречу. В каких-нибудь пять минут «Фриц» был пойман. При ошейнике мы нашли письмо для убитого теперь хозяина этой собаки. В письме запрашивали информацию относительно нашего ночного транспорта, для того чтобы германская артиллерия точно могла направить свой огонь. После совещания с некоторыми из главных офицеров было решено, что нет надобности посылать собаку обратно. Поскольку разведчик погиб, собака потеряла для нас опасность.

* * *

В свое время стало известно, что германцы собираются в начале 1918 года сделать отчаянную попытку разгромить союзников посредством ряда сильнейших ударов на протяжении огромного фронта.

Союзный генеральный штаб был в неизвестности относительно двух обстоятельств: когда и какими силами немцы намерены осуществить свой план.

Вдоль всего фронта с начала февраля у немцев выросло количество аэродромов, усилились ночные движения войск в ближайшем тылу. Много других признаков говорило о близости большого наступления.

Для того чтобы добыть нужную информацию, один английский офицер был отправлен на самолете и спущен на парашюте позади германских линий. Результат был изумительный.

Постепенно офицер собрал множество сведений о происходивших повсюду приготовлениях к выполнению задуманного Людендорфом гигантского наступления. Опытный глаз разведчика [81] оценил всю ужасающую силу подготавливавшегося мощного удара. Англичанин был доволен.

Теперь нужно было вовремя передать информацию союзному командованию. Один неверный шаг, — и смерть неминуема. А судьба смелого разведчика решала также судьбу тысяч жизней.

Путешествуя под покровом ночи, разведчик сделал сотни миль пешком (он не смел доверяться поезду или другому средству передвижения) и добрался, наконец, к домику одного бельгийца, который до войны занимался контрабандой и мог пригодиться контрразведке. Переходить границу, имея при себе важную информацию, было слишком рискованно и даже безрассудно. Если он попадетя потом, — не страшно, можно умереть. Но сейчас главное — доставить информацию. Кроме того, он должен был еще взорвать большой склад военного снаряжения.

Найдя бельгийского знакомого, он рассказал ему о своем неотложном задании.

— Пустяки! Мы как-нибудь передадим письмо. Моя жена имеет разрешение ехать в любое время. Только сегодня днем ее документы подписал местный германский комендант. Она уезжает завтра на рассвете.

Таким образом, подготовка крупного внезапного наступления в марте 1918 года стала известна союзникам по сведениям, полученным на неприятельской территории разведчиком.

Германцы начали свое большое наступление 21-го числа утром. Немцы продвигались по всему фронту наступления. Но в то время союзное командование поняло стратегию Людендорфа, которая состояла в том, чтобы обойти правый и левый фланги союзных армий. Германский главнокомандующий хотел вбить клин между союзными армиями, чтобы пойти на Париж.

Он надеялся, что французы отступят к юго-западу для защиты Парижа. Это означало бы повторение Марнского сражения 1914 года. Но немецкого генерала побили. Союзники отказались разделить. Первая битва в наступлении 1918 года поставила друг против друга обе стороны, готовые к следующей отчаянной схватке. Новая битва должна была скоро разразиться между англичанами и немцами на севере.

* * *

Со шпиономанией во Франции мне пришлось столкнуться впервые во время отступления из Монса. Настроение у офицеров и у солдат было скверное. При малейшем подозрении людей убивали на месте из ружья или револьвера. [82]

Много французов было расстреляно нашими солдатами. Много англичан было расстреляно при таких же обстоятельствах возбужденными патриотами-французами, у которых было либо слишком много, либо слишком мало воображения.

Я помню, как покойный капитан Роз, из моего же полка, подозвал меня однажды к группе пыльных и сердитых английских солдат.

Одного старого француза застали на дереве с биноклем в руках. Это показалось крайне подозрительным! Один солдат из моего полка увидел француза и стащил его на землю. Началось объяснение между людьми, не понимавшими друг друга.

Старик хотел что-то объяснить. Угрюмые английские солдаты окружали его.

— Сержант, мы его нашли на дереве с биноклем в руках.

— Расстрелять его, сукиного сына!

— Расстрелять его, презренного кровавого шпиона!

Я никогда не забуду этой сцены. Маленькая ферма, пыльная группа свирепых английских солдат, дрожащий старик, которого держали за обе руки, и на которого было направлено 12 винтовок, готовых дать залп.

Когда я с ним заговорил на его родном языке, он почувствовал облегчение, которое было и высшей степени трогательным.

— Послушайте, — сказал он мне, — в этом лесу находится свыше 50 уланов; у них имеются пулеметы, и они собираются внезапно напасть на первые войска, которые пройдут по этой разрытой дорожке, ведущей к главной дороге. Этот бинокль не мой, здесь его оставил один французский офицер.

Когда я перевел это объяснение, то прошло меньше времени, чем понадобилось мне, чтобы написать эти строки, как каждый из наших солдат понял серьезность положения.

Немедленно была собрана рота, которая выстроилась в боевом порядке и отправилась в лес, граничивший с дорогой.

Старый француз был прав. Мы нашли в лесу отряд германской кавалерии, направивший пулеметы на дорогу. Все немецкие солдаты были захвачены нами без боя. В ночной темноте, до наступления рассвета, они пришли с тем, чтобы беспокоить наши небольшие отставшие отряды.

Некоторые из инцидентов, которые я сам пережил, были не лишены юмора.

Однажды французская жандармерия прислала в генеральный штаб 3-й армии срочную телеграмму с просьбой послать меня к ним, так как они поймали шпиона около Эстера.

Я поспешил приехать, чтобы посмотреть на пойманного [83] шпиона, которого захватили в форме британского солдата.

Этот шпион оказался солдатом ирландской гвардии. Он говорил с таким резким кельтским акцентом, что было действительно трудно что-либо понять. Солдат проводил время в одном маленьком кафе и возвращался оттуда ночью. На дороге, ведущей в Мервиль, его окликнули два французских жандарма.

Ирландец ответил на своем лучшем ирландском языке. Добрые французские жандармы, привыкшие к английскому акценту британских солдат, приняли его странную болтовню за какой-то чужой язык и арестовали позднего путника.

Я вспоминаю случай, который произошел на Сомме в 1916 году. Я провожал на автомобиле начальника полиции 3-го корпуса майора Брирлей. Мы должны были осмотреть некоторые дома около Альберта. Майор Брирлей любил производить расследования лично. Расспрашивая людей, он поставил некоторые вопросы, вызвавшие подозрение одного английского солдата, который заявил:

— У нас война. Откуда я знаю, кто вы? Нас предупредили, чтобы мы не отвечали на вопросы тем, которых мы не знаем.

— Но разве вы не видите, что я высший офицер? Я начальник военной полиции вашего корпуса.

— Возможно, милостивый государь, но...

В эту минуту появился офицер того полка, в котором служил осторожный солдат. Зная высокий ранг майора, он тут же уладил дело и стал упрекать солдата в недисциплинированности. Но майор запротестовал:

— Нет, этот солдат абсолютно прав. Я восхищаюсь его тактом. Вы меня знаете, а он — нет; ведь для шпиона очень легко пробраться за наши линии, переодевшись в форму высшего офицера.

Перед отъездом начальник военной полиции крепко пожал солдату руку и еще раз выразил ему свое удовольствие.

Во время войны меня несколько раз арестовывали, но я всегда принимал это за неизбежные случайности игры и никогда не терял своего хорошего настроения.

Мне известен случай, который имел место в конце 1918 года. Один сержант контрразведки, очень самонадеянный, ослушался приказа молодого офицера, который велел ему остановиться, когда он переходил пустынное поле. Его застрелили. Между тем, минутного объяснения было бы достаточно для того, чтобы спасти его жизнь. [84]

Глава XVII.

Крылатые курьеры разведки

Само собой разумеется, что голубями часто пользовались для шпионской работы. Каждый разведчик, спускавшийся с самолета, всегда имел при себе этих маленьких крылатых курьеров.

До войны Бельгия была питомником почтовых голубей. Когда германцы в 1914 году шли на Брюссель, бельгийская контрразведка должна была уничтожить некоторые наиболее редкие в мире породы голубей. Свыше 30 000 почтовых голубей было истреблено для того, чтобы они не попали в руки врага.

Когда началась война, был создан британский отдел почтовых голубей не только для контрразведки, но и для всех родов войск.

Англичане снабжали голубями американский экспедиционный корпус. Начав в 1917 году с нескольких английских голубей и с 12 человек обслуживающего персонала, наш отдел в период перемирия состоял из 9 офицеров, 320 солдат, 6 000 птиц и имел 50 чердаков.

В начале войны французы и бельгийцы имели замечательные отделы голубиной связи. Некоторые из этих тренированных птиц отличались выносливостью и были специально отобраны для того, чтобы летать в плохую погоду и ночью.

Следующий подвиг почтового голубя (а таких подвигов были сотни) достоин внимания с точки зрения разведки.

Один агент был спущен с самолета приблизительно за 150 миль позади фронта. Надо было добыть чрезвычайно важные сведения о германских подкреплениях. Наш агент, человек мужественный и ловкий, вызвался собрать эти сведения и доставить их вовремя.

Для этой цели ему дали специального голубя с голубыми клетчатыми перьями, который должен был летать при всех условиях. Вечером того дня, когда наш разведчик был спущен, дежурный сержант отдела голубиной почты контрразведки заметил, что голубой клетчатый голубь спустился на свой чердак. К его ногам было привязано письмо, датированное 10 часами утра и содержащее всю нужную информацию с драматическим заключением: «Только успел отпустить голубя. Я арестован. Прощайте».

Маленький пернатый герой пролетел свыше 150 миль в сырую и грозовую погоду за каких-нибудь 4 часа.

Некоторые агенты, которые спускались с самолетов на парашютах, брали с собою иногда трех голубей: двух для пересылки [85] информации и одного как последнего курьера, который возвращается в том случае, если к разведчику нужно послать самолет.

Наши агенты обычно внимательно выбирали место, чтобы укрыть своих пернатых спутников. Они взбирались на дерево и привязывали к ветке среди листьев корзину с птицами. Если сбор информации требовал много времени, то агенты взбирались по ночам на отмеченные деревья и кормили своих питомцев.

Иногда наши самолеты по заранее условленному сигналу спускали на определенном месте голубя, привязанного ремнем к маленькому парашюту. Но такой способ был очень ненадежен, так как в этих случаях птицы часто попадали в руки врага.

Я хочу здесь рассказать еще об одном подвиге.

Птицу взяли на фронт из дивизионной разведки генштаба во время упорного сражения, которое происходило по Менэнской дороге. Англичанам срочно понадобились подкрепления.

От фронта до дивизионного штаба было 9 миль. Птица была выпущена с чрезвычайно важной голубеграммой, в которой просили прислать подкрепления к вечеру. Но голубь был подстрелен неприятелем. В течение всей ночи под проливным дождем и градом, продолжалось сражение, в котором обе стороны проявляли одинаковое упорство. Забытый маленький пернатый курьер лежал раненый на мокрой земле. На рассвете птица кое-как собралась с силами, помчалась к своему чердаку и умерла раньше, чем успели отвязать письмо от ее лапки.

Птица свою миссию выполнила. Подкрепления были посланы и положение спасено.

Другой голубь из морского отдела голубиной почты, известный под именем «Крипс — Крест Виктории» пролетел 50 миль в 22 минуты, неся письмо с просьбой о срочной помощи.

Одно судно-тральщик подверглось нападению подводной лодки, которая выпустила в него несколько снарядов. Смертельно раненый, истекающий кровью шкипер Крипс написал последнее письмо и послал его со своим единственным голубем. Письмо было доставлено как раз вовремя: два миноносца пришли на помощь, и экипаж судна был спасен.

Другая птица, по имени «Счастье пилота», пролетела 200 миль в 5 часов. У одного судна испортился мотор, море сильно волновалось. Ко всему этому появились три германских самолета, которые напали на незащищенных людей. Благодаря быстроте посланного моряками почтового голубя помощь им была послана вовремя, и их жизнь была спасена. [86]

Во время боев вокруг Вердена голубиная почта французских армий оказала им большие услуги, причем в самых тяжелых условиях.

4 июня 1916 года командир Рейволь из форта Во оказался окруженным со всех сторон.

Доставка его последнего письма является поразительным примером работы почтового голубя.

«Мы защищается, но на нас нападают с газами и с пламенем. Необходима срочная помощь. Подайте немедленно зрительный сигнал из Сувиля, который не отвечает на наш призыв. Это моя последняя надежда. Это мой последний голубь».

«Шер Ами», голубь-самка, пролетела 30 миль во время большого наступления американцев у Сен-Мишеля. В каких-нибудь три четверти часа были посланы на грузовиках подкрепления в американские части, которым угрожала опасность быть окруженными.

Во время войны радио также оказало неоценимые услуги.

Но бывали моменты, когда оно теряло свою ценность. Тогда приходил на помощь почтовый голубь. Единственный недостаток голубиной почты заключается в том, что пернатого курьера можно подстрелить. Не будь такой возможности, эти бессловесные курьеры были бы совершенством.

Глава XVIII.

Таинственный цеппелин и разведка в Восточной Африке

Немецкий полковник Форбек был изобретательный военачальник, глубокий знаток партизанской войны и очень искусный тактик. Он имел обширные познания в области местных нравов и наречий Африки и знал районы, покрытые кустарником и болотами, не

хуже местных уроженцев. Этот германский полковник, имея около 300 белокожих офицеров и 12 000 черных кадровых солдат, оказывал сопротивление 150 британским генералам, командовавшим трехсоттысячным войском, в течение всей Восточноафриканской кампании.

Наши наступающие колонны особенно жестоко терпели от внезапных атак, которые были опасны тем, что производились из-за естественных укрытий.

Германские командиры, действуя всегда в контакте друг с другом, использовали туземцев как шпионов, для того чтобы выследить наши движения и сообщить войскам Форбека о нашем [87] расположении с помощью условных знаков, подаваемых с верхушек деревьев и холмов, или с помощью дымовых сигналов.

Шпионаж принял угрожающие размеры. Мы предупредили население, что шпионаж в ущерб нашим войскам, если он будет доказан, карается смертью.

Много местных уроженцев было захвачено на месте преступления нашей собственной контрразведкой и местными черными разведчиками.

Один араб причинил нам много хлопот, но, в конце концов, наша контрразведка поймала его.

От начала войны до июля 1915 года британские и германские военные силы в Африке вели непрерывные военные действия на обширных холмистых пространствах, покрытых кустарником.

В распоряжении Форбека находился цеппелин «Кенигсберг», спрятанный позади запруды в реке Руфиджи. Для разрушения этого источника постоянной опасности монитор «Северн», замаскированный под плавучий остров, поплыл по течению и 6 июля 1915 года прямым огнем уничтожил цеппелин.

С тех пор германцы были отрезаны от внешней помощи, и между обеими борющимися сторонами продолжалась смертельная игра в прятки. Имея продовольствие и военное снаряжение, Форбек мог бы сопротивляться годы.

Смелость Форбека дошла до того, что он прорвался на португальскую территорию (Португалия была нашим союзником) и захватил там большие запасы продовольствия, снаряжения, пулеметов и товаров, что дало ему возможность возобновить против нас борьбу с удвоенной энергией.

Радиостанции нашего адмиралтейства прислушивались к отчаянным воплям, приходившим из Берлина. «Где вы, Форбек? Где вы?» — спрашивал беспрестанно Берлин.

Мы систематически перехватывали ответы окруженного командира. Его радиограммы гласили: «Пришлите помощь, медикаменты, амуницию, положение серьезное».

В 1917 году наша разведка узнала, что помощь будет послана. В то время Германия не знала, что мы знаем ее шифр, — я рассказал в одной из предыдущих глав, как мы завладели ее секретными кодами.

Во всяком случае, наша контрразведка должна была узнать, каким путем неприятель собирается послать помощь. В то время мы установили прочную блокаду, нигде не было

ни одного германского подводного судна, кроме интернированных или же тех, которые молчаливо стояли позади своих собственных минных полей. [88]

Возможность доставки помощи по морю была исключена. Таким образом, помощь могла прийти только по воздуху.

Было получено распоряжение выделить двух агентов английской контрразведки для одного чрезвычайно важного и совершенно секретного дела. Действуя по полученным инструкциям, я поехал в Париж и встретился там с одним коллегой по имени Мортимер. Я его хорошо знал как сержанта Мортимера, и мы часто приходили в контакт друг с другом, когда работали в фронтовых районах.

Никто из нас не знал точно, в чем заключалось дело. Мы знали только, что дело в высшей степени важное и довольно опасное. Мы пробыли несколько дней в Париже в ожидании инструкций, которые, наконец, были переданы к нам в гостиницу по телефону. Нам было приказано встретить майора Икс, одетого в форму, в 7 часов вечера того же дня около Лионского вокзала.

Мы оба приехали к назначенному часу. В огромном автомобиле нас ожидал майор, один французский и один итальянский офицеры и шофер, французский солдат.

— Где место нашего назначения, майор? — спросил я.

— Вы едете в Италию, потом куда-нибудь еще. — И он улыбнулся. — Лично, Вудхолл, я не думаю, что вы годитесь для этого дела. Вы хороший малый, но вам не хватает некоторых качеств.

Я посмотрел на них. Все они улыбались. Я не имел никакого понятия о значении их слов и тоже улыбнулся.

После некоторых дополнительных инструкций майор посмотрел на свои часы и, бросив веселое слово поощрения, пожал нам руки, попрощался, и автомобиль уехал.

Я не буду останавливаться на этом путешествии. В Понтарлье на франко-итальянской границе мы простились с нашим, проводником, офицером французской контрразведки, который помог нам перейти французскую военную зону.

Как только мы вступили на итальянскую территорию, наш итальянский проводчик, капитан Спинелло, стал гораздо общительнее.

— Я вас поведу на свидание к одному из офицеров вашей контрразведки в Турине. От него вы получите распоряжения и инструкции, но я могу вам сказать уже теперь, что дело это опасное.

— Хорошо, расскажите, — попросил Мортимер. — Я не возражаю, Вудхолл тоже не возражает. В чем дело?

— Один из вас, — сказал офицер итальянской контрразведки, — не скажу вам, кто именно, будет в штатской одежде [89] спущен позади австрийских линий на парашюте. Потом вы поедете в Вену наиболее удобным для вас способом. Излишне говорить, что денег у вас будет достаточно. Существует только опасность, что вас могут разоблачить ввиду незнания вами языка. В остальном — все в порядке.

— Хорошо, — сказал я. — Но какова наша конечная задача?

— В Вене вы остановитесь в гостинице и будете ждать, когда к вам придет курьер. Вы его узнаете по условленному знаку и по паролю. Он вам передаст свою информацию. Это сотрудник американской разведки. Он работал для союзной контрразведки в Болгарии, с которой, как вы знаете, Америка не воюет. Американский агент выдает себя за болгарского купца, так как прекрасно говорит по-болгарски. Он будет иметь при себе соответствующие документы, так что его присутствие в Вене не вызовет подозрения властей. Тот из вас, которого спустят на австрийской территории, будет снабжен поддельными документами; он будет австрийским подданным и также торговцам. Ваша задача будет заключаться в том, чтобы вернуться с устными сведениями о том, строят ли германцы цеппелин на болгарской территории. Если возможно, нужно будет указать назначение цеппелина, характеристику его грузоподъемности и результаты летных испытаний.

Вечерам следующего дня я попрощался с Мортимером в Турине и вернулся поездом в Париж. Я не думал, что еще раз увижу когда-нибудь своего товарища, но я его увидел в Гавре.

Увы, это было последним свиданием, так как он вернулся в Англию, взял свои документы, поехал на фронт и был убит в сражении примерно за неделю до заключения перемирия. Он мне рассказал конец этой истории.

После того как мой спутник Мортимер меня оставил, его привели на итальянский аэродром, переодели штатским и на рассвете спустили на парашюте позади австрийских линий. Ему повезло. Он попал в уединенную местность, и его смелая посадка на неприятельской земле прошла незамеченной.

Спрятав парашют под густыми кустами, Мортимер привел себя в порядок и направился к ближайшей большой дороге. К 8 часам утра он добрался до конечной станции местной железной дороги Броды и благополучно приехал в Вену.

В столице Австро-Венгрии Мортимер прибыл в условленную гостиницу, снял номер и стал ждать визита агента союзной контрразведки. Выполняя инструкцию, он занес в домовую книгу гостиницы условленное имя и определенное число точек, [90] как например: . . Борис Стражинский . . Четыре точки на одной горизонтальной линии служили сигналом о том, что он приехал.

Вечером того же дня австрийская полиция посетила гостиницу и захотела поговорить с ним в вестибюле. Мортимер думал, что его разоблачили. Но опасения его были рассеяны после того, как он предъявил свои поддельные бумаги и поговорил на чистом немецком языке.

Поздно вечером постучали к нему в дверь. Он ответил по-немецки: «войдите». В комнату вошел человек и тихо закрыл за собой дверь. Мортимер несколько насторожился. Это могло быть ловушкой, которую ему расставила австрийская разведка. Он молчал.

Гость заговорил первым:

— Вы — 325 Г, и вы приехали из Турина.

Вот этой таинственной фразы, произнесенной на немецком языке, он и ждал. Несколько колеблясь, Мортимер ответил ему тоже по-немецки:

— Я не понимаю.

Если теперь гость ответит по-немецки, то это будет доказательством того, что он агент неприятельской разведки. Но сомнения Мортимера рассеялись. Союзный разведчик знал свою реплику, так как ответил на чистом английском языке:

— Все в порядке.

Собеседники пожали друг другу руки. Они тихо разговаривали в течение двух часов, в безмолвии маленькой комнаты венской гостиницы, так как Мортимер должен был затвердить наизусть все важные сообщения.

Благодаря стараниям и влиянию нового знакомого американца, который, невидимому, имел связи в официальном мире, Мортимер скоро смог уехать из Вены в нейтральную Швейцарию и оттуда во Францию. В Париже он доложил своему начальству из союзной контрразведки о результатах секретной миссии в Вене.

Наш болгарский агент сообщил, что немцы построили супер-цеппелин Л-57 в Фридрихсхафене, но что в целях сохранения тайны цеппелин, разобранный на части, будет отправлен в Болгарию, где будет собран и пройдет испытания.

Это было в самом начале 1917 года. Этот дирижабль по своей мощности, прочности и скорости целиком оправдал ожидания экспертов. Но во время последнего испытания при сильном ветре он в последнюю минуту попал в сильный шквал и грохнулся о землю как раз в тот момент, когда маневрировал, чтобы зацепиться за причальную мачту.[91]

Тогда никто как будто бы не знал о постройке цеппелина и о его назначении, так как германцы сожгли все остатки разбитого цеппелина.

Цеппелин был построен для того, чтобы оказать помощь войскам Форбека, окруженным в Восточной Африке. Второй супер-цеппелин, постройка которого хранилась в строжайшей тайне, был изготовлен в Стакене около Берлина. С большим успехом цеппелин совершил пробные полеты по ущельям и горным долинам Малой Азии. Цеппелин, в котором воплотилась отчаянная попытка Германии одержать победу.

Нашей разведкой немедленно, были приняты меры к тому, чтобы воспрепятствовать делу, которое могло нанести ущерб делу союзников.

16 ноября 1917 года на рассвете супер-цеппелин Л-59 под начальством командира Бокгольта вылетел из Болгарии, чтобы оказать помощь Форбеку.

Цеппелин нес груз в 50 тонн, имел пять моторов и шел со скоростью 60 миль в час. Он имел на борту около 15 000 килограммов снаряжения, винтовок, ножей для джунглей, радиоаппаратов, 6 тонн медикаментов, 25 тонн бензина, 50 пулеметов.

Корабль летел над Адриатическим морем, над Средиземным морем и Ливийской пустыней в Северной Африке, потом над долиной Нила и достиг Судана.

Прилетев в горы германской Восточной Африки, он должен был приземлиться в Маконде. Для этого один человек из экипажа должен был с парашютом прыгнуть на землю, получить причальную веревку, которую ему должны были сбросить, и помочь цеппелину спуститься на землю в подходящем месте.

Неустрасимый Бокгольт крейсировал кругом несколько часов, но не получил никакого сигнала. А в это время Форбек ворвался в португальскую Восточную Африку, не зная, что пришла, наконец, долгожданная помощь от его соотечественников!!

Таковы случайности войны! Командир цеппелина был в затруднении. Приземлиться и искать Форбека в густом непроходимом лесу, в джунглях и кустарниках, не зная местности и без всякой информации, значило бы идти навстречу гибели и корабля и людей.

Но произошло событие, которое разрешило трудную задачу. Цеппелин получил из Берлина радиogramму, в которой ему было приказано вернуться, так как Форбек окружен, и надежды на его спасение потеряны. Оставалось только выполнить [92] приказ, что и было сделано. Этот полет был одним из крупнейших достижений военной техники.

Я подхожу к самой драматической части своего рассказа.

Радиogramма, полученная дирижаблем, была подлинной. Но этому предшествовал ряд событий. Британцы видели, как цеппелин летел высоко в 15 милях к югу от Хартума, и были начеку. Еще раз вмешались разведка и радио. Наша контрразведка точно знала расположение войск Форбека, а также момент, когда полет был прекращен.

Наша контрразведка отправила в Берлин «липовую» радиogramму, которая будто бы исходила от Форбека, и в которой сообщалось, что его положение безнадежно и что помощь запоздала. Берлин принял ее за чистую монету и приказал смелому командиру цеппелина вернуться.

Германия не знала, что союзной контрразведке известны ее секреты, что мы были в курсе всех ее радиogramм.

* * *

У нас из германских источников имеется отчет о числе лиц, осужденных во время войны в Германии за шпионаж.

Этот список является в высшей степени характерным: 235 немцев, из них 56 эльзасцев; 46 французов; 31 голландец; 25 швейцарцев; 22 русских; 20 бельгийцев; 13 люксембуржцев; 5 датчан; 4 австрийца; 3 англичанина; 3 итальянца; 3 шведа; 1 перуанец.

Шпионаж производили в 170 случаях в пользу Франции, в 58 случаях в пользу Англии, в 55 случаях в пользу России, в 21 случае в пользу Бельгии и в 2 случаях в пользу Италии.

Осужденные германцы помогали, главным образом, Англии, эльзасцы все без исключения помогали Франции, голландцы — исключительно Англии, швейцарцы и люксембуржцы — Франции и России.

В значительном числе случаев разведчики работали под прикрытием германской военной формы. Это видно из того факта, что в течение первых трех лет войны было осуждено на смертную казнь за незаконное ношение формы в одном только Берлине 1 785 человек.

Антуан Мортимер 4 раза пробирался в Германию, 3 раза в Австрию, 2 раза в Болгарию и 1 раз в Константинополь.

Я не думаю, что еще какой-нибудь разведчик может похвастать таким рекордом.

Он пробрался в Германию в первые дни войны и раскрыл [93] секрет Фоккера, голландского изобретателя. Фоккер изобрел приспособление для усовершенствования пулеметной стрельбы с самолетов. Благодаря этому неприятель в течение известного времени имел некоторое превосходство в воздушных боях.

Однако после доклада, сделанного Мортимером союзной контрразведке, наши военные власти оказались на должной высоте и ответили немцам другим, может быть, еще лучшим изобретением.

Но с особенным блеском проявил себя Антуан Мортимер в конце 1918 года, за несколько месяцев до смерти.

Союзное командование знало, что в некоторых пунктах германского фронта не хватало резервов. Рассказы пленных и вычисления контрразведки указывали на сектор, расположенный напротив британской 4-й армии генерала Роулинсона.

Но чтобы получить согласие союзного главнокомандующего Фоша на наступление, этот английский полководец должен был представить доказательства. Надо было срочно добыть факты, а для этой цели необходимо было послать в Германию дельного и храброго человека. Это специальное задание было поручено Мортимеру, так как чувствовалось, что он является одним из немногих людей, способных поехать в Германию и вернуться оттуда с определенным отчетом.

Для того чтобы в совершенстве справиться со своей задачей, Мортимер решил пробраться в Германию в форме германского пехотинца.

Последнюю свою вылазку в неприятельский тыл он совершил в конце 1918 года на самолете, одетый в форму германского офицера. Мортимера спустили где-то около Мормальского леса. С наступлением сумерек он медленно пополз к германским линиям. Вытягиваясь во всю длину своего тела, он добрался до германских колючих проволочных заграждений. Здесь Мортимер лежал в ожидании какого-нибудь изолированного патруля или отряда, устанавливающего проволочные заграждения. Спокойно и методично, с помощью режущего орудия, которое он с собою захватил, Антуан окружил себя земляным, валом. В этом своеобразном окопе он лежал две ночи, но безрезультатно.

Мортимер видел, как некоторые неприятельские солдаты ползали неподалеку и даже слышал, как они шептались между собой охрипшими голосами. Один приблизился к нему на расстояние почти пяти метров, но повернул и пополз в сторону, передвигаясь на руках и коленях.

Но на третью ночь, когда Мортимер продолжал разыгрывать роль паука, поджидающего в своей паутине муху, безмолвие [94] было внезапно нарушено. Вдруг на него упали ослепительные лучи германского прожектора и почти в тот же момент упал снаряд большого калибра, от удара свалился мешок с песком, а за ним в бессознательном состоянии упал один немец. Прожектор еще играл на нем. Мортимер лежал, вытянувшись,

как стрела. Он знал, что от выдержки и спокойствия зависит его жизнь. Еще одна секунда, и участь его решится.

Если неприятель его заметил, то Мортимер получит в свое тело пулеметную очередь. Яркие, ослепительные лучи прожектора удалились, и кругом стало темно, как раньше. Мортимеру, как он мне потом говорил, несомненно, спасло жизнь то, что он из предосторожности вымазал себе лицо в черный цвет. В противном случае его заметили бы немцы, управлявшие прожектором. Я полагаю, что они увидели, как упал их солдат, и, по-видимому, решили, что он укрывается от неприятеля.

Мортимер поволок своего пленника, находившегося в бессознательном состоянии, к британским окопам. Когда пленник пришел в себя, он дал сведения о своей воинской части, а также сообщил названия и численность других полков, расположенных по соседству с его полком. А это Мортимеру и нужно было узнать.

По росту и телосложению немец и англичанин были похожи друг на друга, но этим и ограничивалось их сходство. Мортимер был гладко выбрит и хорош собой. У немца же был плоский нос, крупные черты лица, он был бородат и форменным образом безобразен. Тем не менее, Мортимер снял с него германскую форму и протянул ему костюм хаки и пальто. Одновременно он взял у оторопевшего пленного все его бумаги, в том числе военную книжку и матрикул. Через некоторое время Мортимер стал неузнаваем. Он превратился в германского пехотинца, для того чтобы иметь возможность перебраться за германские линии.

Уладив все со своим коллегой и оставив пленного на его попечении, Мортимер покинул убежище и, прижав угрожающе палец к губам, попрощался с двумя солдатами, стоявшими в ту ночь в карауле.

Один из них так передал свои впечатления об этой звездной августовской ночи 1918 года:

«Я наблюдал, насколько позволяли глаза, как Мортимер полз в темноте. Потом я заметил, как луч прожектора обошел вокруг смельчака и обнял его своим ярким сиянием. Я видел сигнал, который он подал германским окопам. Затем стало очень темно, и я его потерял из виду. Во время войны я видел подвиги многих храбрецов, но никогда не присутствовал [95] при более смелом и более хладнокровно совершенном подвиге. Для нас, которые наблюдали и которые знали, этот человек «заигрывал со смертью».

После этого Мортимеру предстояло пробраться сквозь проволочные заграждения и по взрытой снарядами земле меж окопной зоны прийти к одному пункту, расположенному на полмили дальше. От пленного немца он узнал, что в половине десятого какой-то полк, жестоко пострадавший после недавнего кровопролитного сражения, был сменен свежим батальоном. Благодаря темноте и общему смятению, вызванному сменой, переодетый англичанин прошел, не услышав оклика и «е встретив препятствия. Кроме того, он узнал, что у немцев многие части перемешались из-за отсутствия постоянной организованной связи. Поэтому он решил рискнуть пробраться в тыл.

Следуя за толпой германских солдат вдоль незаконченного, наскоро вырытого рва, он очутился на дороге, где собирался полк. Когда он стоял в темноте, к нему подошел офицер и спросил, почему он очутился в этом особом батальоне, тогда как принадлежит к другой части.

— Я оказался отрезанным во время сражения и вернулся в первый попавшийся укрепленный германский окоп, — ответил Мортимер.

Офицер спросил, как его зовут и в каком полку он служит, направляя ему прямо в лицо лучи переносного электрического фонаря. Мортимер на несколько секунд был ослеплен. Приказав Мортимеру, чтобы он доложил о прибытии своему унтер-офицеру, когда они придут к месту назначения, офицер ушел, и полк медленно двинулся в путь.

Незаметно Мортимер вышел из рядов и стал ждать на тихой и пустынной дороге, чтобы та часть, к которой он пристал, скрылась в темноте. Потом он быстро направился в деревню, где хотел остаться на ночь и выспаться.

В этом естественном стремлении его поощряло сознание того, что в одном маленьком кафе в 15 милях от нашего фронта он имел друзей. Его знакомыми были один француз и его дочь Мадлен.

Впрочем, он доверял своей германской форме и своему знанию немецкого языка и не опасался возбудить подозрение.

К полуночи он нашел цель своего ночного путешествия и, подобравшись ползком к задней половине дома, слегка постучал в затворенную оконную ставню. В щели ставен появился свет, и мягкий голос осторожно спросил по-французски: «Кто стучит?» [96]

Мортимер ответил тоже по-французски, произнеся магический пароль.

Осторожно, медленно и бесшумно перед ним открылась дверь, и через несколько секунд он очутился в доме друзей.

Мортимер жадно прислушивался ко всякому слову, которое произносилось его собеседниками. Он узнал, что моральное состояние германских войск в высшей степени низкое. Германцы пока еще храбро дерутся, но у них больше нет «воли выиграть войну». Бесперывные успехи союзников вселяли в сердца немцев черное отчаяние. Пайки были скудные, укрепления по всему их фронту слабые.

Мортимер узнал, что было еще важнее, что немцы получили распоряжение в случае усиленного натиска союзников отступить к Бапому, Перонну, Генту, к Сомме. Это было 6 августа 1918 года.

Мортимер знал, что если он будет арестован как разведчик, то германцы его расстреляют на месте. В те суровые дни положение было слишком критическим, чтобы пытаться счастье.

Ему было ясно, что 2-я, 18-я и 19-я германские армии готовы и ожидают наступления союзников, но их укрепления слабы. Он смешался с толпой солдат, которых держали в непосредственном местном резерве, и ото всех слышал одну и ту же меланхолическую жалобу: — Кому это нужно? Все наши «великие наступления» окончились неудачей. С марта мы сражаемся непрерывно, но и теперь не ближе к Парижу, чем в 1914 году. Пайки малы, мы истощены от недоедания. Кому это нужно?

Мортимер не мог не заметить, что моральный дух этого некогда мощного военного организма сломлен. Разгром должен был скоро начаться.

Теперь Мортимеру надо было вернуться со своей информацией. Мортимер должен был принять все меры предосторожности, несмотря на свою германскую форму. Он прекрасно знал, что германская тайная полиция усиленно ищет союзных разведчиков, и с этим должен был серьезно считаться. Малейший ложный шаг с его стороны стоил бы ему жизни. Но даже и в этом случае самое страшное для него было в том, что наша контрразведка будет лишена той ценной информации, которую он собрал.

Мортимер договорился с Мадлен о том, что она будет ждать у двери кафе от половины восьмого вечера до наступления ночи. Ему надо было пройти посреди улицы. Если на волосах у нее не будет никакой ленты, — значит, положение спасено. Если же на ней будет красная лента, — значит, угрожает [97] опасность. Во втором случае он должен уйти и предоставить следующее свидание судьбе.

Идя по маленькой мощеной улице, Мортимер увидел Мадлен. Она стояла у дверей, разговаривая и смеясь с тремя немцами. В свою густую черную шевелюру она вплела красную ленту. Быстрый взгляд на пыльные мотоциклы и шинели солдат убедил Мортимера в том, что он видит работников германской тайной военной полиции. Они рассматривали бумаги всех немецких солдат, приезжавших и уезжавших из этой деревни. Но возвращаться было поздно. Надо было идти до конца.

Когда он поравнялся с этой тройкой солдат, один из них подошел к нему. — Предъявите свои документы. Среди нас есть шпион, переодетый в форму отечества.

— Откуда вы знаете? — как бы невзначай спросил Мортимер.

— Капитан Гольц встретил прошлой ночью одного странного солдата и приказал ему доложить о себе, когда они вернутся в резерв. Но на переключке этого солдата не оказалось. Это, может быть, какой-нибудь дезертир, но наша контрразведка не хочет рисковать, так как это может быть и союзный шпион.

Немец колебался одну минуту, подозрительно разглядывая Мортимера.

— Странно, что у вас номер этой особой комплектной дивизии. Кто ваш командир?

— Князь Рупрехт.

— Нет, — огрызнулся немец, — я имею в виду вашего полкового командира.

Мортимер назвал имя, которое он узнал от пленного.

— Но ведь он в резерве, почти в пяти милях отсюда. Что вы тут делаете, вдали от своей части? Пропуск у вас есть?

Английский разведчик смотрел через плечо солдат. Он увидел белое, искаженное ужасом лицо Мадлен. Она поняла, в каком, опасном положении находится ее возлюбленный. Позади нее он мельком уловил измученное лицо ее отца.

О чем они могли думать в этот критический момент? А Мортимер ни одним взглядом, ни одним движением, не выдал своих чувств, не выдал того, что он с ними знаком. Возможно, что пришел его последний час. В одно мгновение его маска может быть сорвана, и тогда его расстреляют как союзного разведчика.

Старший, который допрашивал английского разведчика, послал одного из полицейских агентов просить капитана Гольца прийти [98] немедленно в штаб, а другому поручил попытаться застать командира предполагаемого полка Мортимера.

— Я оставлю здесь машину и пойду с вами. Имеете ли вы при себе какое-нибудь оружие?

Германский полицейский агент основательно его обыскал, приказав двум солдатам направить на задержанного винтовки.

Он ничего не нашел при английском разведчике, кроме военной книжки, взятой у германского пленного. Он ее забрал.

— Если вы тот, который значится в этой книжке, дело будет в порядке. Если же нет, тем хуже для вас. Давай двигай! Нам нужно пройти около трех миль, а наступает уже вечер.

Мортимер живо сообразил.

— Разрешите мне пойти напиться. У меня страшная жажда.

— Нет.

— Попросите тогда эту француженку, чтобы она мне принесла попить.

— Нет.

— Идите к черту, а я пойду напиться, — и англичанин стремительно помчался в сторону кафе.

— Живо! — Мадлен протянула ему автоматический револьвер, который, как он знал, она спрятала в своей блузе.

Это было сделано достаточно проворно, так как не успел Мортимер сунуть револьвер в карман, как немец набросился на него, направив в упор дуло револьвера.

— Еще одно движение, и я вас застрелю.

— Убейте меня, если хотите, и когда вам угодно, но я напьюсь.

Немец опустил револьвер. Кто знает, возможно, он думал, что задержанный им человек будет пить последний раз в жизни. Он смягчился. Мадлен подала Мортимеру целый стакан белого вина, которое он выпил до последней капли и протянул стакан, чтобы ему налили вина еще. Но в это время немец вдруг рассердился, вырвал стакан и бросил его на пол.

— Пошли! — сказал он и грубо ткнул револьвер Мортимеру в пояс.

— Пошли!

— До свидания, мадмуазель! Мы еще увидимся.

Немец, очевидно, принял эту реплику за шутку или за браваду.

Во всяком случае, он не придавал значения этому замечанию и лишь твердил:

— Пошли!

В тот момент, когда они уходили из кафе, вернулся [99] агент, посланный для того, чтобы найти капитана Гольца.

Капитан ждал в штабе. — Скорей!

Было темно. Оставив свой мотоцикл около мотоцикла начальника, агент встал по правую сторону Мортимера. Так они безмолвно шли по дороге, ведущей к разоблачению Мортимера и его гибели.

Направо англичанин мог видеть верейские огни, которые светили со стороны фронта.

Теперь или никогда! Еще немного, и будет слишком поздно, чтобы всем рискнуть. Мортимер был человеком действия.

С быстротою молнии он нанес дулом своего револьвера мастерский глухой удар конвою, который тут же свалился, перекувырнулся, захрипел и затих.

Второй конвой, опомнившись от неожиданности случившегося, прицелился в Мортимера, но тот повернулся и побежал открытым полем по зигзагообразной линии, по направлению к озаренному горизонту.

Германский полицейский агент был, однако, упорен. Он стал преследовать Мортимера и открыл стрельбу. Англичанин понял, что лучше положить конец этому. Он не любил лишать людей жизни, но на войне как на войне!

Его жизнь или жизнь немца? Мортимер был искусным стрелком. Он повернулся к немцу лицом, взял твердый прицел, выстрелил, и преследователь повалился. Мортимер подошел к лежавшему человеку, держа в руке револьвер наготове, и убедился, что выстрел попал в цель. Человек лежал без движения. Мортимер перевернул тело и увидел, что немец мертв.

В самой гуще войск германского фронта можно было не опасаться разоблачения. Пристав к отряду, устанавливавшим проволочные заграждения, он скоро очутился на открытом пространстве между германскими и нашими линиями.

В то время германские солдаты часто перебегали на нашу сторону. Мы к этому стали привыкать. И поэтому, когда Мортимер «сдался», никто не обратил на это особого внимания.

Перебежчика отвезли на автомобиле под конвоем в генеральный штаб. Его скоро отпустили, и британская контрразведка не замедлила получить всю доставленную им информацию.

В то утро, на рассвете, вся британская 4-я армия тронулась в поход. В течение трех дней она все сметала на своем пути. Знаменитая линия Гинденбурга была также разгромлена.

Фактически 8 августа начался полный разгром старой императорской германской армии. [100]

Глава XIX.

Контрразведка генерального штаба и сражающиеся солдаты

Как я старался показать в предыдущих главах, шпионская работа разветвляется на целый ряд систем. Война сделала несостоятельной старую трафаретную теорию, согласно которой разведчик должен оперировать либо в нейтральной стране, либо позади неприятельских линий.

Война с ее гигантскими потрясениями создала и для германцев, и для союзников много новых видов шпионской работы. Каждый генеральный штаб знал, что пленники будут, и что между ними всегда найдутся такие, которые будут говорить. В военной истории этот прием разведки применялся давно.

Особая тактика немцев давала иногда временные и очень дорого стоящие успехи Фалькенгайну, Людендорфу и Гинденбургу, но нападение не дало ни одной решительной победы.

После выхода России из союзной коалиции германцы имели определенное превосходство над союзниками во Франции. Но вмешательство Соединенных Штатов дало снова перевес союзникам. Для германцев не было выбора. Они должны были победить теперь или никогда.

Наша контрразведка напряженно работала. Мы знали, что Людендорф перебросил с русского фронта на западный миллион человек и три тысячи пушек. На оккупированной территории в большом обилии появились свежие войска. Людендорф и фон дер Шуленбург организовали большое наступление. Но когда и где должно было оно начаться?

По плану германцы должны были сперва напасть на англичан и разгромить их армию, а потом разбить французов.

Перед первой большой атакой 21 марта 1918 года наша контрразведка была предупреждена о предстоящем наступлении многочисленными траншейными налетами в глубь передовой зоны наступающих войск. Кроме того, получалась ценная информация из внутренних источников и от людей, которых мы спускали с самолетов позади неприятельских линий.

Работники всех секторов контрразведки, работники нашего летучего отряда, а также и рядовые солдаты докладывали о необычайных передвижениях неприятельских войск. Массовые движения войск далеко за линией фронта, войска на железных дорогах, новые аэродромы, склады военного снаряжения, больницы и полевые лазареты — все это тянулось длинной [101] линией, идущей от фронта по ту сторону театра военных действий.

Наши специально отобранные люди совершали ночью набеги на германские передовые окопы и возвращались со сведениями, которые подтверждали имевшуюся уже у контрразведки информацию.

Ожидали гигантских и кровавых сражений. Британский генеральный штаб предупредил французский, что следующий удар будет направлен против Н-ского фронта. В доказательство того, что я говорю, мне достаточно привести выдержку из книги «Мировой кризис» Уинстона Черчилля.

«26 мая 1918 года ранним утром французы захватили в плен двух немцев. Один был простым солдатом, другой — офицером-аспирантом. Они принадлежали к разным германским егерским полкам. По дороге в штаб дивизии пленные разговорились со своими конвоирами. Солдат сказал, что намечается наступление, офицер это отрицал. Когда пленников привели в контрразведку корпуса, их допросили порознь.

Первым был допрошен офицер, который оказался словоохотливым. Он сообщил, что германцы не имеют никакого намерения произвести атаку на этом фронте.

Потом допросили солдата. Он заявил, что, по мнению солдат, будет атака в эту или в следующую ночь. Он не уверен относительно точного срока. На повторные вопросы он ответил, что в германских частях уже роздали патроны и гранаты, но еще не дали полевых пайков. Вчера он видел около своей казармы солдат, принадлежавших к гвардейским полкам. Это все, что ему известно.

Потом снова позвали офицера. Ему сказали, что законы войны вовсе не обязывают его говорить, но коль скоро он сделал добровольные заявления, то будет за них отвечать.

Давать ложную информацию — значит поступать как шпион.

Это привело допрашиваемого офицера в явное замешательство. После усиленного допроса он сообщил мельчайшие подробности подготавливавшегося наступления, которое должно было начаться на следующий день.

Было уже 15 часов 26 мая. Объявили тревогу. Все войска перешли на свои боевые позиции.

Французский генеральный штаб заседал всю ночь, удрученный ожидаемым ударом.

На следующий день, в час утра, германская огневая завеса прорвалась на фронте на протяжении 30 миль, а три часа [102] спустя 18 немецких дивизий были брошены на 4 французских и 3 английских дивизии».

* * *

Эта книга имела бы большой пробел, если бы я не рассказал еще об одном ловком ходе контрразведки. Во время войны наши генералы произвели много выдающихся военных операций, в которых тайна была существенным элементом успеха.

Применение танков явилось торжеством хорошо сохраненной тайны.

В течение некоторого времени танки буквально парализовали врага. Неожиданность появления этого оружия была для немцев настолько потрясающей, что если бы танк тогда имел более совершенную конструкцию, то союзные армии, наверное, могли бы немедленно приступить к победоносному окончанию войны.

14 октября 1914 года 7-я дивизия готовилась занять позиции напротив Ипра.

Генерала Роулинсона волновал вопрос о численности германских сил, которые двигались на нас из Антверпена. Но неожиданно утром в двух милях от города был подбит немецкий самолет, и два германских летчика были взяты в плен.

При них нашли ценную информацию относительно намерений и тактики продвигающихся германцев. Их допрос оказал нашей контрразведке большую помощь, предупредив фронт о постепенно надвигающейся грозной опасности.

Превосходство информации о неприятеле в сочетании с великолепным героизмом наших солдат позволило нам сдержать, отпарировать и, наконец, остановить навсегда стремление германцев к портам Ла-Манша. Главным смазочным маслом для механизма оперативного отдела была информация о неприятеле.

Выдающийся писатель Фредерик Морис передает замечательный рассказ об одном великом английском солдате. Не могу не привести на этих скромных страницах одно очень важное место из рассказа Мориса:

«Это было трудное и запутанное дело: выстроить 14 дивизий пехоты, 3 дивизии кавалерии, свыше 10 тысяч пушек и 450 танков на десятимильном фронте, не подавая врагу ни малейшего намека на выставленные силы.

Внезапность была сущностью подготовляемой операции, и лишь один случай из ста мог раскрыть тайну. Все хранили этот секрет. Как германский генерал Людендорф согнул линию нашей 5-й армии (я подчеркиваю слово «согнул»), так [103] поступил Роулинсон с «превосходством информации его контрразведки»: он сломил навсегда силу неприятельской инициативы на Западном фронте. В последний и последний раз союзная разведка победила германское командование.

Каждая мелочь была методически обдумана. Офицеры контрразведки, разъезжавшие на мотоциклах, и кавалерия были снабжены топографическими картами, специально для них составленными. Приказы были ясны.

«Всегда старайтесь застигнуть неприятеля врасплох. Старайтесь добыть всякую информацию о нем».

«Проникайте в его бригадные, дивизионные и корпусные штабы».

«Устремитесь вперед, как только мы прорвем фронт, застигните их врасплох и ловите их в смятении».

«Информации! Информации! И еще информации!..» Таков был главный девиз Роулинсона.

Даже во время сокрушительной атаки он не уставал насаждать в своей армии искусство хранить секреты.

За два часа до атаки он выпустил эскадрилью самолетов над германскими линиями. При продвижении пехоты он снова выпускал самолеты, на этот раз с парашютами, которые спускали амуницию. Свыше 100 тысяч снарядов было доставлено этим своеобразным путем нашей пехоте и нашим пулеметчикам.

Методы работы искусной контрразведки штаба Роулинсона были прекрасны и играли решающую роль в сокрушении гигантского, будто бы неприступного, барьера, воздвигнутого немцами. Из штаба германского 51-го корпуса был похищен полный план укрепления линии Гинденбурга, где были обозначены расположения окопов и пушек.

Я не могу точно сказать, кто действительно совершил этот замечательный подвиг.

Мне сказали, что это сделал один австралиец из племени монаш. Потом говорили, что план добыл один канадец, который впоследствии был убит. Говорили также, что это сделал один солдат-лондонец, принадлежавший к моей же части, к знаменитому 3-му корпусу. Но несомненно, что тот, кто добыл план немецких укреплений и вызвал этим столь значительные последствия, совершил величайший героический поступок в истории союзной разведки.

Нужно напомнить, что немецкая линия была слишком длинна и растянута для сокрушительного удара, который, по сведениям нашей контрразведки, готовился. За тот короткий промежуток времени, который Людендорф имел в своем распоряжении, [104] он сделал все, что было в человеческих силах.

Миллион германцев был сконцентрирован против нас. Им было отдано распоряжение: прорваться к Парижу во что бы то ни стало.

Стоявшие друг против друга противники были по численности в соотношении как четыре к одному. Дать решительное, подготовленное сражение было невозможно, и на этом Людендорф строил свои надежды. Он хотел с помощью гигантских масс прорваться, обойти британскую линию и отделить, таким образом, британскую армию от французской сокрушающим маршем на Париж.

Контрразведка со своей обильной информацией относительно намерений германцев, полученной допросом пленных и «воздушной слежкой» за противником, помогла Гафу отразить надвинувшиеся германские полчища. Он согнул свою линию и загнал германцев в огромный «карман», потом повернул со своими подкреплениями и сдержал наступление немцев.

Глава XX.

Американская разведка

Майор Россель, бывший начальник контрразведки американского экспедиционного корпуса, сообщает замечательный эпизод из практики шпионажа, который ставит американскую систему контрразведки на почетное место в общей системе союзной разведки.

Маршал Фош, Дуглас Хейг, генерал Першинг и другие союзные руководящие офицеры собрались в одном замке в Северной Франции, чтобы рассмотреть важные вопросы, связанные с усилением Людендорфа сокрушить силы союзников.

Удар уже был нанесен, и английская 5-я армия это почувствовала.

Необходимо было добыть больше информации. Фош и Хейг знали, что этот первый удар был прелюдией к другим, которые должны были последовать. Нужно было во что бы то ни стало узнать планы германцев.

Американцы великолепно справились с этой задачей.

По словам майора Росселя, на совещании присутствовал полковник Р., уполномоченный по работе контрразведки штаба генерала Першинга. [105]

Было отобрано четыре человека из американской разведки и устроено совещание с другими работниками союзной контрразведки, чтобы совместно рассмотреть планы в связи с этим смелым шагом.

Испания была выбрана как исходный пункт для выполнения этого задания. Британская и французская сеть контрразведки обнимала всю Испанию. Американская контрразведка требовала, чтобы и ей было разрешено иметь в Испании свои разветвления.

Дальше я буду называть этих искусных и бесстрашных американских разведчиков: «начальником», «полковником», «майором» и «инженером».

«Полковник» был назначен первым. Он свободно говорил по-испански и в совершенстве знал Испанию и обычаи ее народа. Он должен был перейти границу и заявить, что он беженец, что его неправильно обвиняют в подделке документов и что он озлоблен против союзников, особенно против американской армии. Он сочувствует германскому народу и, кроме того, у него имеется ценная информация относительно американской армии, ее численности, расположения, вооружения и планов.

«Начальник» и «майор» должны были переправиться в Испанию через Гэндей, для того чтобы помочь «полковнику» в выполнении его плана.

Не имея при себе никаких документов, «полковник» отправился в свое опасное предприятие. Хорошо ли, плохо ли, но первый шаг был сделан. Приехав на франко-испанскую границу в город Гэндей, он переночевал в довольно скромной гостинице.

На следующее утро, согласно условленному плану, он был на глазах у многих наблюдателей арестован «начальником» и «майором» как опасный преступник и отведен в американский лагерь.

Было объявлено, что американская полиция задержала опасного преступника — американского гражданина. Эта новость распространилась по всему городу, что и требовалось по замыслу разведки. Испанские жандармы и караульный отряд на интернациональном мосту проверили арестованного с целью выяснения его личности.

Чтобы убедиться, насколько удовлетворительно выполнен план и насколько сплетня об «опасном американском преступнике» сделала свое дело, «майор» совершил поездку внутри страны и произвел негласное расследование.

Вечером он вернулся с сообщением о том, что произведенный ими шум дал резонанс сверх всякого ожидания. Этот [106] арест стал известен в Сан-Себастьяне, где находился центр германской разведки. В этом городе знаменитая пятерка направляла шпионскую работу Германии.

Теперь пришло время действовать. «Полковнику» надо было сбежать. Его могли расстрелять при попытке к бегству. Надо было решиться.

При смене часового в полночь «полковник» совершил побег. Стреляли во всех направлениях. Полиция и испанские солдаты поспешно бросились искать беглеца. Всю эту ночь и в следующие дни «начальник» и «майор» организовывали облавы. План выполнялся с точностью.

Скоро распространился слух о том, что «полковник» — в Сан-Себастьяне. Туда послали «начальника» и «майора».

«Полковника» нужно было по возможности измытарить, для того чтобы убедить агентов германской разведки, которые следили за действием американцев, что этот человек является тем, за кого его выдавали, т. е. преступником, которого неловкая американская полиция пытается разыскать.

Во время заранее предусмотренного отсутствия «полковника» «начальник» и «майор» ворвались в гостиницу, где он жил, и произвели там обыск, устраивая при этом суматоху и беспорядок, для того чтобы привлечь как можно больше внимания окружающих.

Когда «полковник» вернулся после отъезда его друзей, он выразил свое глубокое негодование заведующему гостиницей.

В это время к нему подошел человек и многозначительно, ровным тоном сказал ему, что если «полковник» его проводит до своей комнаты, то он даст ему некоторую информацию относительно тех, которые рылись в его комнате.

В ответ «полковник» разыграл свою роль.

— О, вы знаете, кто это? Вы знаете все относительно меня? Я надеюсь, но я не знаю, кто вы. Идите к себе в комнату. И потом, кто знает, я, может быть, погибну. За кого вы меня принимаете? Мы переживаем странные вещи в эти дни. Но скажите мне номер вашей комнаты на случай, если я переменю свое мнение и решусь довериться вам.

«Полковник» ушел, а его новый доброжелатель сообщил ему номер своей комнаты.

«Полковник» чувствовал, что этот человек является агентом германской разведки. После обеда он решил сделать шаг к сближению с ним. Он знал, что за ним следят со всех сторон. Поднявшись на первый этаж гостиницы, «полковник» постучал в дверь; ее тут же открыл его утренний знакомый. [107]

Войдя в комнату, он увидел четырех человек, сидевших за столом. «Полковник» догадался, что перед ним германская шпионская организация.

Он был учтиво представлен всем присутствующим в комнате.

— Мы знаем ваши обстоятельства, — сказал один. — Если вы нам поможете, то, может быть, и мы вам поможем. Говорите ли вы по-немецки?

— Нет, — ответил «полковник», — только по-испански и по-французски (на самом деле он свободно говорил по-немецки).

Оставив на минуту полковника, они устроили срочное совещание. Шпионы говорили по-немецки, и их «гость» все понял.

Однако он держался перед ними безучастно, как бы не понимая ни слова из их беседы.

С простодушием, характерным для тевтонского склада ума, немцы сразу прониклись уверенностью, что он охотно будет работать для них.

Потом председатель группы обратился к «полковнику» по-испански:

— Мы — работники германской контрразведки в Испании, нам нужны надежные агенты. Если вы будете работать для нас, мы вам будем хорошо платить. Нам нужна информация, вы можете добыть ее. Если вы нам честно будете служить, — хорошо. Если же вы будете играть двойную игру, то где бы вы ни укрывались, мы вас найдем и убьем. Таковы условия. Если это предложение для вас неприемлемо или если оно вас пугает, то скажите об этом теперь же, в противном случае идите с нами и служите нам честно.

«Полковник» ответил, что ему нужно некоторое время для размышления.

— Хорошо, мы вас будем ждать в 15 часов 30 минут. Пока всего хорошего — и, надеюсь, мы не прощаемся.

В назначенный час он пришел.

— Я принимаю ваше предложение. Американцы назначили цену за мою поимку. Я не виновен. Все то, что я сейчас хочу, — это отомстить.

Немцы выразили ему свое сочувствие. Они ему сказали, что он может рассчитывать на защиту со стороны могущественной Германской империи. У нее крепкая рука, и ее кулак всегда готов сразить врагов ее верных слуг.

После этого короткого вступления председатель изложил сущность первого поручения:

— Американцы недавно захватили нашего агента в одном из своих базовых портов. Его скоро будут судить как шпиона. [108] Этот человек, которого они знают под фамилией Мюллера, является в действительности представителем германской аристократии. Кайзер очень хочет, чтобы этот человек сбежал.

Вы этому должны содействовать. Для этой цели вы вернетесь во Францию. Само собой разумеется, что мы вам окажем всемерную помощь. Если вы не можете устроить его побег другими средствами, попытайтесь подкупить часовых: за деньгами остановки не должно быть. Вам их дадут столько, сколько нужно для этого дела.

Сообщив «полковнику» о месте заключения знатного германца, председатель расспросил его о чертежах и о каком-то грузовом автомобиле и пушке, которые имеются в американской армии.

— Работая по делу освобождения нашего соотечественника, вы можете одновременно постараться раздобыть чертежи этого изобретения, которые очень нужны нашему генеральному штабу во Франции.

«Полковнику» дали значительную сумму денег для предварительных расходов. Он должен был выдавать себя за испанца и разъезжать с паспортом, который давал ему возможность путешествовать по всей Франции, не подвергаясь никаким стеснениям.

На следующее утро «полковник» покинул гостиницу, уверившись, что за ним не следят.

Приехав на испанскую границу, переодетый, не стесняющийся в средствах и с испанской визой на паспорте, он немедленно получил разрешение ехать дальше. Для непосвященных это был крупный чиновник, приехавший во Францию по срочным делам, касающимся испанского правительства.

В поезде «испанца» проводит в его купе «майор». Они хотели остаться наедине, но это им не удалось. Двое пассажиров вошло в их купе. Однако «полковник» сумел передать «майору» записку. Там было сказано: «Идите на станцию, где вы меня увидите, когда я сойду с поезда». «Майор» так и сделал. В маленьком зале ожидания после отхода поезда они пожали друг другу руки. «Полковник» рассказал «майору» всю историю, и они условились встретиться в Париже. Оба агента сели на следующий поезд и ехали как незнакомые в разных купе. В Париже «испанец» поселился в спокойной гостинице, где его вскоре навестили «начальник», «майор» и «инженер».

Они горячо обсуждали вопрос об освобождении знатного германца. Все чувствовали, что если этот высокородный пленник будет освобожден, то потом можно будет сделать с германской разведкой все, что угодно. Это был козырь. [109] «Начальник» зашел в генштаб, чтобы разыскать дело этого столь важного пленника. Заключенному угрожала смертная казнь, и было решено, что приговор будет приведен в исполнение.

Американец страстно убеждал высшего офицера, которому было поручено это дело, что пленник очень важен для союзной контрразведки, что он нужен как агент для особого поручения.

Офицер сказал:

— Вы, очевидно, не знаете всей важности этого «пленника».

— Нет, — ответил «начальник».

— Так вот — это князь Иоахим, любимый сын кайзера.

Вскоре «начальник» узнал всю эту историю.

В Ля-Рошели в доках схватили молодого человека, пытавшегося зажечь навес, под которым находилось много авиационного оборудования. Так как он отказался дать какую-либо информацию о Германии, то американцы посадили его на время в тюрьму.

Задержанный не говорил о том, кто он такой, до приближения срока его казни. Но, как было сказано выше, подлинное лицо пленника стало известно. Тем временем германцы делали энергичные усилия, чтобы дипломатическим путем или другими способами добиться освобождения пленника, присвоившего себе имя Мюллера.

Для целей союзников этого человека надо было выпустить во что бы то ни стало. Высший офицер был введен в курс дела. Тогда было решено, что американская группа

контрразведки разыграет заранее разученную роль на сцене тюрьмы, где содержался Мюллер.

«Полковник», еще пребывавший под видом испанца, был «арестован» своими коллегами как подозрительный и помещен в тюрьму, где сидел Мюллер. Американец скоро вошел с ним в контакт. Составили заговор.

— Я проник сюда по распоряжению германской разведки и хочу помочь вам бежать. Когда выйдете на вечернюю прогулку, вы увидите человека, который будет вам кивать головой, это будет частный посетитель, и тогда спасайтесь бегством. Я буду ждать за воротами с автомобилем.

Таков был его план.

Мюллер был восхищен. Он обещал повиноваться. На следующее утро «начальник» навел дежурного офицера французской контрразведки и попросил его выпустить «испанца», так как все оказалось в порядке. Начальник тюрьмы получил соответствующее распоряжение, и «испанца» [110] выпустили в это же утро. Прежде чем уйти, он успел сделать последнее предупреждение узнику: «сегодня вечером».

Как раз в тот момент, когда Мюллер вышел на вечернюю прогулку, «майор» появился у ворот тюрьмы в форме офицера американской армии. Часовые отдали ему честь. Автомобиль «майора» стоял за стенами тюрьмы. Это была большая мощная машина с сильным мотором, сконструированная так, чтобы можно было перейти на полную скорость в десять секунд. Мотор работал.

Когда «майор» вошел через калитку в тюрьму, «полковник» прошел к сиденью шофера. «Майор» отвлек внимание шофера в другую сторону, и в эту минуту узник вышел из ворот. Одного сигнала было достаточно, чтобы он устремился к автомобилю. Часовой помчался за ним в сопровождении «майора», который поскользнулся и ловко упал на спину, увлекая за собой часового. Через секунду «майор» бросился к калитке и стал стрелять из своего автоматического пистолета по уезжающему автомобилю. Пока часовой добрался до калитки, машина исчезла. Была организована погоня, но беглецов не нашли. «Полковник» и «Мюллер» благополучно добрались до Испании; границу они перешли по хорошо известной им дороге, отмеченной группой контрразведчиков.

По приезде принц был радостно принят хозяевами «полковника» из германской контрразведки. «Полковник» был предметом восхищения кайзеровских авантюристов и, что важнее всего, он завоевал полное доверие всей германской контрразведки.

Его преданность германскому делу была установлена. Некоторое время спустя «полковник» снова поехал во Францию; на этот раз с заданием достать для Германии чертежи недавно сделанного важного изобретения.

— Я знаю одного нужного человека в Париже, — сказал «полковник» германскому начальнику, — который за большую сумму денег даст вам то, что вы хотите.

Принц не захотел, чтобы «полковник» вернулся во Францию.

— Он слишком храбрый человек. Он идет на верную смерть. Кроме того, я ему так много обязан, что ничем не смогу уплатить свой долг. Он мне спас жизнь, — говорил принц.

После долгих споров «полковник» получил разрешение ехать. На этот раз он въехал во Францию другим путем и при совершенно других обстоятельствах.

Один опытный испанский проводник, который знал каждую пядь земли в горах, должен был проводить его во Францию. [111] В темную ночь, когда бушевала гроза, они отправились в путь, с тем чтобы перейти границу. Горная тропа, по которой они шли, таила в себе множество опасностей даже в прекрасную погоду; одни только контрабандисты знали ее.

Когда путники поднялись по тропинке, она местами стала до того узка, что лишь несколько сантиметров отделяли их от края пропасти в несколько тысяч футов глубиной: один толчок, и смерть неминуема.

Американец и проводник насквозь промокли. Скользя, скатываясь, а иногда ползая на четвереньках, они начали спускаться вниз.

На рассвете они увидели Францию.

Убедившись в том, что поблизости нет часовых, путники пробрались украдкой в одну маленькую деревню. Тут «полковник» простился со своим другом контрабандистом.

Прячась по ночам и путешествуя днем, «полковник» избегал городов, как чумы. У него не было никаких документов. Но ему повезло. Американский грузовик взял его с собой, так как он представился человеком, направляющимся в Париж для того, чтобы поступить в американский экспедиционный корпус.

В Париже он остановился в прежней гостинице, где его вскоре посетил «начальник» и другие товарищи. Все они были восхищены его возвращением, так как сильно беспокоились, не получая со времени его бегства никаких известий о нем.

Теперь начинается новая фаза в приключениях «полковника». Его послали для того, чтобы достать секретные чертежи недавно изобретенного американцами танка.

«Начальник» и «майор» совещались относительно того, как ввести германцев в заблуждение какими-нибудь никчемными чертежами.

Для помощи пригласили «инженера». Ему указали все опасности этой задачи, где единственной наградой может оказаться расстрел у каменной стены на рассвете, но «инженер» был храбр.

— Я решился, — сказал он, — я хочу помочь делу.

Он принялся за работу, достал схемы и чертежи какого-то мотора и механических частей, с помощью которых можно было надуть германцев. «Инженер» должен был вернуться вместе с «полковником» и говорить на таком техническом языке, чтобы начальники германской контрразведки в Сан-Себастьяне ничего не могли понять.

Под предлогом, что они ищут германских дезертиров, друзья поехали к испанской границе, пробрались очень осторожно в горы, и явились к германской пятерке в Сан-Себастьяне. [112]

«Инженер» пытался объяснить немецким контрразведчикам на техническом языке привезенные чертежи, но, как он этого и хотел, подробности оказались слишком сложны для того, чтобы их могли понять. «Инженер» намеренно их запутал.

Тогда было решено, что единственным выходом является посылка «инженера» в Германию. Но когда «полковник» предложил этот план «инженеру», последний отказался поехать без «полковника». Тогда принц Иоахим вмешался в переговоры.

Его сильно интересовали планы «полковника», и он разрешил основной вопрос, заявив, что оба поедут в Германию вместе с ним.

— А как? — спросил «полковник». — Через Францию невозможно, через нейтральные страны также нельзя, потому что все союзные разведки знают меня. Меня арестуют на первой пограничной заставе.

— Не беспокойтесь, — ответил принц, — у нас имеется регулярное сообщение между Испанией и Кильским каналом.

Уже свыше трех лет, как наши подводные лодки курсируют по этой линии. До сих пор было только два несчастных случая на этой секретной линии. Вы должны решиться рискнуть.

Я с вами поеду и буду отвечать за вашу безопасность перед нашим генеральным штабом.

На этом и договорились.

Ожидаемая подводная лодка прибыла через два дня. «Полковник» слышал, что капитан рассказывал пятерке о том, как в английском Ла-Манше два контрминоносца гнались за ним несколько часов. Он избежал катастрофы тем, что нырнул и опустился на дно на очень большой глубине и оставался там около шести часов.

— Эти англичане порядком надоели нам, командирам подводных лодок! — сказал он многозначительно.

Члены германской пятерки переглянулись друг с другом. Они знали этого командира подводной лодки. Это был человек опытный, твердый и решительный. Если он говорил, то обдумывал свои слова.

Когда капитану сказали, что ему придется взять на борт трех пассажиров, он заявил, что не возьмет ни одного. Но принц Иоахим настоял на своем, и дело было улажено.

С наступлением сумерек маленький отряд был доставлен на лодке к подводному кораблю. Оба разведчика были помещены в маленьком купе. Капитан предупредил их, что там они будут жить до конца рейса.

— Не выходите из вашей кабины. Мой экипаж не любит [113] ни англичан, ни американцев. Вас могут ударить. Матросы не понимают методов разведки.

Так они провели все плавание. Один раз их навестил принц и вежливо осведомился об их здоровье. Но кроме этого визита, а также ежедневного посещения одного германского младшего офицера, который приносил им пищу, ничего не происходило, что могло бы нарушить однообразие этого путешествия.

Наконец, рейс окончился, и лодка всплыла на поверхность в германских территориальных водах у укрепленного входа в Кильскую гавань.

Когда американцы высадились на берег, принц повел их по большой гавани для подводных лодок к близлежащим казармам, велел им ждать, а сам пошел к командующему морской базой.

Во время ожидания они обратили на себя внимание многих офицеров. Один офицер, который вышел из дома командующего, остановился около них и заговорил по-английски.

Он задал им несколько вопросов об их национальности, потом осведомился, говорят ли они по-немецки. Когда ему ответили отрицательно, он обратился к группе наблюдателей и сказал по-немецки:

— Эти двое американцев — предатели, они уже продают свою родину.

Потом у дверей появился принц и дал им знак следовать за ним. Их представили генералу, который свободно говорил по-английски.

— Мне сказали, что вы спасли жизнь его королевскому высочеству. Германия вам вечно будет обязана. Пока вы будете здесь, под моим попечением, вы можете рассчитывать на полный личный комфорт и на мою защиту.

Все улыбались и кланялись, когда принц распрощался и ушел. Американцы видели его в последний раз.

Потом генерал обратился к ним и сказал:

— Я назначил офицера для вашего личного обслуживания. Он будет вместе с тем переводчиком. Я пошлю за ним, — и он нажал кнопку на своем столе. Послышался стук у дверей, и в комнату вошел офицер. — Вот капитан Шмидт, — сказал генерал. «Полковник» и «инженер» вытаращили глаза от изумления.

Это был тот самый офицер, который недавно так оскорбительно отозвался о них. Глаза у них разгорелись, когда они пошли за ним.

Устроив бегство принца Иоахима, «полковник» и «инженер» [114] завоевали доверие германской разведки и приехали в Киль с «липовыми» чертежами американского танка вместо настоящих, которые они должны были достать.

Они пробыли в казармах почти два дня. На второй день вечером капитан Шмидт велел им быть готовыми ехать на следующее утро в генеральный штаб. Наконец-то, они увидят мощную контролирующую машину императорской германской армии!

В течение всего следующего дня они ехали в закрытом купе первого класса и вечером прибыли в Кобленц. Их отвели в маленькую гостиницу, и капитан Шмидт предложил им привести себя в порядок. Им разрешат выходить от 10 утра до 5 часов вечера, но они должны выдавать себя за испанцев; для этого им вручили два удостоверения личности на случай, если на улице ими заинтересуются сотрудники германской контрразведки.

На следующий день они пошли в одно маленькое, но изысканное кафе. Там они разговаривали по-испански на общие темы и так тихо, что их не мог бы понять кто-либо желающий подслушать беседу.

Посидев в кафе с полчаса, «полковник» заметил, что одна довольно миловидная девушка, очень изысканно одетая, все время смотрит на них. Он сделал вид, что ничего не замечает, но каждый раз, когда его глаза глядели в ту сторону, они встречали настойчивый взгляд этой женщины.

Собираясь уйти, они стали искать официанта, но не успели расплатиться, как к их столику подошла эта женщина и заговорила с ними по-испански.

— Извините меня, но мне кажется, что вы иностранцы. Я предполагаю, что вы испанцы. Официант мне это подтвердил.

— Да, — сказал «полковник», — я вижу, что вы говорите на нашем языке. Садитесь с нами. Выпейте стакан кофе. Как приятно слышать родную речь в устах такой очаровательной особы, как вы.

Молодая женщина села за стол, и все трое разговаривали свыше часа. В конце концов, они условились встретиться завтра в этом же месте.

Когда они вернулись к себе в гостиницу, «полковник» обратился к «инженеру».

— Это разведчица! Ее подслали для того, чтобы нас выслеживать. Возможно, что она будет ухаживать за одним из нас для того, чтобы попытаться выпытать кое-что. Я думаю, что она метит в меня, и я постараюсь сыграть свою роль. [115]

С тех пор новая знакомая встречалась с ним каждый день. Через неделю пришел Шмидт и сказал, что «инженеру» придется ежедневно ходить в отдел авиации и механики для того, чтобы рассмотреть чертежи вместе с германскими экспертами. Пока генеральный штаб не готов принять «полковника», и он может располагать своим временем наилучшим для себя образом.

Оба разведчика чувствовали, что германская разведка играет ими. Они нужны ей только временно. Все указывало на это.

— Если они хотят вас прогнать, не допустите этого, — сказал «полковник» своему товарищу. — Это будет для вас верная гибель. Когда они добудут информацию, нам будет конец. Я очень ясно вижу их намерения. Они нас перехитрили.

В таком случае наша миссия будет бесплодной и все жертвы, которые мы принесли, окажутся напрасными. Во всяком случае, если придется умереть, — умрем вместе.

Но произошло нечто непредвиденное, что совершенно изменило положение. Грета, германская разведчица, влюбилась в «полковника». Однажды днем она сказала ему:

— Меня послали для того, чтобы обольстить вас, но вместо этого я стала жертвой своего собственного чувства. И это я, Грета, которая думала, что недоступна для таких вещей!

Она была глубоко взволнована.

— Давайте завтра встретимся в парке, а не здесь; я хочу вам многое рассказать.

В ту же ночь оба американца рассмотрели положение со всех точек зрения. Оба инстинктивно чувствовали, что они под угрозой разоблачения. Это было лишь вопросом времени.

«Инженер» был уверен, что германские эксперты работали. Их заинтересованность была большая; как только они будут знать об этом изобретении все, что можно, его отправят внутрь страны для того, чтобы он помогал конструировать танк. Американцы знали, что это значит. На рассвете они решили отправиться внутрь страны при первой же возможности.

Рано утром к ним постучал Шмидт. Обращаясь к «полковнику», он сказал:

— Вы пойдете со мною в 10 часов утра в генеральный штаб, ваша аудиенция теперь подготовлена.

В 10 часов утра Шмидт повел его по городу и, наконец, привел в большую гостиницу. За конторским столом в огромной комнате, стены которой были увешаны большими картами, стоял Гинденбург.

— Я извиняюсь, что заставил вас так долго ждать свидания со мною. Дело в том, что я редко бываю здесь. Я знаю все [116] относительно вас и выразил желание лично вас увидеть. Мое время дорого. Большие события должны развернуться. Расскажите мне по возможности коротко, что вам известно об американских силах во Франции.

«Полковник» разговаривал с ним целый час. Он говорил:

— Два миллиона американцев находятся на пути во Францию. 750 тысяч человек уже сейчас на фронте. Американцы имеют 5 тысяч самолетов, 2 тысячи пушек; еще придут тысячи солдат. Миллионы тонн военного снаряжения и продовольствия, — таково было содержание его рассказа.

Маршал изменился в лице. Он был явно взволнован. Для него это сообщение было предвестником надвигающегося бедствия. Некоторое время он молча ходил по комнате, потом, подойдя к своему столу, нажал кнопку.

— Довольно, я еще пошлю за вами.

Капитан Шмидт открыл дверь; аудиенция была окончена. Когда они вышли из гостиницы, капитан оставил «полковника».

— Вы знаете, куда вам идти и что вам делать. Я за вами зайду, если вас потребуют.

В тот же день «полковник», который почувствовал влечение к германской разведчице, пришел в парк на назначенное свидание. Грета его ждала.

— Слушайте меня внимательно. Слушайте, мой возлюбленный, так внимательно, как до сих пор вы никогда не слушали. Вы оба осуждены на смерть. Я знаю, кто вы. Наша разведка знает ваши биографии. Вы оба американские офицеры. Меня не занимает вопрос о том, искренни вы или нет. Меня не занимает вопрос о том, являетесь ли вы американским преступником. Наша разведка склонна думать, что нет. Она говорит, что вы

оба агенты американской разведки, оба союзные шпионы, играющие хитрую, но безнадежную игру. На этот раз вы зашли слишком далеко. Не бойтесь. Доверьтесь мне. Я нашла выход. Сегодня ночью я приду к вам в комнату.

К тому времени я буду знать, выполняются ли мои планы.

Вечером того же дня оба американца, с напряженным вниманием ждавшие в своей комнате эту женщину, услышали ожидаемый стук в дверь. Грета пришла, как было условлено.

Ее приход к американцам не должен был казаться подозрительным немецким разведчикам. По их мнению, она, как разведчица, разыгрывала роль любовницы.

План, который она развернула перед американцами, казался невероятным, невозможным. Однако они были в ее руках. Если она играет двойную игру, они погибли. Если они будут продолжать свою игру, они также погибли. Какая разница? [117] С другой стороны, если она действует искренно, то их миссия будет выполнена успешно, успешнее, чем этого можно было ожидать.

— Я заручилась помощью двух полковников генерального штаба, — сказала она, и глаза ее загорелись, дыхание стало прерывистым, как при подавленном волнении.

— Оба эти полковника — изменники делу германского народа. Это одна и та же игра на войне. Оба говорят, что германцы обречены. Это лишь вопрос времени. Они видели последний секретный доклад, который вы сделали Гинденбургу.

— У них имеются тайные планы германских операций, — продолжала Грета, — эти планы, если только они попадут в руки Фоша, окончательно решат судьбу Германии. Они хотят заключить договор. Они требуют, чтобы я принесла им в эту ночь уверенность в том, что этот договор будет выполнен.

Во-первых, защита против мести со стороны германской контрразведки, в какой бы стране они ни были. Во-вторых, сто тысяч долларов вознаграждения. Третье условие, — чтобы их немедленно перевезли в другую страну, предпочтительно в Америку. Если вы соглашаетесь, я отнесу ваш ответ. Если он положительный, то они вас отсюда увезут. Таков их план.

Они оба поедут с вами; по Германии до ваших линий, до самого американского фронта. Они вас уведут отсюда под тем предлогом, чтобы вас было удобнее убить. Они имеют неограниченные полномочия. Никто не может оспаривать их власть.

— Грета, — сказал «полковник», — в первый раз я с вами буду говорить по-немецки, на вашем родном языке. Я вам верю. Мой товарищ и я находимся в ваших руках. Если вы нас обманываете, вы выиграете, но, возможно, мысль о том, что вы нас лишили жизни, всю жизнь будет вас преследовать. Передайте этим двум офицерам, что их условия приняты. Если мы выберемся отсюда, тогда мы окажем услугу нашей стране и делу союзников. Что касается вас, то вы поедете в Голландию. Как только мы уедем, дня через два после нашего отъезда, найдите какой-нибудь предлог и перейдите голландскую границу. В противном случае мое сердце не найдет покоя при мысли о том, что мы на свободе, а вы остались и, по всей вероятности, на смерть.

— Не беспокойся. Я сегодня же ночью передам ваше согласие. Они смогут вас увезти отсюда лишь через два дня.

Хорошо. Я все это обдумала, — ответила она. — Сегодня ночью я покидаю Кобленц с испанским паспортом. Мне поручено поехать в Париж для того, чтобы раздобыть какую-нибудь информацию. Мой отъезд не вызовет ни малейшего подозрения. [118]

— Вы со мной говорили по-немецки, — сказала Грета «полковнику». — Теперь я буду отвечать на вашем языке, который является моим родным языком. Я родилась в Нью-Йорке и воспитывалась в Южной Америке. Я говорю по-английски, по-испански и по-немецки. Итак, прощайте, до ближайшего свидания.

На следующее утро оба офицера, о которых говорила Грета, вместе с капитаном Шмидтом пришли в гостиницу.

— Эти два офицера поведут вас к верховному императорскому командующему на фронте. Вас обоих будут еще допрашивать, так как возникли сомнения, требующие более подробных объяснений.

В назначенное время «полковник» и «инженер» покинули Германию, имея при себе информацию. Оба германских офицера из неприятельского верховного командования благополучно достигли американских линий в конце июня 1918 года.

В настоящее время где-то в Америке два немца, если они живы, знают правду об этом большом шпионском заговоре. И где-то в Америке Грета, немецкая шпионка, и ее муж «полковник» вспоминают те дни, когда судьба и шпионская работа столкнули их. Принц Иоахим Гогенцоллерн покончил самоубийством в 1927 году. Я думаю, что он никогда не знал правды о своем освобождении.

Глава XXI.

Батарей «Л» у Нери

Это было 31 августа 1914 года. Тени пыльного знойного дня укорачивались, когда я шел со своим полком и заметил на перекрестке дорог одного штатского, по одежде — типичного французского сельскохозяйственного рабочего. Он стоял на краю дороги вместе с другими многочисленными беженцами и наблюдал, как проходили наши отступающие войска. Никто не обратил внимания на него. Мы таких видели тысячами, когда отходили от Монса.

Несмотря на то, что он был небритый, невымытый и нечесанный, несмотря на то, что мои глаза встретились с его глазами всего на одну секунду, несмотря на то, что я был смертельно усталым, — я в течение этого мгновенного взгляда узнал в этом человеке одного английского разведчика. Это был Бертран Стюарт, который возвращался назад, для того чтобы [119] прийти в соприкосновение с продвигающимся неприятелем и чтобы еще раз рискнуть своей жизнью за дело союзников.

30-го ночью Стюарт прибыл в деревню, где временно была расквартирована одна кавалерийская дивизия фон дер Марвица.

Разведчик хорошо говорил по-немецки. Пройдя 5 миль в открытом поле, он спрятал свой радиоаппарат. Надо отметить, что он хорошо знал германский код.

Деревня кишела германскими кавалеристами. Вдоль главных и боковых улиц, а также на окраинах стояли лошади, оседланные, покрытые пылью; они ели из мешков; от измученных животных шел пар. Стюарт узнал, что многие эскадроны находились в пути 24, а в некоторых случаях 26 часов.

Окружение британской армии и взятие Парижа были вопросом времени. Многие солдаты говорили об этом при Стюарте совсем открыто, так как на него смотрели как на невежественного французского крестьянина.

Прислушиваясь к разговорам окружающих, он услышал, как солдаты говорили, что около Нери имеется британский бивуак и что 18-й драгунский, 2-й кирасирский и 9-й уланский полки, снабженные двенадцатью пушками, должны на рассвете произвести внезапную атаку на британскую кавалерию и артиллерию, а в это время 2-й и 9-й кавалерийский полки нападут на англичан с обеих сторон и произведут обстрел.

Стюарт знал, что две последние ударные германские дивизии были недалеко. Поэтому он ночью отправился по маленькой дорожке в открытое поле, где мог наблюдать за отправлением 4-й германской кавалерийской дивизии.

Можно вообразить себе, какие мысли роились в голове этого человека, когда он лежал спрятанный в земле. Как назло, утренняя заря принесла с собой тяжелый густой туман. Но он мог слышать звуки голосов немцев, бряцание оружия и сухой треск конских копыт по дороге; он пришел к заключению, что немцы, наконец, двинулись в путь.

Еще раз он подполз близко к деревне, теперь тихой и безлюдной, и вдоль дороги различил несколько темных предметов. Он тут же понял, что в своем спешном продвижении вперед немцы оставили позади колонны свои радиоустановки.

Не колеблясь ни одной минуты, Стюарт помчался в деревню. Густой туман мешал ему бежать. Но, ориентируясь по некоторым вехам, разведчик добрался до места — к полуразрушенной ферме, где он установил свой радиоаппарат.

Он немедленно принялся за работу и скоро вошел в контакт с 2-м, потом с 9-м германскими кавалерийскими полками. Пользуясь секретным германским военным кодом, он послал [120] следующую телеграмму. «4-й кавалерийский сообщает, что в Нери нет англичан, прекратите битву. Двиньтесь на юг к Компьень».

Он получил ответ от обеих дивизий: «Приняли. Все в порядке».

Теперь я должен сделать маленькое отступление и рассказать о героической битве под Нери.

Под Нери 2-й драгунский гвардейский полк и батарея «Л» конной артиллерии вывели своих лошадей на водопой. Утро стояло туманное, но сквозь туман на расстоянии примерно 700 метров один офицер заметил, что с вершины низкого холмика на англичан смотрели три всадника. Это были разъезды германских офицеров-наблюдателей,

управлявших огнем двенадцати пушек. Не успели британцы узнать, в чем дело, как наскоро установленные пушки стали стрелять по ним шрапнелью прямой наводкой. Эти двенадцать пушек извергали свои снаряды в упор в расстроенный английский бивуак. Произошло страшное смятение и свалка. Много людей и лошадей было убито и ранено, три пушки подбиты. Нападение было так неожиданно, что поражение начало принимать размеры катастрофы. Отряд германской кавалерии сопровождал пушки, и его ружейная пальба усилила сумятицу в рядах англичан.

Британцы не могли поставить пушки на передки, так как перепуганные лошади разбежались. В результате вышли из строя еще две пушки батареи «Л». За короткий промежуток времени остались в живых только двое солдат, причем оба были покрыты ранами и теряли последние силы. Но борьба продолжалась. Обстреливая своих крагов, они укрывались позади пушки с фунтовыми снарядами; одна пушка против двенадцати на расстоянии почти прямого выстрела!

Несколько германских пушек замолкло. Эти двое храбрецов не могли сделать большего. Вовремя подоспели резервы. Через две-три минуты неприятель бросил свои пушки. Я помню, что мы захватили восемь пушек; около двадцати немцев, мертвых и раненых, лежало вокруг них.

Но что было бы, если бы весь кавалерийский корпус фон дер Марвица произвел атаку, как это предполагалось? Было дано «неверное распоряжение», в противном случае атака была бы произведена: За это «неверное распоряжение» британская армия должна быть благодарна только одному человеку, и этот человек — покойный Стюарт, сотрудник разведки. [121]

Глава XXII.

История одного довоенного разведчика

Моя книга была бы неполной, если бы я обошел молчанием деятельность одного разведчика, работавшего до войны и пользовавшегося методами, чрезвычайно характерными для преобладавшей тогда в военных кругах Центральной Европы секретной работы.

Эта история заимствована из новейших источников. Рассказ ведется от имени одного высокопоставленного германского офицера, который был начальником германской контрразведки во время войны, — полковника Вальтера Николаи. Его мнения о шпионской работе являются самыми авторитетными из всех, которые когда-либо были высказаны с неприятельской точки зрения.

Эта история содержит описание приключений полковника Альфреда Редля, который, несомненно, был мастером разведки и крупным шпионом в довоенной Европе.

Я уверен, что читателей этой книги заинтересует повесть о серии предательств этого австрийского офицера.

Одна пражская газета, вышедшая в понедельник 26 мая 1913 года, напечатала следующий отчет о футбольном матче: «Футбол в Праге. Шторм 1 — против Унион В. 5–7 (полтайма: 3–3). Шторм 1 оказался очень слабой командой ввиду отсутствия Вагнера и Марка. Один Атья не был достаточно силен для того, чтобы оказать сопротивление своим противникам».

Автором этой отрывочной заметки был раздраженный глава побежденной команды, он же один из редакторов газеты. Однако этими несколькими строками мелкого шрифта начинается одна из наиболее ярких сенсационных драм шпионажа за последние годы.

Если бы Вагнер играл, Шторм 1, может быть, выиграл бы, но события, служащие темой настоящего рассказа, по всей вероятности, остались бы навсегда погребенными в неизвестности.

Трагические события в центре веселящейся Вены развернулись с напряженной стремительностью.

Только 10 человек во всей Австрии знали полностью эту историю: главнокомандующий австрийской армии генерал Конрад фон Гецендорф, высшие чиновники австрийской разведки и австрийского военного министерства и высшие чиновники венской полиции. Были приняты самые строгие меры предосторожности [122] для того, чтобы это осталось тайной. Все эти 10 человек поклялись свято хранить секрет. Даже император Франц-Иосиф и наследник трона герцог Франц-Фердинанд (убийство которого в Сараево год спустя послужило поводом войны) должны были остаться в неведении. Но все эти меры предосторожности не помогли, потому что на одном стадионе в Праге отсутствовал капитан команды.

Таковы странные зигзаги судьбы.

В понедельник после обеда капитан команды Шторм 1 посетил своего товарища по игре Вагнера (слесаря по профессии), чтобы узнать, почему он не пришел на матч.

— Я никак не мог прийти, — сказал Вагнер своему капитану. — За мною приезжали военные.

— А что они хотели?

— Мне нужно было взломать несколько замков в доме одного офицера.

Таким образом, Вагнер рассказал всю историю, не подозревая, что она имеет какое-либо значение.

В присутствии начальника пражского корпуса и многих высокочинных офицеров, очевидно, приехавших из Вены, ему пришлось открыть дверь дома, который, ему казалось, принадлежал одному генералу, умершему в тот же день в Вене. Ему также пришлось взломать все ящики стола, гардеробы, конторки и т. д., где было найдено много бумаг и фотографий.

Когда офицеры рассмотрели все обнаруженное при обыске, они остолбенели от ужаса. Они восклицали:

— Неужели? Кто бы этому поверил?

Некоторые из этих бумаг были написаны по-русски. Там оказались также и планы. Среда бумаг была найдена значительная сумма денег.

Генерал был, по-видимому, очень богат: в доме стояла великолепная мебель.

— Мне кажется, что они искали завещание, — закончил Вагнер. — Во всяком случае, генерал держал свои документы в надежном месте. Некоторые из замков было трудно взломать. Конечно, в следующее воскресенье я буду на матче. Такие вещи не происходят каждое воскресенье.

Капитан команды, не менее изумленный, чем офицеры, вернулся в свою редакцию.

Такова была действительная история, скрывавшаяся под официальным сообщением «венского бюро печати», на которое он наткнулся накануне вечером в своей редакторской работе, и которое появилось в сегодняшних газетах. Это сообщение с прискорбием оповещало о самоубийстве полковника Альфреда Редля, [123] начальника штаба 8-го корпуса, очень одаренного офицера, который достиг высокого ранга. Он поехал с Вену по профессиональным поручениям, и в минуту упадка настроения, вызванного неделями бессонницы, застрелился.

Русские документы! Планы и фотографии! Самоубийство!

Из Вены выслали специальную комиссию офицеров для того, чтобы произвести обыск в доме полковника. Почему? Все было ясно, как день: Редль был шпионом! Этот человек, чей гений был общепризнан и который скоро должен был добраться до верховного командования австрийской армии, был изменником!

Редактор, капитан футбольной команды Шторм 1, конечно, наткнулся на большую сенсацию, но он не мог использовать ее в своей газете. Если бы эти сведения появились в «Прагер тагеблат», полиция тут же вмешалась бы, конфисковала бы все экземпляры, закрыла бы газету и посадила бы в тюрьму по возможности больше людей из редакции. Поэтому он посоветовался со своим сотрудником и во вторник утром напечатал следующее сообщение:

«Одно высокопоставленное лицо просит нас опровергнуть слухи, распространяемые преимущественно в военных кругах относительно начальника штаба пражского корпуса, полковника Редля, который, как уже сообщалось, покончил самоубийством в Вене в воскресенье утром. Согласно этим слухам, этот полковник будто бы обвиняется в том, что передал одному государству, а именно России, военные секреты. На самом же деле комиссия высших офицеров, приехавшая в Прагу для того, чтобы произвести обыск в доме покойного полковника, преследовала совсем другую цель».

Это было все, что могла безопасно напечатать пражская газета. Но публика знала, что это означает, потому что читатели газет давно были вынуждены благодаря строгой цензуре читать не только между строк, но даже позади газетных заметок. Если напечатано: «Полковник Редль — не изменник», то они знали, что это означает: «Полковник Редль изменник».

Таким образом, довоенная Австро-Венгрия узнала основной эпизод трагедии. Но в среду официальная Европа узнала гораздо больше подробностей об этой истории, так как

капитан команды Шторм 1 был пражским корреспондентом одной берлинской газеты. Европа два-три дня интересовалась этим делом, которое было у всех на устах, а потом о нем забыли.

Закончилась великая война, рухнула Австро-Венгерская империя, раскрошилась мощная военная система. Различные документы были найдены один за другим в разных местах. Лишь теперь стала точно известна история Редля. [124]

Альфред Редль был, несомненно, одним из наиболее блестящих офицеров австрийской армии. Он был искусным лингвистом, имел широкие познания относительно основных европейских государств, глубоко знал военную историю. Он был трудолюбив, энергичен, работоспособен, удачлив. В 1900 году, когда генерал барон фон Гизль стоял во главе разведки Австро-Венгрии, он назначил Редля начальником «Отдела информации» (разведка и контрразведка). Молодой офицер так хорошо справлялся со своей работой, что когда фон Гизль получил повышение, он потребовал назначения Редля начальником его штаба. В течение пяти лет (1900–1905) Редль был директором контрразведки, которую он превратил в наиболее мощную организацию австро-венгерской армии. Ему удалось захватить некоторых наиболее ловких разведчиков. Он раздобыл важнейшие секреты многих государств. Он как будто не знал неудач. Однако большую половину своего пребывания на этом посту Редль действовал как шпион в пользу старой, императорской России.

Бюро информации (или, как его называли сокращенно, КС) было изумительным учреждением. Если оно интересовалось каким-нибудь посетителем, то он оказывался сфотографированным и в лицо и в профиль, отпечатки его пальцев регистрировались, и каждое его слово записывалось на граммофонной пластинке. Где бы ни находился этот посетитель — в приемной зале ожидания или в конторе, — пара невидимых фотоаппаратов всегда была устремлена на него.

Посетителя вводили в комнату одного чиновника, в которой звонил телефон. В середине разговора чиновник указывал на лежавшую на столе коробку с папиросами и говорил:

— Возьмите папиросу.

Посетитель брал коробку и оставлял о себе прочную память: поверхность коробки подвергалась действию сурика и, таким образом, сохраняла невидные до выявления отпечатки пальцев того, кто держал коробку. Телефонный разговор был, конечно, обманом, так как его вызывал сам чиновник, нажимая ногой рычаг или кнопку под столом.

Если посетитель был не курящий, тогда чиновник вдруг вспоминал, что папку, лежащую на конце стола, за которым сидел посетитель, давно надо было отнести в контору. Он ее схватывал, говорил:

— Извините, я через минуту вернусь, — и убегал из комнаты.

На столе оставалась другая папка с надписью «Секретно». [125] Очень мало посетителей КС противостояли желанию заглянуть украдкой в секретную папку!

Картон папки потом подвергался действию сурика. Если посетитель, за которым наблюдали из соседней комнаты, устоял против искушения, тогда применяли какую-нибудь другую хитрость. Если и эта уловка не удавалась — применяли другую, и так до

тех пор, пока какая-либо не удавалась. Во время разговора аппарат передавал каждое произнесенное слово граммофонной пластинке, расположенной в соседней комнате.

Деятельность КС была до того значительна в то время, когда майор Редль получил чин полковника и был назначен начальником штаба генерала фон Гизля, что одно только его имя побуждало к энергичной деятельности его преемника капитана Максимилиана Ронге и весь персонал КС.

«Вспомните Редля!», «Чтобы бы сказал Редль?» — таковы были девизы работников, которые поддерживали высокую степень активности своего учреждения. В этом отношении наследство, которое Редль оставил КС, вызвало, как это ни странно, его несчастье 8 лет спустя.

Новый начальник КС постоянно изыскивал новые методы и планы — для того, чтобы превзойти Редля. В 1908 году после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, когда положение в Европе было напряженным, капитан Ронге и его начальник должны были больше чем когда-либо быть на чеку.

Между прочим, Ронге ввел тайную почтовую цензуру. Только три человека — начальник, Ронге и чиновник, поставленный во главе «черного кабинета» (так называли цензуру), — знали истинную причину создания этого учреждения. Работникам, которые присягнули хранить секрет, говорили, что цензура вводится для борьбы с таможенными мошенниками. Особое внимание обращалось на письма, прибывающие из пограничных местностей. Благодаря цензуре удалось изобличить в шпионаже в период аннексии одного русского военного атташе в Вене, очень известного в высших кругах полковника.

Его, конечно, нельзя было арестовать, но однажды ночью на придворном балу императора колко сострили на его счет. Это дало атташе понять, что он разоблачен, и через неделю он был отозван. Его преемник тоже оказался шпионом — еще один успех черного кабинета и КС. 2 марта 1913 года в черном кабинете вскрыли два письма. Оба имели следующий адрес: Опера балл, 13, до востребования. Главный почтамт. Вена. Судя по почтовым маркам, они шли из Эйдкунена (Восточная Пруссия, на русско-германской границе). Одно содержало [126] на 6 000 австрийских крон банкнотов, а другое — на 8 000 крон. Ни в том, ни в другом не было сопроводительного письма, и уже поэтому письма, естественно, вызвали подозрение. Если эти деньги уплачиваются за честный труд, почему не послать их обычным путем? И Эйдкунен — эта маленькая пограничная прусская станция, известная разведчикам всего мира! Нет ничего удивительного в том, что КС особенно заинтересовалось письмами. Было решено узнать личность того, кому посылались эти деньги. Вблизи главного почтамта, на Мясном рынке, имеется небольшое отделение полиции. Между отделением полиции и окном главного почтамта был проведен электрический звонок, так, чтобы дежурный почтовый служащий, нажимая кнопку, мог подать сигнал в одну из комнат полицейского отделения. Дежурный был проинструктирован, как поступить в тот момент, когда придут за письмами; ему также сказали, чтобы он преднамеренно медлил с выдачей этих писем. Двое агентов дежурили днем и ночью в полицейском отделении, а они всегда были готовы ринуться на почту, когда раздастся звонок, и задержать получателя этих писем. На следующий день звонка не было. Прошла неделя. Молчание. Прошел месяц. Письма еще лежали не востребованными. Прошел апрель; май уже был на исходе. Странно! Никто не требует писем, содержащих 500 фунтов. Но в субботу 24 мая после обеда — звонок. Как назло, случилось так, что агентов не было в этот момент в комнате. Но все же через несколько секунд они были на почтамте.

— А вы очень медленно шли, — сказал почтовый чиновник, — клиент только что ушел налево.

Сыщики бросились на улицу. Они увидели, что с угла отъезжает такси. Не было никакого сомнения в том, что в этом автомобиле сидел человек, только что получивший письма. Но другого такси не было поблизости; о погоне не могло быть и речи. Эти два агента стояли на месте около 20 минут, обсуждая положение. Наконец, они увидели такси, которое медленно ехало по улице. Один из сыщиков посмотрел на такси и вздрогнул. Это была та самая машина, на которой уезжал преследуемый ими человек. Они сели в машину и спросили шофера, куда он отвез их «друга» — человека, которого он посадил здесь на углу минуты 22 тому назад.

— А он поехал в кафе «Кайзергоф».

— Хорошо, везите нас туда.

По дороге внимательно осмотрели внутренность такси и нашли футляр от карманного ножика из серой блестящей шерстяной материи. Это было все. Кафе «Кайзергоф» было [127] почти пусто и там не оказалось ни одного посетителя, которого можно было бы принять за нужного им человека. Куда он поехал? Не пересел ли он на другое такси? Агенты остановились на этом предположении. Единственным местом, где преследуемый мог найти такси, была остановка, находившаяся недалеко от кафе. На этой остановке они узнали, что с полчаса тому назад один человек нанял такси и поехал в гостиницу «Кломзер».

— Везите вас в гостиницу Кломзер.

В этой гостинице агенты спросили у швейцара, приехал ли к ним кто-нибудь на такси в течение последнего часа.

— Да, приехало несколько. Один из комнаты № 4, другой из № 11 и 21 и еще один из № 1. Это был полковник Редль. Но возможно также, что он пришел пешком.

— Полковник Редль? — спросил один из агентов.

— Из Праги, — прибавил швейцар.

Один из сыщиков подал швейцару футляр карманного ножика.

— Возьмите и спросите ваших гостей, не потерял ли кто-нибудь из них этого.

Швейцар взял футляр; как раз в этот момент по лестнице спустился человек в изящном штатском костюме и отдал ключ от № 1.

— Простите, господин полковник, — обратился к нему швейцар, — не потеряли ли вы случайно футляр от своего карманного ножика? — и он протянул футляр полковнику.

— О, спасибо. Да, конечно, это мой, — беспечно сказал полковник, беря футляр. — Где я им пользовался?

Он остановился, и лицо его стало мертвенно бледным. Он быстро посмотрел на швейцара, который вешал ключ. Поблизости стоял человек, казалось, погруженный в чтение газеты.

Полковник постоял с минуту неподвижно. Появилась ли у него мысль о том, что его преследуют, что он разоблачен после десяти лет предательства?

Он положил в карман футляр, снова медленно посмотрел вокруг себя и направился к двери. Человек, державший газету, стремительно бросился в телефонную будку.

— 12–3–48, — сказал он (этот номер был произнесен скороговоркой, так как это был тайный номер государственной политической полиции).

Тем временем полковник Редль удалялся из гостиницы. Через несколько минут главные работники КС узнали обо всем, что произошло в этот час: о том, что кто-то пришел за обоими письмами с адресом Опера, балл, 13 и пытался избежать [128] возможной погони; о том, как нашелся футляр карманного ножика, и как было установлено, что он принадлежит полковнику Редлю. Трое чиновников, которые ознакомились с событиями, передавали друг другу это имя с несказанным удивлением.

Их учитель, их первый начальник, их образец! Может ли быть, что он шпион, изменник?

Капитан Ронге, начальник КС, бросился на почтамт, чтобы произвести расследование. У окна корреспонденции «до востребования» лица, получавшие письма, должны были заполнить анкету (содержание письма, место назначения и по возможности место отправления).

Ему дали анкету, которую заполнил человек, получивший два письма с адресом Опера балл, 13. Он ее забрал с собою в учреждение.

С полки позади своего кресла он вытащил изящную книгу в мастерски сделанном переплете: «Советы по раскрытию шпионажа». Это был рукописный документ в 40 страниц, написанный полковником Редлем, — последняя работа, которую он сделал, будучи начальником КС. В ней он на пользу своему преемнику подвел итоги своего опыта, как ловец шпионов.

Ронге положил анкету на один из листов рукописи. Да, нет никакого сомнения на этот счет. Почерк человека, заполнившего анкету, был почерком Редля.

Капитан Ронге опустился в кресло и вытаращил глаза, сравнивая почерк в анкете и рукописи.

— Редль! Редль!..

Однако... есть доказательства. Он получал подозрительные почтовые письма с крупными суммами денег. Да, но возможно также, что это не для него, возможно, что он просто оказывает услугу кому-нибудь, заходя за его письмами. Было трудно заподозрить Редля. Потом — 14 тысяч крон! Причем из пограничной станции. Эта поездка из главного почтамта в кафе «Кайзергоф» и оттуда в гостиницу «Кломзер» была подозрительной. Вдруг постучали в дверь. Ронге был оторван от своих размышлений.

— Войдите!

Дверь открылась, и в комнату вошел один из сыщиков.

— Есть что-нибудь новое?

— Да, отрывочные сведения, — ответил сыщик с мрачной улыбкой, вытаскивая из своей карманной записной книжки несколько маленьких изорванных клочков бумаги.

В течение получаса Ронге и сыщик складывали клочки бумаги. По окончании этой работы они молча переглянулись. [129]

Да, это было решающим доказательством. Полковник Альфред Редль, начальник штаба 8-го корпуса, был шпионом и предателем!

О чем думал полковник Редль, когда он стоял несколько секунд у дверей гостиницы «Кломзер»? Он, вероятно, видел все в мрачных красках. Он положил руки в карманы своего жилета. Да, его карманный ножик здесь, а футляра нет. Но каким образом попал он к швейцару?

Да, он пользовался ножом в такси для того, чтобы вынуть деньги из конвертов. А потом? Любопытно. Какая досада! Опасно. Он был слишком неосторожен.

Потом он, вероятно, понял, что его выслеживают, что его окружают. Он повернул направо и сделал несколько шагов по Герзенгассе. На углу Штраухгассе, где находится знаменитое кафе «Сентраль», он украдкой посмотрел вокруг себя. Никто как будто его не преследует. Остановка; тут стоял человек, который читал газету около стола швейцара. Он пришел сюда с одним своим товарищем. Они его видели.

Было трудно предположить, что полковник пытался сбежать. Он должен был разрешить один вопрос. Следят ли за ним? Он чувствовал, что следят. Следовательно, его кто-то выдал или он сам себя выдал. Случай в гостинице показал, что его личность известна его преследователям. Ах, если бы он мог хоть на мгновение сбить их со следа! Ему нужно было основательно обдумать положение, написать несколько писем, пообедать с Поллаком, вернуться в Прагу и потом застрелиться! Он не мог этого сделать без колебаний и вытащил из кармана несколько бумажек. Редль не посмотрел на бумажки, чтобы узнать, что на них написано.

Теперь это не имело значения. Он их порвал на клочки и выбросил. Агенты, конечно, остановятся, чтобы поднять обрывки. Но они этого не сделали, а продолжали следовать за ним. На Конкордплац стояло несколько такси. Было бы бесполезно сесть в машину, так как преследователи последуют его примеру. Редль продолжал идти пешком, но, бросив взгляд назад, заметил, что один из сыщиков взял такси и уехал. В течение всего дня преследователь неутомимо шел за ним, куда бы он ни направлялся. Когда полковник повернул к своей гостинице, сыщик был от него на расстоянии десятка метров.

Куда поехал второй сыщик? Понятно, что он вернулся для того, чтобы собрать клочки бумаги, которую бросил полковник. Как мы говорили выше, он их повез к капитану Ронге, начальнику КС. Когда клочки были составлены вместе, [130] получился текст. Расписка об отправлении денег одному офицеру Уланского полка, чиновнику русской разведки. Три расписки на отправление заказных писем в Брюссель, в Варшаву и Лозанну. Все эти три адреса были хорошо известны КС.

Полковник Редль получил письма, содержащие 500 фунтов, из пограничного русского города. Адрес одного из заказных писем был известен, как объединенный центр русской и французской разведок в Брюсселе. Лозаннский адрес был центром итальянской разведки. Варшавский адрес был одним из главных отделений русской контрразведки.

Получив эту информацию, капитан Ронге пошел с докладом к своему начальнику.

К тому времени полковник Редль добрался до гостиницы «Кломзер», где его приветствовал в вестибюле доктор Виктор Поллак, один из виднейших представителей австрийских властей, коллега и сотрудник полковника в судебных процессах о шпионаже. Они были большими друзьями, и приветствия их были сердечны.

— Мы обедаем в «Ридльгофе», — весело сказал доктор Поллак.

Полковник извинился и ушел переодеться в вечерний костюм.

Преследующий полковника сыщик подслушал все, что они говорили. Он об этом доложил начальнику и получил соответствующие инструкции. В «Ридльгофе» агент обратился к управляющему и объяснил ему дело. Потом, переодевшись официантом и прекрасно играя свою роль, он принял обоих гостей и подал им прекрасный обед в отдельном кабинете.

Поллак был в веселом настроении, и Редль постарался, прежде всего, отделаться от осаждавшего его страха. Это последний обед! Эта мысль, вероятно, не покидала его. Он десять лет играл, и вот теперь он проиграл. Надо было со спокойным видом слушать назойливую музыку. Но ему было бы легче перенести все эти испытания в Праге. Поллак мог бы ему помочь. Редль стал говорить своему другу о душевных расстройствах, о моральных ошибках, о разных проступках. Он в самом деле не ответственен за свои действия. Он невменяем.

Вероятнее всего, он совершил свои последние действия бессознательно.

Разве Поллак не мог бы ему помочь? Основная задача — уехать в Прагу, возможно быстрее и спокойнее («официант» этого не слышал). Конечно, Поллак был готов кое-что сделать для него. Ему было ясно, что его приятель страдает от серьезного психического расстройства. Он позвонит одному [131] знакомому и узнает, что можно сделать. Его знакомым оказался господин Гайэр, начальник полиции! Услышав, что вызывают по телефону знакомый номер, «официант» был более чем когда-либо озадачен. Неужели этот известный юрист выполняет здесь обязанности агента?

В половине двенадцатого полковник Редль попрощался с доктором Поллаком, вернулся в гостиницу «Кломзер», взял свой ключ и медленно направился в свой номер. В полночь постучали в дверь.

— Войдите!

Открылась дверь, и четверо офицеров в форме вошли в комнату. Редль сидел за столом и писал. Он встал и поклонился.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказал он медленно и тихо. — Я растратил свою жизнь и пишу прощальные письма. Я надеюсь, что вы мне дадите возможность расстаться с этой жизнью.

— Имеете ли вы соучастников?

— Нет, никаких.

— Размер и продолжительность вашей деятельности?

— Вы найдете все нужные доказательства в моем доме в Праге. Могу ли я вас просить доставить мне револьвер?

Никто из офицеров не имел при себе револьвера, но они обещали полковнику принести оружие. Офицеры шепотом в течение нескольких секунд переговаривались между собой. Потом поклонились и ушли. Через четверть часа один из них вернулся и вручил полковнику заряженный револьвер.

— Спасибо, спокойной ночи.

— Спокойной ночи!

Оставив одного следить за гостиницей, трое остальных ушли в кафе «Сентраль». Они заказали кофе и сидели безмолвно. Человек, стоявший около гостиницы, сменялся каждый час.

Так прошла ночь. Было пять часов утра. Одного из преследовавших Редля агентов вызвали в кафе «Сентраль». Ему дали письмо для полковника Редля, поручили отнести его в гостиницу и сказать швейцару, что абсолютно необходимо, чтобы податель лично вручил письмо полковнику.

Агента предупредили о том, что он может не застать полковника в живых. В случае если он найдет полковника мертвым, он должен был вернуться обратно, не поднимая тревоги.

Агент пошел в гостиницу «Кломзер». Он постучал в дверь номера и не получил ответа. Сыщик повернул ручку, и дверь открылась. Свет горел. Полковник лежал на полу посередине комнаты. Он, по-видимому, пустил себе пулю в лоб, стоя напротив большого зеркала. [132]

Кровь залила ковер. Агент ушел, запер дверь и проскользнул мимо спавшего швейцара.

Через пять минут швейцара разбудил звонок телефона.

— Гостиница Кломзер?

— Да.

— Потрудитесь попросить полковника Редля к телефону вниз.

— Кто говорит?

— Неважно. Делайте так, как я прошу.

Швейцар нашел тело полковника 13 часов спустя после того, как на главном почтамте были получены письма, адресованные Опера балл, 13.

О самоубийстве было немедленно сообщено полиции, и через несколько минут в гостиницу прибыли крупный полицейский чиновник и доктор. Они осмотрели все. Редль умер недавно. Около его правой руки валялся револьвер. На столе лежали два письма:

одно на имя его брата, а другое генералу барону фон Гизлю, командиру 8-го корпуса, и поллиста блокнота, на котором было написано твердым почерком: «Легкомыслие и страсть погубили меня. Молитесь за меня. Я расплачиваюсь жизнью за свои грехи. Альфред. 1 ч. 15 м. Я хочу умереть. Просьба не производить вскрытия тела».

Через несколько часов тело было увезено из гостиницы, а через два дня полковника Редля похоронили в присутствии одного свидетеля на главном кладбище в Вене — гроб 38, ряд 29, группа 79.

Теперь задача властей состояла в том, чтобы раскрыть, в чем заключались преступления Редля. Открытия оказались действительно сенсационными. Одно из предательств Редля несколько месяцев спустя стоило Австро-Венгрии сотни тысяч людей на холмах Северной Сербии.

Через четверть часа после того, как нашли труп полковника Редля, уведомили о происшедшем генерала Конрада фон Гецендорфа. Не прошло и часа, как комиссия, состоявшая из полковника и майора, выехала специальным поездом в Прагу для производства расследования в доме покойного офицера.

Дом Редля был обставлен роскошной мебелью. Было установлено, что три года назад он купил большое имение. Расписка также показала, что за пять лет он купил не меньше четырех дорогих автомобилей. В Вене полковник имел собственный дом. Было известно, что у него имеются частные средства, но расписки показали, что он жил как сумасбродный миллионер. В его винном погребе нашли 160 дюжин бутылок [133] самого тонкого французского шампанского. Потом из различных документов стало видно, что в течение почти одного только года он получил от России около 60 тысяч крон за свои шпионские услуги. Эта сумма составляла десятикратный оклад полковника, но было ясно, что найденные документы не указывали полностью все полученные суммы, которые, вероятно, были в 5–6 раз больше.

Остатки шпионской информации он выдавал Италии, некоторые материалы шли во Францию, но с этими странами он сносился косвенно. Однако было ясно, что в течение десяти лет он работал как руководящий иностранный шпион для России. Его специальностью было доносить русским властям о шпионах Австро-Венгрии, оперирующих в России. Свою шпионскую деятельность он начал в 1902 году.

Какие секреты он выдал?

Огромное количество писем, скопированных документов, кодов, фотографий, планов, секретных приказов по армии, мобилизационных наметок, докладов о состоянии железных и шоссейных дорог, точных таблиц относительно военного оборудования и т. д. — все это он выдавал почти без исключения. Выдавал России — грозному, возможному врагу! Было также установлено, что «а его совести лежало убийство многих австро-венгерских разведчиков, работавших за границей».

Некоторые были даже друзьями и коллегами Редля по КС. С легким сердцем он пожертвовал ими для того, чтобы лучше обеспечить свое положение как шпиона на службе России.

Трудно вообразить более подлое преступление! Его положение как начальника разведки и контрразведки, которое он занимал с 1900 по 1905 год, позволило ему легко давать информацию другим державам.

Таким образом, предварительное спешное расследование обнаружило массу фактов беспримерного предательства. Оно выявило, что все военные секреты Австрии были проданы.

«План 3!» — мелькнуло в голове главнокомандующего армии, когда он услышал об измене Редля. Это был полный план военных действий против Сербии, в случае, если Австро-Венгрия будет воевать с этой страной. Там были указаны все подробности, вплоть до последнего человека и до последней пушки: способ передвижения необходимых сил, расположение одних единиц, мобилизация других; в каких пунктах произойдет атака на Сербию и т. д. Все это было подробно изложено в таблицах, схемах, чертежах, картах. «План 3» был шедевром генерального штаба австро-венгерской армии.[134]

Говорят, что в 1870 году спящего Мольтке разбудили для того, чтобы сообщить ему об объявлении войны Франции.

— Возьмите дело номер такой-то с полки номер такой-то и поступайте согласно инструкциям, которые вы там найдете, — ответил он, повернулся на другой бок и снова заснул.

Конрад фон Цецендорф хотел быть вторым Мольтке. Когда грянет австро-сербская война, которую он считал неизбежной, ему достаточно будет просто произнести: «План 3», и один из лейтенантов генерального штаба сумеет провести всю кампанию. А Редль продал этот план России! Это означало, что сербы теперь знают все об этом плане.

Фон Цецендорф знал, что ему придется переделать весь этот обширный и сложный план. Дело это было страшно трудное, так как план воплощал в себе всю военную мудрость двойственной монархии. Он мог подвергаться изменениям, но его основные черты должны были остаться в общем те же. Сербский генеральный штаб догадывался о намерениях австро-венгерского генерального штаба. Штаб изучал «план 3» в течение многих месяцев. Он давно его знал наизусть. Он мог легко предвидеть, какого рода изменения произойдут. Что сербский главнокомандующий хорошо использовал свое знание австро-венгерского плана, это обнаружилось в первой же стадии великой войны. К изумлению всего мира, маленькая сербская армия предупредила не одно, а три нашествия австро-венгерской армии.

Три раза австро-венгерская армия применяла различные варианты «плана 3», и три раза Сербия отражала натиск и наносила тяжелые удары захватчикам.

Одним из наиболее замечательных открытий, сделанных при осмотре бумаг Редля, было его предательство по отношению к одному русскому полковнику. Герцог Франц Фердинанд был с визитом в Петербурге и встретил хороший прием в русском дворе и у русских Государственных деятелей. Он попросил австро-венгерского военного атташе, сопровождавшего его на обратном пути до Варшавы, сократить до минимума шпионаж в России, с тем, чтобы не раздражать русских. Военный атташе покинул поезд в Варшаве, где он остался на два дня.

В этом городе к нему пришел русский полковник, который предложил ему целый план военного нападения России на Германию и Австро-Венгрию. Вопреки инструкциям законного наследника, атташе не мог отказать себе в такой интересной сделке и договорился с русским полковником.

Узнав об этом, Редль немедленно вмешался. Конечно, эти планы попали к нему первому в руки, так как он был начальником разведки и контрразведки. [135]

Для этого учреждения он подменил настоящий план с целью показать, что атташе в Петербурге был обманут. Атташе был отозван, Редль вернул России настоящий план, который видел только он и петербургский военный атташе. Русским властям он сообщил имя предателя полковника, продавшего план. Полковник покончил самоубийством, узнав, что его предательство раскрыто. За это дело Редль получил 4 тысячи фунтов.

В этом случае Редль оказал большую услугу России. Он не только держал русские планы в секрете от Германии и от Австро-Венгрии, но также скрывал от них свою осведомленность о военных силах России, о наличии в ней значительного количества корпусов. Много лет спустя один известный австро-венгерский государственный деятель заявил: «Если бы генеральный штаб двойственной монархии знал о существовании этих корпусов, наши генералы считали бы большой опасностью придираться к России, и они смогли бы воздействовать на наших придворных, чтобы не втянуть нас в войну 1914 года. Отсюда — наша военная лихорадка и наше поражение. Этот негодяй Редль доносил России обо всех австро-венгерских разведчиках и выдавал наши секреты русским».

Самым крупным шпионским делом, в котором был замешан полковник Редль, является известное сенсационное дело Гекайло — Венчковский — Ахт, трагическую историю которого я впервые сообщаю полностью. Документы, найденные в доме Редля, показали, что он чуть не был выдан в самом начале его шпионской и предательской карьеры. Только его хладнокровие и большое мастерство, с каким он играл свою двойственную роль шпиона и преследователя шпионов, вывели его из чрезвычайно трудного и опасного положения. Даже юрист, который вел дело, чуть было его не заподозрил. История эта полна примерами нечеловеческой жестокости. В 1903 году, как только Редль стал работать в пользу России, арестовали одного молодого человека, по имени Гекайло, секретаря военного учреждения в Лемберге (Львове), по обвинению в растрате казенных денег. По расследовании он был выпущен на свободу и немедленно уехал за границу. Через два месяца полковник (тогда майор) Редль посетил доктора Габердица, известного венского адвоката, обычно выступавшего в военных процессах. Доктор Габердиц занялся расследованием дела Гекайло и был крайне удивлен, услышав, что Редль обвиняет его в шпионаже в пользу России и в том, что он, по всей вероятности, выдал планы совместных действий Германии и Австро-Венгрии при нападении на Россию через Торн. Редль заявил, что он [136] открыл вероятное местонахождение Гекайло благодаря перехваченному письму, которое Гекайло послал одному своему приятелю в Лемберге, и из которого было видно, что автор письма поселился в Куритибе, в Южной Бразилии, под именем Карла Вебера.

И вот затребовали выдачи Гекайло под предлогом, что он совершил крупные кражи (само собой разумеется, что его нельзя было вытащить из Бразилии по обвинению в шпионаже). Гекайло был предан суду в Вене. Редль предъявил веские доказательства против него — фотографии, письма, чертежи и другие документы, посланные по адресу гувернантки, жившей в семье одного офицера русского генерального штаба в Варшаве. Среди документов было доказательство того, что упомянутый план был изменнически выдан. Редль заявил, что было израсходовано около 30 тысяч крон для получения этих доказательств.

Габердиц и Редль сделали много попыток, чтобы заставить Гекайло признаться. Все было напрасно. Наконец, на один вопрос, который ему задал Редль, обвиняемый ответил:

— Майор, как мог я иметь эти планы? Только тот, кто сидит в генеральном штабе в Вене, мог их получить и продать русским.

Гекайло не знал, что он говорил почти правду.

Под сильным давлением Гекайло упомянул имя одного майора, Реттера фон Венчковского, находившегося в Бреславле.

На следующий день Редль и Габердиц поехали в Бреславль и арестовали майора фон Венчковского. При нем нашли множество документов, которые навели на след другого человека, капитана Ахта, личного адъютанта военного губернатора Лемберга. Когда все трое были посажены на скамью подсудимых и когда дело приобрело характер сенсации (подробный доклад был приготовлен специально для императора), Редль внезапно переменял позицию и, поскольку дело касалось Венчковского и Ахта, превратился почти в их защитника из эксперта и свидетеля обвинения, каким был до этого. В результате отношения между Редлем и Габердицом стали менее дружественными и под конец такими натянутыми, что адвокат пошел к начальнику Редля и выразил ему свое подозрение, прося, чтобы в деле выступал кто-нибудь другой вместо Редля. Но подозрения адвоката были встречены насмешкой. Две недели спустя Редль снова переменял позицию и опять стал безжалостным обвинителем подсудимых. В конечном итоге обвиняемые были осуждены: один на 8 лет, а двое других на 12 лет тюрьмы каждый. [137]

Почему же Редль дважды менял свою позицию в течение этого процесса? Объяснение этому мы находим в бумагах, обнаруженных в доме Редля. Это жуткая история. Планы были проданы России Редлем. В добавление к своему «гонорару» он просил, чтобы русские дали ему возможность создать крупный процесс о шпионаже в Вене. Причина такого желанья легко объяснима. С отъездом Гекайло в Бразилию он больше не был нужен русской разведке. Тогда русские бросили Редля на след Гекайло и доставили ему необходимый материал для того, чтобы уличить Гекайло в измене. 30 тысяч крон, которые, по словам Редля, были истрачены на получение доказательств, на самом деле пошли в карман Редля. Но с русской точки зрения дело приняло излишне серьезный и тяжелый оборот, поскольку в нем были замешаны Венчковский и Ахт, два лучших разведчика, работавших для России по всей пограничной полосе. Русский военный атташе в Вене зашел к Редлю и сказал ему, что он обязан обеспечить оправдание этих двух офицеров. В противном случае...

Редль знал, что со стороны своих русских хозяев он не мог рассчитывать на милосердие и поэтому, как уже было сказано, попытался повлиять на суд в пользу Венчковского и Ахта. Но он убедился, что ничего не сможет сделать, и ему пришлось договориться с русскими. Он маневрировал. Русские согласились пожертвовать этими двумя офицерами. На каких условиях?

На суде, когда дело подходило к концу, Редль сослался на один обвиняющий документ, который, сказал он, достался ему дорогой ценой. Один русский майор (из русского генерального штаба в Варшаве) ему его прислал.

— Этот майор, — прибавил Редль, — сделал много хорошего для Австрии, но так как кража была обнаружена у майора, то он предстал перед военным судом, был уличен и повешен.

В действительности произошло следующее. Чтобы побудить русских согласиться на осуждение Венчковского и Ахта, он выдал одного разведчика варшавским военным

властям и представил доказательство его виновности. Майор был тем человеком, которого Редль выдал (одним из его же работников), который усердно делал много хорошего против русских для Австрии и которого Редль послал на смерть в силу этого подлого соглашения.

Таковы некоторые из интриг разведческой работы. [138]

Глава XXIII.

Разведчики, которых я встречал

В начале весны 1915 года, во время своей военной службы, я был прикреплен к контрразведке при генеральном штабе.

В этот период я вступил в борьбу с одним известным разведчиком по имени Пьер Ротгойт, бельгийцем, одним из немногих, если не единственным, который никогда не был арестован во Франции гражданской полицией по обвинению в шпионаже.

Всеми разведчиками, если они попадались во Франции, занималась военная контрразведка. Но случай с Ротгойтом был необычайным, так как это был один из немногих гражданских разведчиков, которые, находясь под наблюдением, не были захвачены позади наших английских линий.

Он, вероятно, много путешествовал по Франции, хотя точно его маршруты не были установлены. Но когда он поехал в Англию, там он скоро попался.

Помню, что однажды я получил инструкцию выследить его в Хазебруке. В то время я выполнял обязанности курьера связи. Эта маскировка мне нравилась, так как повязка на моей руке позволяла мне ехать куда угодно, лишь бы мой мотоцикл был в порядке.

Моя первая поездка по следам; этого с виду невинного виноторговца привела меня в маленькую деревню Нер Беркэн — в то время чрезвычайно важный пункт, так как там находился большой склад тракторов и тяжелых орудий; другими словами, это был артиллерийский парк нашего самого последнего вооружения. Ротгойт всегда ездил на двуколке, запряженной маленькой лошадкой, и я выслеживал на мотоцикле все его передвижения.

Другой раз я его застал в Армантьере. Согласно моим наблюдениям, выручка была слишком мала по сравнению с интересом, который он проявил относительно наших военных расположений по своему пути. Однажды я заметил, что он остановил свою лошадку, как будто для отдыха, около одного из наших больших аэродромов. Он, вероятно, запомнил много вещей, и если только было бы можно секретно передать их, то они составили бы первоклассную информацию для германских хозяев в Голландии.

После моего доклада наша контрразведка стояла за его немедленный арест. Но когда хотели задержать шпиона в присутствии двух бельгийских чиновников, приказ об аресте [139] был отменен безо всякого дальнейшего объяснения. В тот момент это меня задело, и

мне казалось, что наши власти делают большую глупость, выпуская из своих рук опасного преступника. Но в свете последующих событий я понял, что поведение властей было более чем правильным.

Прежде всего, было трудно доказать военному трибуналу, что Ротгойт — разведчик.

В то время надзор не был таким строгим, каким он стал впоследствии. Бумаги его были в порядке. Нельзя было также отрицать, что он брал заказы на вино везде, где только проходил. Дальше — шпион был достаточно ловок, чтобы не делать никаких записей. Самое большое наказание, которое можно было ему дать, если бы он был арестован, — это высылка из военной зоны. Но это сразу дало бы ему понять, что он находится под подозрением. Таким образом, еще раз применили тактику: «дать ему достаточно веревки, чтобы он повесился сам». Эта тактика дала ожидаемые результаты.

Я больше никогда не видел Ротгойта, но позже узнал все о нем. Он пробрался какими-то путями в Англию, где продолжал свою шпионскую работу, состоя «а службе в бельгийском вице-консульстве в Фолкстоне. Тут его арестовали. Ни на одну минуту наша контрразведка не выпускала его из виду. Ему дали возможность оставаться в счастливом неведении относительно того, что каждое его движение на учете и что вся его переписка перехватывается и исправляется сообразно с нашими целями.

Когда его арестовали, он, как все наемники его типа, упорно твердил о своей невинности. Но преступление было слишком очевидно. Его предали бельгийскому трибуналу в Гавре, где находилось тогда бельгийское правительство, по обвинению в измене отечеству. Обвинение было доказано, и он был осужден на смерть, но смертная казнь была заменена вечной каторгой.

* * *

Я говорил о довоенных разведчиках. Я также говорил о разведчиках, действовавших против моей страны во время войны, но послевоенные разведчики меня не интересуют. Эта отрасль шпионажа не входит в сферу моей книги.

В нашей стране нам до сих пор очень мало говорили о действительных разведчиках войны. Это, несомненно, объясняется тем, что те, которые могли бы писать, не желают по той или иной причине изложить свой личный опыт. Можно об этом [140] пожалеть, так как от этого человечество лишается познания большой и интересной области жизни.

Время от времени в печати появлялись рассказы о разведчиках, исходившие от так называемых авторитетных лиц, но источник информации не указывался. По-моему, это нечестная попытка вводить людей в заблуждение.

После этих замечаний я перехожу к перечню разведчиков, которые были арестованы у нас за время войны. Из этой группы только один заслуживает восхищения. Это Карл Ганс Лоди, о котором я говорил в другой главе.

А остальные? Вот полный список их с финалом их служебной карьеры:

Антоний Кюпферле, немец, покончил самоубийством.

Карл Фридрих Мюллер, русский, расстрелян.

Петер Ган, немец, семь лет каторжных работ.

Роберт Розенталь, немец, расстрелян.

И. Т. Линкольн, венгерец, выслан.

Конрад Лейтер из Южной Америки, интернирован.

Фредерик Паркер Дунбар, немец, интернирован.

Лиза Блуме, немка, интернирована.

Барон Отто фон Гумменберг, немец, интернирован.

Янсен, голландец, расстрелян.

Рус, голландец, расстрелян.

Бреков, немец, расстрелян.

Мисс Лиза Вертгейм, немка, вечная каторга.

Фернандо Бухман, немец, расстрелян.

Августо Альфредо Роген, родом из Южной Америки, расстрелян.

Эрнест Вальдемар Мелин, швед, расстрелян.

Людовико-Гурвнц-и-Зендер, родом из Южной Америки, расстрелян.

Ирвинг Ги Раес, американец, расстрелян.

Куртене Деризбак, австриец, натурализованный англичанин, вечная каторга.

Альберг Мейер, еврей, расстрелян.

Капитан Ганс Бем, немец, интернирован.

Мадам Попович, сербка, интернирована.

Кеннет Траест, американец, вечная каторга (после двухлетней каторги сослан).

Иосиф Маркс, родом из Эльзаса, немецкого происхождения, пять лет каторги.

Ева де Бурнонвиль, шведка, вечная каторга.

Гертруда Эвелин, немка, интернирована.

Барон Луи фон Горст, немец, интернирован. [141]

Лилиан Скотт Трои, американец, сослан.

Адольфо Гереро, испанец, десять лет каторги.

Реймонд Амошариан, испанка, сослана.

Иоган Христиан Целе Лассен, датчанин, сослан.

Аксель Гребст, немец, интернирован.

Пьер Ротгойт, бельгиец, вечная каторга.

Альбертина Станавей, бельгийка, интернирована.

Джордж Во Бекон, американец, сослан.

Рутледж Рутерфорд, американец, избежал ареста.

Альфред Хагн, вечная каторга.

Это большое число разведчиков Германия завербовала для работы против одной только Англии. Этот список не включает тех разведчиков, которые работали для нее во Франции, в Америке и в других странах. Германия почти во всех случаях либо была бита, либо ее планы были расстроены. Исключая ее военных разведчиков, захваченных позади наших линий на фронте, имеется только двое разведчиков, действительно достойных удивления. Все остальные были люди корыстные, работавшие в большинстве случаев за стандартное вознаграждение в 30 фунтов в месяц. Таков тип разведчика довоенной Германии, с помощью которого рассчитывали добыть наши морские и военные секреты, хранившиеся в глубокой тайне.

Германия недооценивала нашу контрразведку. Ее разведка была той чекой, которой она пользовалась для того, чтобы поддержать силу своей мощной военной машины. Эта же чека приблизила час испытания и разрушила машину.

Что касается нас, то мы воспользовались их непростительными ошибками. Мы побили врага его же собственным оружием.

Сейдаметов Д., Шляпников Н.
Германо-австрийская разведка в царской России

Издание: Сейдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России. — М.: Воениздат НКО СССР, 1939.

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

Аннотация издательства: Известно, что германо-австрийская разведка задолго до мировой империалистической войны насаждала в царской России шпионские организации. К началу войны эти организации, работавшие под вывеской промышленных, торговых и других фирм, представляли собою широко разветвленную шпионскую сеть, которая доставляла германскому и австрийскому генштабам секретные сведения о готовности царской России к войне, состоянии и вооружении армии и т. д. В данной книге рассказывается в сжатой форме о деятельности этих шпионских организаций, о методах их работы, о применявшихся ими способах вербовки в свою сеть виднейших царских чиновников и офицерства и о перестройке работы германо-австрийской разведки после начала войны. Книга рассчитана на командный и начальствующий состав РККА.

Содержание

Предисловие	[3]
Введение	[13]
Сухомлинов, Мясоедов и компания	[14]
Шпионаж под вывеской торговых фирм и промышленных предприятий	[26]
Шпионаж через посредство нейтральных стран	[33]
Германо-австрийские шпионы на фронтах России	[37]
Сухомлинов в роли покровителя шпионов	[45]
Разоблачение шпионской шайки	[51]
Как шпионы добивались поражения России	[56]
Заключение	[62]

Предисловие

Прусские юнкера и помещики издавна с вожделием смотрели на обширные и богатые территории России. Однако в течение долгого времени эти хищнические устремления не только далеки были от конкретного воплощения, но и не имели законченного выражения во внешней политике Германского государства. Происходило это по причине общей политической, военной и экономической немощи Германии.

Существование многочисленных германских, с позволения сказать, государств нередко стояло под сомнением, и в частности сама Пруссия не раз находилась на грани полной гибели.

Особенно показательна в этом отношении Семилетняя война, которую спровоцировал Фридрих II — этот кумир нынешней фашистской Германии, «великий» полководец, прославившийся своими поражениями. По свидетельству крупнейшего военного историка Франца Меринга, в период Семилетней войны «русская армия... приобрела полностью всю провинцию Восточной Пруссии... Померанию и Бранденбург. Почти всегда она разбивала наголову прусские войска... — словом, Россия поставила прусское правительство «а край гибели... Пруссия должна была стать не конкурентом России, а ее вассалом...»

«Результатом Семилетней войны, — пишет дальше Франц Меринг, — было для прусского государства и непосредственно для всей Германии не что иное, как зависимость от России...»

Наряду с этим не могли изгладиться из памяти пруссаков и кончавшиеся, как правило, позорным разгромом посягательства немецких «псов-рыцарей» на земли славян. Постоянная опасность быть стертыми с лица земли умеряла пыл и аппетиты рыцарей-хищников.

По мере того как в XIX в. завершался процесс экономического и политического объединения Германии, рождались и внешнеполитические концепции, трактовавшие о необходимости [4] территориальных захватов. Одной из первых ласточек в этом направлении была теория Фридриха Листа, который выдвинул идею борьбы на два фронта — против Англии и России. Относительно последней Лист намечал продвижение зарождавшегося германского империализма по пути: юг России — Кавказ с выходом к Черному морю и с одновременным пресечением экспансии русского царизма на Ближнем Востоке и Балканах.

В 80-х годах прошлого столетия креатура Бисмарка Э. Гартман выступает с более конкретным проектом германской политики на Востоке. Доказывая, что все культурные и политические задачи России лежат не в Европе, а в Азии, Гартман предлагает произвести раздел России.

По плану Гартмана, из российских территорий, расположенных к западу от Москвы и прилегающих к Балтийскому морю, должно было быть образовано «Балтийское королевство». Юго-запад России с Украиной и Крымом мыслился как «Киевское королевство». Гартман даже наметил будущую границу, которая у него проходила по линии Витебск — Днепр — Курск — Саратов — Волга — Астрахань. На северо-западе она намечалась под самым Петербургом.

Еще ранее, в период Крымской войны, в дипломатических кругах Пруссии возникла политическая группа, проповедовавшая «восточный вариант» внешней политики, как единственно приемлемый для Германии.

В эпоху расцвета германского империализма с аналогичными теориями выступает целая плеяда немецких «ученых».

Один из них, Рошер, утверждал, что все славянские земли, в том числе и Россия, «раньше или позже должны сделаться достоянием великого германского народа». Другой германский профессор, Карл Иенч, рекомендовал, «послать в Россию 10 млн. немецких колонистов», а в случае, если Россия, набравшись «дерзости», решила бы не пускать их, то силой принудить ее к этому. Наконец, за несколько лет перед первой мировой империалистической войной в Германии вышла анонимная брошюра, в которой обсуждался вопрос предстоящего в ближайшем будущем передела мира между великими державами. На карте, приложенной к брошюре, Россия значилась отброшенной за Волгу. Брошюра рисовала картину переселения русских после захвата европейской части России в Пруссию в качестве батраков прусских помещиков. В свою очередь, в Россию должны были массами устремиться немецкие колонисты. [5]

Таковы многочисленные «теории» и теориейки Гартманов, Рошеров и прочих «ученых» и политиков довоенной Германии, определявших необходимость политики «движения на Восток» («дранг нах Остен»). Выдвигавшаяся ими внешнеполитическая концепция не только встретила официальное признание и одобрение в правительственных сферах тогдашней Германии, но и полностью отразила надежды и чаяния немецкой буржуазии. С тех пор (со времен Бисмарка) «движение на Восток» стало составной частью внешней политики Германии.

Германская экспансия на Восток мыслилась в двух направлениях: первый путь шел к юго-востоку через Балканы и Турцию к берегам Евфрата, к Персии и Кавказу; второй шел непосредственно на восток и частично на северо-восток через Прибалтику, Польшу, Белоруссию, Украину и Кавказ. Первый вариант был направлен как против России, так и против Великобритании, кровно заинтересованной в моссульской нефти.

Первыми практическими шагами германского империализма на поприще «дранг нах Остен» явилась борьба с экспансией царской России на Балканах и Ближнем Востоке.

Необходимо отметить, что предпринимавшиеся на протяжении второй половины XIX и в начале XX в., вплоть до 1905 г., неоднократные попытки Германии и в частности Вильгельма II сблизиться с Россией имели определённую подоплеку. Заключалась она в том, что Германия своим стремлением к союзу с Россией шантажировала другие европейские страны и срывала невыгодные ей группировки государств. Например, такие попытки, как известное Бьеркское соглашение, имели характер дипломатического маневра, направленного к срыву франко-русского союза и намечавшегося уже оформления Антанты.

Нужно добавить, что в лице «лоскутной монархии» (т. е. Австро-Венгрии) Германия нашла неизменного и послушного участника всех своих внешнеполитических авантюр.

Политика «движения на Восток» явилась тем базисом, на котором строилась в последующем вся подрывная деятельность вильгельмовской Германии против России. Задачам реализации этого лозунга была целиком подчинена и работа германо-австрийской разведки против царской России. Не чувствуя себя достаточно сильной для того, чтобы

справиться даже с насквозь прогнившим режимом царской России в открытой войне, Германия решила прибегнуть к уже испытанному во время франко-прусской войны методу предварительного [6] разложения и деморализации тыла намечаемого противника.

Необходимо отметить, что общая обстановка в тогдашней России необычайно благоприятствовала замыслам германского империализма. Его агентуре приходилось иметь дело или с известными своей продажностью и беспринципностью царскими генералами и чиновниками или же со своими соплеменниками, проникшими во все поры военной, политической и экономической жизни страны. Велико было немецкое влияние и при царском дворе.

Немецкий шпионаж в конце XIX в. вступает на дорогу широкой, всеобъемлющей подрывной деятельности в царской России. Перед германским генеральным штабом была поставлена задача: вклиниться в экономику России, затормозив развитие всех областей народного хозяйства, связанных с обороной; разместить вокруг русских крепостей на западе, а также и по основным стратегическим коммуникациям резервы германской армии под видом «колонистов» и наводнить страну армией шпионов.

Впоследствии этот план осуществлялся немецкой разведкой в непосредственном контакте с австрийской. Тесные взаимоотношения и согласованность в работе между германской и австрийской разведками установились примерно в конце 80-х годов прошлого столетия. С этого момента работа австрийской разведки в царской России принимает активный и организованный характер, чего не было раньше.

Германский капитал, и без того крепко запусивший свои щупальца в экономику России, получил новый стимул к своему дальнейшему проникновению. В 1880 г. германский рейхстаг утвердил правительственный законопроект о так называемых «колониционных кредитах». Кредиты эти в целях маскировки передавались в распоряжение группы частных банков и обществ, главным образом «Дейче колониальгезельшафт», «Дейче экспортбанк», «Дейчер колониальферейн». Через их посредство и под руководством промышленно-статистического бюро германского генерального штаба происходило дальнейшее распределение денежных средств между немецкими фирмами, работавшими в России. Такая политика не замедлила дать свои плоды. Как грибы после дождя, возникали в самых различных местах России новые германские фирмы, общества, конторы и т. п. Одновременно разрастались и ранее существовавшие. В течение короткого времени немецкий капитал занял господствующее положение в ряде решающих отраслей русской промышленности. [7]

Перед войной ему принадлежали целиком все химические заводы, около 90% предприятий электротехнической промышленности, свыше половины металлургических и металлообрабатывающих заводов, около половины текстильных предприятий и т. д. Так же велико было проникновение немцев в банковскую систему, железнодорожный и морской транспорт, куда ими были вложены значительные капиталы.

Все это дало возможность германскому генеральному, штабу затормозить развитие в России военной промышленности и связанных с нею других отраслей народного хозяйства. Попутно было заторможено развитие существующих и изыскание новых источников сырьевых ресурсов, в особенности имеющих стратегическое значение. В области экономической к началу первой империалистической войны германская разведка сумела реализовать значительную часть своего плана по подрыву мощи России, чему немало способствовали общая экономическая отсталость и бескультурье царской России.

Кроме выполнения этих основных своих функций, германские фирмы широко практиковали занятие экономическим шпионажем. Под их вывесками часто укрывались целые шпионские резидентуры и организации. Авторы настоящего труда довольно подробно осветили эту сторону подрывной деятельности германо-австрийской разведки в России.

Следующим по своему значению методом подрывной работы, применявшимся германо-австрийской разведкой в царской России, являлась колонизационная политика. Начало поселения немецких «колонистов» в России нужно отнести к 1762–1770 гг. Царское правительство в первый период колонизации предусмотрительно отводило земли для поселения подальше от границы.

В середине XIX в. прусское правительство неожиданно «заинтересовалось» положением немецких поселенцев в России. В Петербург был командирован некий барон Гакстаузен со специальной миссией произвести обследование всех немецких «колоний». Нужно полагать, что не одним интересом к быту своих соплеменников вызвана была эта командировка.

Начиная со второй половины XIX в., немецкая эмиграция в Россию резко возрастает, причем на этот раз немецкие поселенцы расселяются почти исключительно в западных пограничных губерниях. В бывшей русской Польше общее количество немцев составляло в 1867 г. 290 тыс. человек, [8] в 1897 г. их число возрастает до 407274 человек, а в 1913 г. — до 500 тыс. В одной Волынской губернии вокруг крепости Дубно было поселено 307 тыс. немцев, а в районе крепости Ковно — 15 тыс. немцев. Немецкие поселения окружали со всех сторон и крепость Ивангород. Они располагались вдоль шоссе Киев — Брест-Литовск и по путям, ведущим в направлении Петербурга и Москвы.

Характерно, что земли, конфискованные у польских помещиков за участие в восстании 1863 г., раздавались бывшим в то время наместником Польши графом Бергом (немец по происхождению) не русским и польским крестьянам, а немецким поселенцам.

Немецкая эмиграция в Россию широко поощрялась прусским, а затем германским правительством. Переселенцы получали материальную поддержку в виде долгосрочных кредитов. В России они всецело находились в орбите германского влияния, осуществлявшегося через многочисленные общества и союзы («ферейны»). Эти последние, будучи тесно связаны с германским правительством, получали от него денежные средства и пропагандистскую литературу. Для посещения Германии оказывались всевозможные льготы. Немецкие учителя получали пособия из средств немецкого школьного союза и снабжались агитационным материалом. Делалось все для того, чтобы превратить немецкого поселенца в России в послушное орудие для подрывной работы.

В этом отношении мощным средством в руках германской разведки была лютеранская церковь. Служители церкви — пасторы сплошь были немецкими разведчиками и пропагандистами идей пангерманизма. Немалую роль играл и германский баптистский союз. Один из его представителей, Карл Ондра, объезжавший в 70-х годах прошлого столетия баптистские общины в России, как было установлено царской полицией, являлся крупным немецким шпионом.

Когда в 1887 г. в России был издан закон, воспрещавший иностранным подданным приобретать в собственность в пограничной полосе земли и недвижимое имущество, выход был быстро найден в применении немцами «двойного подданства». Перед войной в

России проживало около 100 тыс. немцев с «двойным подданством». Таким путем было устранено внезапно возникшее препятствие.

По переписи 1897 г. число жителей царской России, признавших за свой родной язык немецкий, составляло 1 813 тыс. человек. Из этого количества 1 488 тыс. немцев проживало [9] в пограничных с Германией и Австрией губерниях, из них 1 300 тыс. являлись непосредственно выходцами из Германии. И это количество неуклонно росло вплоть до самой войны, достигнув тогда свыше 2 млн. человек. Характерно, что, например, за тридцать лет (до 1914 г.) владения Германией колониями в Африке и других местах туда было переселено только 20 тыс. немцев-колонистов.

Переселение из Германии происходило организованным порядком. Отбор переселенцев в Германии производился в соответствии с их «политической благонадежностью» и преданностью идеям германизма. После переселения в Россию старательно насаждалась в среде поселенцев кулацкая прослойка. Все это вело к тому, что в целом ряде случаев германской разведке удавалось превращать немецкие поселения «а западе и юго-западе России в настоящие гнезда шпионажа.

Немецкая «колонизация» в России осуществлялась по плану, разработанному германским генеральным штабом; на это явно указывал тот факт, что немецкие поселения располагались по основным стратегическим направлениям и вокруг крепостей.

Осуществляя «колониционный метод» подрывной работы, германская разведка в своих задачах далеко выходила за рамки организации шпионажа и диверсий. Целью ее являлось создание в России, в тылу русской армии, опорных стратегических пунктов. Отдавали себе в этом отчет и царские генералы. Еще в 1881 г. начальник штаба Киевского военного округа генерал Косич писал: «Наплыв немецких поселений в Юго-западном крае дал основание предполагать, что все это идет систематически и поддерживается германским правительством, что у нас организуется и обучается целое германское воинство».

Еще резче расценила этот маневр германского генерального штаба иностранная печать. В связи с предпринятым выселением из пограничных районов России немецких поселенцев английская газета «Таймс» в 1887 г. писала: «Не надо забывать, что большинство выселенных колонистов состоит в резерве германской армии, и что в случае войны они могли бы неожиданно образовать враждебные банды, уже знакомые с топографией края, с его средствами и спокойно занимающие самые важные стратегические пункты».

Отсюда понятно также, почему в 1905–1906 гг., когда некоторые немецкие поселенцы в России возымели желание вернуться в Германию, правительство Германии всполошилось [10] и восстало против этого «антипатриотического» поступка. На то обстоятельство, что германское правительство рассчитывало в «подходящий» момент найти в немецких поселенцах, проживавших в России, опору своих агрессивных устремлений, указывала и сама немецкая печать.

В вышедшей в Германии перед войной брошюре под заглавием «Где находится большая часть Германии?» говорилось, что она находится «...в России от Балтийского до Черного моря», и указывалось, что в России «...мы найдем земляков, на которых можем опереться, и таким образом, не подвергая себя голоду, заставим русских с голоду подписать угодные нам условия мира, так как японцы с востока отрежут им пути доставки провианта».

Писали об этом неоднократно и немецкие газеты.

Дети немецких поселенцев — германских подданных, проживавших на западе и юго-западе России, по достижении ими 21 года получали предписание от германских консулов о явке для призыва в Германию, где они были приписаны к призывным участкам.

Среди немецких поселенцев усиленно культивировался стрелковый спорт. Стрелковый «ферейн» представлял собой целый союз обществ, состоявших из отрядов хорошо обученных и прекрасно обмундированных и вооруженных стрелков. В отрядах систематически проводилось военное обучение.

Наряду с этим германская разведка широко использовала немецких поселенцев для ведения шпионажа. Каждый германский подданный из числа поселившихся в России, имевший офицерское или унтер-офицерское звание, имел еще другое, нелегальное, наименование — «кёниглихер информатор». Наблюдению каждого из них поручался самостоятельный участок, который он обязан был знать лучше всяких карт и справочников. Время от времени его вызывали в Германию для прохождения повторных военных занятий, где он одновременно отчитывался и в своей разведывательной деятельности. При каждой русской воинской части также состоял подобный «информатор».

Таким путем на протяжении многих десятилетий плелась австро-германской разведкой тонкая, зачастую неосызаемая паутина шпионажа, сложной системы вредительства, пропаганды и тому подобных методов подрывной работы. Вся совокупность противоречий социального порядка в царской России, весь насквозь прогнивший режим Николая Кровавого, с его типичными для капитализма чертами продажности и взяточничества, в сочетании с подрывной деятельностью [11] германо-австрийской разведки и определили общую экономическую и военную отсталость России. В таких условиях царская Россия, естественно, не была подготовлена к войне вообще и к продолжительной в частности.

Особый, резко выраженный характер прямой подготовки к войне приняла подрывная деятельность австро-германской разведки в последнее десятилетие перед возникновением империалистической войны 1914–1918 гг. Авторы данной книги гг. Сейдаметов и Шляпников довольно обстоятельно освещают этот период деятельности австро-германской разведки против царской России.

Однако, несмотря на то, что вся внутренняя обстановка царской России целиком отвечала требованиям германской разведки, ее многолетняя работа не сказалась на самом ходе войны в той мере, в какой это можно было ожидать.

Огульное использование, без тщательной проверки, всей массы поставляемых осведомительных материалов привело в ряде случаев к грубым ошибкам. Слабым местом в работе австро-германской разведки в России был еще так называемый групповой метод (применявшийся ею и в других странах), который в результате привел к тому, что большинство ее агентурной сети находилось на учете русской контрразведки. Если бы не упомянутые выше продажность и беспринципность царских генералов и чиновников, парализовавшие нормальную работу русской контрразведки, то с началом войны картина была бы аналогична английской (т. е. вся сеть была бы обезврежена).

Однако это обстоятельство не помешало русской армии во время первой империалистической войны неоднократно бить немцев, не говоря уже об австрийцах.

Германский фашизм, придя в январе 1933 г. к власти, не принес чего-либо нового в области внешней политики Германии и ее исконного орудия — подрывной работы. Хотя Гитлер в своей книге «Моя борьба» и распустил внешнеполитические концепции Вильгельма II, но впоследствии в своей практической деятельности воспринял целиком ту же политику «дранг нах Остен», ту же политику непрерывного шантажа и блефа.

Фашистская разведка также многое, позаимствовала из арсенала Штибера и его преемников. Система подрывной работы, ныне практикуемая гитлеровцами, во многом схожа с организацией немецкой разведки довоенного периода.

Однако, если в шпионской деятельности Штибера в некоторых случаях имели место подлинные примеры ловкости [12] и изобретательности человеческого ума, то современные Николаи этим похвастать не могут. Применяемые ими методы работы не блещут особой утонченностью или хитроумием, они стали только во много раз гнуснее, подлее и наглее.

Если в хищнической агрессии «Третьей империи» и способах ее осуществления оказалось много тождественности с империалистическими устремлениями гогенцоллерновской Германии, то зато резко изменилась обстановка в худшую для фашистов сторону.

Вильгельмовская Германия имела объектом своих устремлений на Востоке культурно и экономически отсталую, разьедаемую режимом самодержавия и слабую в военном отношении царскую Россию. Гитлеровская же Германия имеет перед собой одну из крупнейших индустриальных стран мира, обладающую неисчерпаемыми экономическими и людскими ресурсами и располагающую сильнейшей в мире армией, — великий Советский Союз.

Произошли за это время изменения и в самой Германии. Изрядно потрепанная за годы первой империалистической войны, Германия в результате ее вконец подорвала свою экономику. В послевоенный период, вплоть до 1929 г., народное хозяйство Германии не смогло достигнуть уровня 1913 г. Наступивший затем небывалый в истории мировой экономической кризис наиболее сильно ударил по Германии и не только приостановил дальнейший рост промышленности, но вновь привел германскую экономику на грань катастрофы. В итоге же последовавшего затем гитлеровского владычества Германия превратилась в страну — концентрационный лагерь, раздираемую внешними и внутренними противоречиями, зажатую в тиски голода и пресловутой «автаркии».

Вот этих в корне изменившихся условий, по-видимому, и не учитывают хозяева «новой Германии», как они не учитывают и того обстоятельства, что политика «движения на Восток» может получить свое окончательное завершение не где-нибудь на Востоке, а на Западе, на берегах Шпрее, водой из которой донские казаки еще в 1760 г. поили своих коней.

В. Минаев [13]

Введение

К 1905 г. в царской России орудовало свыше полутора десятков основных шпионских организаций германо-австрийской разведки. Одна группа из них — австрийская — действовала, главным образом, на юго-западе России, в пределах Киевского и Одесского военных округов. Щупальца другой группы, «работавшей» в пользу Германии, были раскинуты по всей необъятной российской территории. Основная сеть германской разведки расположилась в радиусе намечавшегося театра военных действий — нынешних Польше, Литве и в Петербургском военном округе.

Центр, руководивший деятельностью обеих шпионских групп, находился в Петербурге, в стенах германского и австрийского посольств.

Германо-австрийская разведка проникла в самые верхи военного управления России. Секретнейшие военные документы систематически попадали в руки германской и австрийской разведок. Весь план подготовки России к войне 1914–1918 гг. был известен обоим разведкам, и они немало сделали для того, чтобы сорвать боеспособность русской армии.

В значительной мере была парализована военная разведка России в Германии и Австрии. Списки русских агентов, направлявшихся в эти страны, и даваемые им задания во многих случаях оказывались известными германской и австрийской контрразведкам, и этих агентов легко ловили и быстро ликвидировали.

Одним из крупнейших пособников германо-австрийской разведки в России оказался тогдашний военный министр, друг царя — генерал Сухомлинов. При его помощи военное министерство России было наводнено шпионами, и оно из органа, руководящего и укрепляющего военную силу России, превратилось в своеобразную шпионскую резидентуру, в орган, парализовавший боевую мощь русской армии. [14]

На положении соучастника Сухомлинова был начальник контрразведывательного отделения Главного управления генерального штаба России Ерандаков, который абсолютно не вел никакой борьбы с подрывной деятельностью германо-австрийской разведки.

Не менее крупную роль, чем Сухомлинов, в системе германо-австрийского шпионажа играл жандармский подполковник Мясоедов, который являлся прямым агентом германской разведки. В министерстве внутренних дел на ответственных постах также оказались крупные германо-австрийские шпионы. И не удивительно, что при попустительстве царской охранки и самого Николая II эти шпионы «работали» дерзко и нагло, хотя их деятельность не была тайной для многих. Вред, причиненный русской армии подрывной деятельностью германо-австрийской разведки, по своим размерам огромен, он сказывался на всем протяжении первой мировой империалистической войны. Ни одна удачная операция германского командования на восточном (русском) фронте, и в том числе окружение самсоновской армии, не имела по своим последствиям и десятой доли того колоссального урона, который нанесла боевой мощи царской России германо-австрийская разведка.

Нити многочисленных германо-австрийских шпионских организаций, орудовавших в России, сходились у советника германского посольства фон Люциуса, советника австрийского посольства графа Черника и у военных атташе обеих упомянутых стран. На периферии руководство осуществляли германские и австрийские консулы. Направляли и

координировали подрывную деятельность обеих разведок, независимо от районов обслуживания, немцы.

Сухомлинов, Мясоедов и компания

Киев являлся основным центром на юго-западе России, который привлекал особое внимание австрийской разведки. В этом городе и нашла свое пристанище ее штаб-квартира.

Наиболее колоритной фигурой австрийского шпионажа в России в довоенный период был некий Александр Альтшиллер. Еще в 1872 г., семнадцатилетним юношей, Альтшиллер переселился из Австрии в Киев. Этот предприимчивый человек открыл в Киеве комиссионную и транспортную контору и склад земледельческих орудий. Жизнь ему все больше улыбалась; он стал директором-распорядителем машиностроительного завода и собственником домов [15] в Киеве. Однако основным занятием Альтшиллера не были торговля и коммерция. Все коммерческие дела являлись лишь прикрытием его шпионской деятельности, его конторы были явочными квартирами для шпионов.

В это время командующим войсками Киевского военного округа и генерал-губернатором Киевской, Подольской и Волынской губерний был генерал Сухомлинов. Альтшиллер получил задание попытаться тем или иным способом втянуть ген. Сухомлинова в шпионские сети. Вовлечение его в шпионскую организацию открывало бы блестящие перспективы для австрийской разведки. Выбор Сухомлинова как объекта, могущего стать ценным агентурным источником, был, конечно, не случаен. Последующие события показали это со всей очевидностью.

Рискованное и трудное с первого взгляда задание австрийской разведки оказалось на деле не таким трудным и рискованным. Альтшиллер затеял это предприятие в 1908 г. «Талант» и нюх крупного разведчика подсказывали ему, с чего начать. Зная, что Бутович — жена одного местного помещика — находится в интимных отношениях с Сухомлиновым, Альтшиллер решил прежде всего завербовать ее. Бутович, женщина легкого поведения, готовая все отдать ради роскошных нарядов и разгульной жизни, быстро очутилась в сетях австрийской разведки. Затем «знакомство» с Бутович помогло Альтшиллеру втереться в доверие к ген. Сухомлинову.

Прошло немного времени. По предложению Бутович, Сухомлинов поручил Альтшиллеру ведение ее бракоразводного дела. С целью еще большего сближения с Сухомлиновым Альтшиллер принял это поручение и с большой ловкостью его обделал. Посредством ложных показаний и взяток он добился развода Бутович, с ее первым мужем.

Несомненно, участие Альтшиллера в этом бракоразводном деле поставило его в ряды интимных знакомых Сухомлинова. После женитьбы Сухомлинова на Бутович австрийский шпион был уже свой человек в семье видного царского сатрапа. Незаметно в ближайшем окружении Сухомлинова появляются и другие австрийские агенты, работавшие в Киевском военном округе. Одним из таких агентов был начальник Киевского охранного отделения Кулябко.

Через Кулябко Сухомлинов знакомится с провокатором и австрийским агентом Богровым. В дальнейшем Сухомлинов устанавливает «дружественные» отношения с другим [16] агентом австрийской разведки — богатым киевским колбасником и хозяином «Троицких бань» Поляком.

Эта теплая компания систематически собиралась «проводить время» в доме Богрова на Бибиковском бульваре. Сюда же инкогнито приезжали великая княгиня Мария Павловна и великий князь Борис Романовы. Для того чтобы избежать «неприятностей» при посещении этого притона, Сухомлинов загримировывался и переодевался то в черный салонный костюм, то в костюм извозчика.

По указанию Марии Павловны и Бориса Романовых и при активном участии Сухомлинова и Кулябко в доме Богрова шла подготовка убийства Столыпина. Вместо Столыпина на пост премьер-министра намечался Сухомлинов. Австро-германская разведка была кровно заинтересована в назначении его на этот пост. Уже в то время через окружавших Сухомлинова шпионов австрийская, разведка добывала самые секретные сведения, касающиеся Киевского военного округа.

Альтшиллер не пользовался в Киеве хорошей репутацией. Частые отлучки, его в Вену и Берлин, близкие отношения к австро-венгерскому консулу в Киеве создавали вокруг него неблагоприятную атмосферу. Его открыто подозревали в том, что он занимался шпионажем в пользу Австро-Венгрии. Ввиду этого особая близость Альтшиллера к Сухомлинову обращала на себя всеобщее внимание.

Несмотря на все это, Сухомлинову «везло». Он уверенно и неуклонно шел вверх по служебной лестнице. В конце 1908 г. его назначили начальником Главного управления генерального штаба. Не прошло и года после этого, как он стал военным министром России.

С переходом Сухомлинова в военное министерство Альтшиллер часто ездил к нему в Петербург. В целях лучшей связи с Сухомлиновым в начале 1910 г. Альтшиллер сам переселился в Петербург и на улице Гоголя открыл отделение конторы Южно-русского машиностроительного завода.

О все возраставшей близости Альтшиллера к Сухомлинову говорил следующий факт. В 1911 г. был поднят вопрос о постройке железной дороги от станции Жлобин до румынской границы. С этой целью была организована специальная комиссия. По указанию Сухомлинова направление дороги было неожиданно изменено. Для выяснения этого обстоятельства член комиссии, гласный Волынского губернского земства, Добрынин поехал в Петербург для переговоров с Сухомлиновым. Но здесь он был встречен враждебно. Тогда, зная о хороших отношениях, существовавших [17] между Сухомлиновым и Альтшиллером, «проситель из провинции» догадался, через кого можно узнать истинное мнение военного министра по своему делу. Из беседы с Альтшиллером Добрынин убедился, что тот был осведомлен о приеме его Сухомлиновым во всех подробностях.

Ничего удивительного в этом не было. При Альтшиллере в доме Сухомлинова велись беседы на самые секретные темы, причем Альтшиллер разговоры о военных делах предпочитал всяким другим.

Адмирал Григорович на одном из заседаний совета министров признал необходимым предупредить Сухомлинова об опасностях дружбы с Альтшиллером, заподозренным в

шпионаже. Но военный министр, заехав к нему на следующий день, убеждал его, что такие подозрения лишены основания.

Со времени переезда Сухомлинова, а затем и Альтшиллера в Петербург последний бывал в доме военного министра ежедневно. В знак «дружбы» Альтшиллер подарил жене военного министра коллекцию мехов стоимостью в несколько десятков тысяч рублей. Сухомлинов, дряхлый старик, женившись на молодой авантюристке Бутович, все больше и больше влезал в окружавший его шпионский омут. Разгульная жизнь жены требовала от него громадных средств. Через Альтшиллера Сухомлинов начинает заниматься игрой на бирже. С помощью секретных фондов германо-австрийской разведки биржевая игра оказалась для Сухомлинова новым источником доходов. Таким путем германо-австрийская разведка «благодарила» своего нештатного пособника.

Немало способствовали упрочению влияния Сухомлинова при царском дворе его германофильские настроения. Они помогли Сухомлинову установить тесные связи с помещичье-генеральскими кругами русских немцев, имевших в окружении Николая Романова большой вес.

Почти одновременно с Сухомлиновым на петербургском горизонте появился подполковник Мясоедов. Приехав в Петербург, Мясоедов уже имел за своими плечами порядочный стаж работы на шпионском поприще. Пьяница и садист, взяточник и контрабандист, став в 1902 г. сперва помощником начальника, а затем и начальником вержболовского отделения петербургского железнодорожного жандармского управления. Мясоедов пробыл на этой должности до 1907 г. Находясь в Вержболове, Мясоедов имел все возможности для широкой шпионской деятельности [18] на вверенном ему посту. Этому особенно способствовали его частые поездки за границу «на лечение».

В штабе отдельного корпуса жандармов было известно о том, что Мясоедов поддерживает наилучшие отношения с германскими властями и лично известен императору Вильгельму II. Затем появились сведения, что Мясоедова, приглашенного в сентябре 1905 г. в имение Ромингтен, расположенное в 15 км от границы, милостиво принял германский император. На обеде, беседуя по душам с Мясоедовым, преданным слугой германского престола, в порыве благодарности Вильгельм II даже поднял бокал за его здоровье. Мясоедов не скрывал своего «расположения» к Германии. Он имел в своей квартире большой портрет Вильгельма II с его собственноручной подписью.

Еще во время Русско-японской войны в стране начали усиленно говорить о подозрительной деятельности Мясоедова, о его «расположении» к Германии и связях с австрийскими кругами в России. Царское правительство не спешило с расследованием и не желало распутывать все эти темные дела.

Наконец, под давлением общественного мнения, царское правительство в 1906 г. решило начать расследование, но для того только, чтобы замять мясоедовское дело. Чиновник особых поручений министерства внутренних дел Губонин нашел нужным лишь отметить, что «...Мясоедов во время службы в Вержболове проводил большую часть времени за границей, относясь к своим служебным обязанностям пренебрежительно». Основной же вопрос: шпион ли Мясоедов или нет, не получил ответа.

Через год, когда дело приняло скандальный характер, Мясоедова уволили со службы в запас.

Довольный исходом дела, Мясоедов совместно с Борисом и Самуилом Фрейдбергами, владельцами торговой конторы Карсберг и К°, тоже тайными агентами Германии, учреждает акционерное общество «Северо-западное пароходство». В 1909 г. Мясоедов избирается председателем этого общества. «Северо-западное пароходство» развертывает большую работу по собиранию секретных военных сведений, занимается переправой разведчиков из Германии в Россию и обратно, а попутно и контрабандой.

Шпионская деятельность этого «почтенного» общества долго не могла быть скрытой. Когда сведения о ней прогремели на всю Россию, министерство внутренних дел вынуждено было расследовать его деятельность. Чиновник [19] особых поручений при министерстве внутренних дел Фрейнат представил следующие выводы: «Северо-западное пароходство» является чисто коммерческим учреждением и никакими противозаконными делами не занимается». Конечно, другого результата «расследования» и нельзя было ожидать, так как Фрейнат сам входил в шпионскую организацию, во главе которой стоял председатель обследуемого им акционерного общества. Мясоедов продолжал действовать.

Но его уже не совсем удовлетворяла работа в «Северо-западном пароходстве». Он стал снова стремиться попасть в органы министерства внутренних дел.

С этой целью 1 сентября 1909 г. Мясоедов написал письмо П. А. Столыпину, перечисляя свои заслуги перед царским режимом: «В трудное время смуты я немедленно в корне прекращал все попытки к забастовкам благодаря тому авторитету, которым я пользовался в Вержболове среди железнодорожных служащих и местных жителей. Одно мое появление среди забастовщиков немедленно отрезвляло их. Я задерживал массу революционеров, десятки тысяч экземпляров революционных изданий. Я всегда оказывал полное содействие охранным отделениям и их агентам. С соседями-немцами я умел поддерживать наилучшие отношения, устранял столкновения и пользовался их уважением. Германский император, до которого дошли слухи о моей служебной корректности и умении улаживать пограничные отношения, ежегодно, в течение 4 лет, удостоивал меня милостивым приглашением к своему высочайшему столу в имении Ромингтен, чего он, вероятно, не сделал бы, если бы у меня была сомнительная репутация». Столыпин, оставив письмо Мясоедова без ответа, оказал: «Не пускать его к границе ближе меридиана Самары».

Знакомство Сухомлинова с супругами Мясоедовыми состоялось в Петербурге, в доме жены сенатора Викторова, в 1909 г. Официальное знакомство вскоре превратилось в тесную дружескую связь между обоими семействами.

Супруги Сухомлиновы уже в августе 1910 г. жили вместе с Мясоедовыми в Карлсбаде. В найденном впоследствии, во время обыска, у экономки Сухомлиновых Марии Францевны Бонье письме, посланном ей Сухомлиновым из Карлсбада, писалось: «Мясоедовы с нами в том же доме, Сергей Николаевич усердно лечится». К тому же времени относится и письмо, обнаруженное у жены Мясоедова. Это письмо было написано Сухомлиновой на яхте «Нева». [20] В. нем она сообщает: «Супруга вашего видела и уговаривала его ехать с нами в Карлсбад».

Создавшаяся таким образом близость отставного подполковника Мясоедова к военному министру возбудила тревожные опасения среди ближайших знакомых и подчиненных Сухомлинова. Узнав о намерении военного министра встретить новый год у Мясоедовых, жена состоявшего при Сухомлинове штабс-капитана Коломнина со слезами, отговаривала Сухомлинову от этого шага, ссылаясь на то, что Мясоедова считают темной личностью и подозревают в шпионаже. Но вошедший во время этого разговора в комнату Сухомлинов,

узнав о причине слез. Коломниной, стал ее успокаивать, убеждая, что все слухи о Мясоедове не имеют оснований. В числе приглашенных к Мясоедовым на встречу нового года был и адъютант военного министра Булацель. Он, однако, отклонил это предложение, заявив Сухомлиновой, что с людьми, подобными Мясоедову, он не желает вступать в близкие отношения.

Несмотря на то, что Мясоедов и в «Северо-западном пароходстве» продолжал выполнять свои функции германского шпиона, это все же не устраивало его хозяев. Герmano-австрийская разведка настойчиво потребовала от Мясоедова, чтобы он устроился на работу в военное министерство. Дело это было нелегким, поскольку Мясоедова незадолго до этого обвиняли в шпионаже в пользу Германии. Для того «чтобы придать делу официальный характер.

Мясоедов решил предварительно восстановиться на работе в жандармском управлении. В сентябре 1911 г. Мясоедов через голову министра внутренних дел, по повелению Николая II, был восстановлен на работе в отдельном корпусе жандармов. Спустя несколько месяцев, по просьбе Сухомлинова, Мясоедов был переведен на работу в военное министерство.

По этому поводу А. И. Гучков на верховной следственной комиссии, образованной в 1915 г., показал: «Генерал Сухомлинов делает попытки привлечь к себе на службу Мясоедова и обращается к министру внутренних дел Столыпину с просьбой о возвращении Мясоедова на службу в корпус жандармов, с откомандированием его в распоряжение военного министра. Мне известно, что Столыпин настойчиво отказывал в этом ходатайстве и что в этом отказе его поддерживал и бывший в то время товарищем министра внутренних дел Макаров, которому была хорошо известна личность и прошлая служба Мясоедова. [21]

Однако Столыпину пришлось вскоре уступить более сильному влиянию. Мясоедов, по возвращении на службу, по моим сведениям, был приставлен к делу, с одной стороны, борьбы с иностранным шпионажем, а с другой стороны, сыска по политическим делам, возникающим в армии, причем его личная близость к генералу Сухомлинову придавала ему в отмежеванной ему сфере деятельности громадную власть. Эта служебная роль Мясоедова в связи с характеристикой его личности повергла меня, само собой разумеется, в самую большую тревогу: в руки человека, основательно подозреваемого в прикосновенности к шпионству, передавались борьба с этим самым шпионством и судьба русского офицерства».

В военном министерстве Мясоедову было поручено установить слежку за офицерами, чтобы, обвинив в неблагонадежности неугодных Сухомлинову лиц, окружить его своими людьми.

После того как Мясоедов устроился на работу в военное министерство, герmano-австрийская разведка пытается через него установить фамилии, имена и методы работы разведчиков царской России, направлявшихся в Германию и Австрию.

Имея доступ к письмам и донесениям русских агентов, работавших за границей, Мясоедову было нетрудно выполнять это задание. Он приносил их «для доклада» военному министру, а затем фотографии и копии этих документов передавал германской разведке.

О состоявшемся прикомандировании Мясоедова к военному министру Макарову, назначенный после убийства Столыпина министром внутренних дел, узнал по вступлении

своем в должность. Имея крайне неблагоприятные сведения о Мясоедове, он дважды предупреждал Сухомлинова об опасности приближения к себе такого лица. Но и эти предупреждения, понятно, не произвели впечатления на военного министра. Мясоедов в то время даже хвастал особым доверием Сухомлинова к нему. В подтверждение он рассказывал, что военный министр, не рискуя довериться фельдъегерю, поручил ему однажды отвезти начальнику Главного управления генерального штаба особо секретный документ — союзный договор с Францией — в незапечатанном виде.

Командующий Киевским военным округом ген. Иванов вскоре стал сообщать, что контрразведке в округе удастся иногда перехватывать корреспонденции австрийских агентов, [22] посылаемые из Петербурга в Вену. Из корреспонденции, писал он, выясняется ужасающий факт: агенты эти очень хорошо осведомлены обо всем, что делается в ближайшем окружении военного министра, в его доме, вплоть до его разговоров с царем о военных делах.

Сообщение ген. Иванова осталось без последствий. Мясоедову огромную помощь оказывала полная бездеятельность начальника контрразведывательного отделения Главного управления генерального штаба России Ерандакова, который не вел фактически никакой борьбы с иностранным шпионажем. В отношении Мясоедова и его шпионской деятельности Ерандаков внешне проявлял полное «неведение».

В показаниях на чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г. Ерандаков вынужден был признать свои близкие отношения к Мясоедову. Но он старался придать этому невинный характер. Ерандаков говорил, что он в дом Мясоедова ходил часто, но только с целью сыска за ним. «Так как осуществлять наблюдение за Мясоедовым, — показывал Ерандаков, — обычным порядком не представлялось удобным, так как Мясоедов как жандармский офицер знал приемы наблюдений, то я выполнял наблюдение исключительно путем личного с ним контакта».

По показаниям Ерандакова выходило, что до разоблачения Мясоедова он о шпионской деятельности Мясоедова точных и существенных фактов не знал, хотя вся Россия о них знала и говорила. «Никто, — говорил в своих показаниях Ерандаков, — в мое распоряжение точных сведений о прикосновенности Мясоедова к шпионажу не доставлял. Агентурные же сведения, если таковые и были, но настолько незначительны, что я их не помню, и они не давали с формальной стороны достаточного повода для ликвидации Мясоедова...»

О шпионской обстановке, которая сложилась вокруг Сухомлинова, Гучков рассказывал на следственной комиссии такой эпизод: «Г-жа Сухомлинова больна, лежит в постели, но принимает. В ее спальне собралась обычная компания: Мясоедов, Альтшиллер и др. Тут же за столом сидит и военный министр, просматривая лежащие перед ним бумаги.

Входит вестовой и докладывает военному министру, что его зовут к телефону. Министр выходит и оставляет бумаги на столе, и мой очевидец наблюдает, как Альтшиллер, прохаживаясь по комнате, подходит к столу, осматривается, не видит ли кто, и пробегает открытую страницу, затем делает попытку перевернуть страницу, чтобы продолжать свое чтение. [23] В это время к нему подходит один из присутствовавших там же офицеров, кладет руку на бумаги и говорит: «Извините, это бумаги военного министра». Альтшиллер отходит от стола и спокойно продолжает прогулку».

Некоторые видные представители русской буржуазии и помещиков под давлением общественного мнения в 1912 г. вновь выступили против Мясоедова, оставляя, однако, в

тени других германо-австрийских шпионов и их пособников сверху, т. е. при царском дворе. Мясоедова избирают мишенью для нападок, главным образом, на страницах газеты «Вечернее время» и в выступлениях Гучкова в Государственной думе.

Мясоедов, став в позу «невинно оскорбленного», вызвал Гучкова на дуэль. Дуэль, вернее комедия дуэли, как этого многие и ожидали, кончилась безрезультатно. В том же году Мясоедов на бегах, на глазах многотысячной публики, избил редактора «Вечернего времени» Суворина.

Весь этот шум с дуэлью и избиением редактора «Вечернего времени» был необходим Мясоедову как одно из «оглушающих» средств, убеждающих в его невинности.

В царской России эта форма убеждения оказала свое действие. Мясоедов добился удовлетворения «как дворянин» и продолжал работать под высоким покровительством еще почти три года.

Между тем диапазон германо-австрийской разведки в царской России все ширился.

Она, проникая в душу и мозг военного ведомства, парализовала, расшатывала, подтачивала военную мощь России.

Даже влиятельные люди, возмущенные открытым предательством интересов родины, не могли, однако, помешать этому. Преступников укрывали властители царской России, им помогала продажность ее чиновников, взяточничество, интриги, бюрократизм, царивший во всем государственном аппарате произвол.

Мясоедова сплошь окружали германские и австрийские шпионы. Видное место среди них занимала Анна Аурих — корреспондентка берлинских газет, находившаяся в постоянном общении с осужденным впоследствии за шпионаж бароном Унгерн-Штернбергом. Она являлась одной из самых деятельных сотрудниц руководителя немецкого шпионажа в России — советника германского посольства фон Люциуса и его подручного — офицера германского генерального штаба Зигфрида Гея, проживавшего в Петербурге под видом представителя одного из немецких телеграфных агентств. [24]

Зигфрид Гей возглавлял группу, занимавшуюся в Петербурге шпионажем. Для ведения шпионской деятельности Гей регулярно получал из германского посольства крупные суммы денег. Под непосредственным руководством его работали: Кюрц, упомянутая Анна Аурих, барон Унгерн-Штернберг и офицер германского генерального штаба, приехавший в Россию также под видом корреспондента, Рихард Ульрих.

Гостиница «Франция» в Петербурге являлась одним из сборных пунктов группы Гея.

Незаменимым другом Сухомлинова и Мясоедова был «доктор философии» Полли-Полачек. В Россию он приехал как представитель заграничных оружейных фирм и, по рекомендации тогдашнего германского посла графа Альвенслебена, был представлен министру финансов Коковцеву. Он быстро пришелся ко двору. По рекомендации Коковцева Полли-Полачек был вызван в главное артиллерийское управление, где вел переговоры о заказах на артиллерийское вооружение.

Через некоторое время Полли-Полачек был арестован по подозрению в шпионаже. У него оказались секретные документы, касающиеся артиллерийского вооружения русской

армии. При допросе Полли-Полачек объяснил, что чертежи орудий и данные об артиллерийском вооружении он получил легально как представитель оружейных заводов.

Ближайшей сотрудницей Полли-Поллачека была некая баронесса Геда Зейдлиц, которая осуществляла связь между Полли-Поллачеком и германо-австрийской разведкой. Баронесса Зейдлиц с этой целью совершала регулярные рейсы между Германией и Россией.

Полли-Полачек был также связан в своей шпионской работе с бароном Унгерн-Штернбергом.

Когда ротмистр Бенсон пытался разоблачить мнимого представителя оружейных фирм, то через Сухомлинова были приняты меры к тому, чтобы заставить его замолчать. Полли-Полачек как «невинно» оскорбленный вызвал Бенсона на дуэль, а затем Бенсон был арестован за распространение «сплетни» о честном коммерсанте.

К друзьям Мясоедова принадлежала и некая баронесса Штемпель. Часто устраивая у себя приемы для политических и военных деятелей России, баронесса старалась из разговоров и всякими иными путями извлечь сведения о государственной обороне. Некоторые из ее посетителей вполне сознательно способствовали ее шпионской деятельности.

Строитель кронштадтской крепости генерал Шишкин, побывав [25] как-то у баронессы в гостях, «забыл» в ее салоне свой портфель с планами сооружений.

Весной 1914 г. вновь возник вопрос о том, что, по всем данным, Полли-Поллачек шпион. И «а этот раз Сухомлинов не дает хода этому делу. Мало того, в ответ на письмо Полли-Поллачек с просьбой о реабилитации Сухомлинов вызвал его к себе в министерство и передал ему лично, что расследовал эти «сплетни» и может заверить, что ему ничто не угрожает.

Одним из ближайших друзей Мясоедова был барон Гротгус. Мясоедова и Гротгуса повсюду можно было видеть вместе. Когда Мясоедов приезжал из Вержболова в столицу, он останавливался на квартире барона. Шпион Гротгус был фаворитом петербургского генерал-губернатора Хренова. Он пользовался у него неограниченным доверием и сумел добиться назначения на должность чиновника особых поручений. Через некоторое время Гротгус был переведен в департамент полиции. Барон Гротгус не только пользовался у Хренова неограниченным доверием, но и получил доступ в его дом. Имея такую солидную поддержку, Гротгус занял положение, которое позволяло ему быть осведомленным о многих секретных вопросах, которые интересовали германский генеральный штаб.

Кроме шпионских дел, барон Гротгус занимался и другими. Служа начальником сыскной полиции в Риге, он создал жуткий застенок, где пытал политических заключенных, Гротгус прославился там своими жестокостями, которые сделались даже предметом запроса в черносотенной Думе.

После ряда скандальных историй министерство внутренних дел вынуждено было удалить барона Гротгуса из полиции. После этого при помощи Мясоедова барон Гротгус стал деятельным участником упомянутого выше «Северо-западного пароходства».

Другой яркой фигурой германского шпионажа в России являлся Оттон Фрейнат, который приобрел скандальную известность в кишиневском погроме 1903 г. После Кишинева, где

Фрейнат был судебным следователем, он перешел в департамент полиции. Впоследствии он даже исполнял должность вице-директора департамента полиции. Фрейнат имел, таким образом, свободный доступ ко многим политическим секретам, что позволяло и ему быть весьма ценным для Германии агентом.

Как Гротгусу, так и Фрейнату особое покровительство оказывал директор департамента полиции Трусевич. По его [26] желанию Фрейнат неоднократно командировался за границу для «изучения» постановки агентурного дела в Берлине, Париже, Лондоне. Фрейнат готовился занять должность начальника политического розыска за границей.

Список высокопоставленных бандитов, продававших Россию оптом и в розницу, будет не полон, если не назвать генерала Грейфана, состоявшего начальником отделения главного интендантского управления. От него через «торговый дом» под названием Фридрих Байэр и К°, поставлявший интендантству военное имущество, шли в германо-австрийскую разведку сведения о снабжении русской армии.

Грейфан находился в весьма дружественных отношениях с Мясоедовым и его семьей. Во время посещения Грейфаном дома Мясоедова разговоры происходили на их любимом языке — немецком.

Несмотря на то, что в течение многих лет все эти преступники, ведшие разгульный образ жизни, возбуждали основательные подозрения, их оставляли на свободе и содействовали их служебной карьере. Даже такая газета, как «Биржевые ведомости», являвшаяся органом промышленников и капиталистов, вынуждена была заговорить о немецком засилье и делах, творившихся в высших органах государственного управления.

Однако преступники оставались безнаказанными. В конечном итоге сами органы борьбы со шпионажем в России оказались в значительной мере парализованными. Это было большим достижением германо-австрийской разведки, ибо каждая разведка стремится к тому, чтобы овладеть органами борьбы со шпионажем в том государстве, где она ведет работу.

Шпионаж под вывеской торговых фирм и промышленных предприятий

Проникая в важнейшие отрасли народного хозяйства России, немецкие капиталисты теснейшим образом были связаны с предприятиями военного значения. Это обстоятельство давало им возможность получать нужные секретные сведения.

Начиная с 1905 г. вплоть до /первой мировой империалистической войны из Германии в различные районы России отправлялись экспедиции, якобы с целью исследования природных богатств. На самом деле этими экспедициями, [27] организованными разведкой, изучались экономические и хозяйственные возможности России с точки зрения будущей войны, ее стратегические дороги и укрепленные пункты.

Почти каждое отделение германской фирмы и связанные с ней предприятия кишели немецкими шпионами. Вся территория России была опутана сетями германо-австрийской

экономической разведки. Щупа льды проникли даже в самые отдаленные окраины страны.

Одной из крупнейших шпионских организаций была фирма Кунст и Альберс, захватившая в свои руки почти всю торговлю на русском Дальнем Востоке. Совладельцы этой фирмы Даттан и Альберс были видными агентами германской разведки. Наряду с экономическим шпионажем фирма Кунст и Альберс осуществляла и военную разведку.

Служащие фирмы в большинстве были офицерами запаса германской армии. Многие из них, приняв русское подданство, после начала мировой империалистической войны остались во Владивостоке.

Германские офицеры из служащих фирмы фон Вейне и Мледек были заняты сбором агентурных сведений по сухопутным войскам, а Занвальд и Рюге занимались аналогичной работой по морскому флоту. В целях более удобного проникновения в войсковые части Даттан и Альберс во время мировой империалистической войны стали подрядчиками в гарнизонах крепости Владивосток и Николаевска-на-Амуре.

Сведения собирались не только по Дальнему Востоку, но и по европейской части России. Во время войны собранная информация передавалась через германское посольство в Китае. Для прикрытия шпионской деятельности фирмы Даттан систематически жертвовал большие суммы на нужды обороны России.

Фирма Даттан, находясь на Дальнем Востоке, поддерживала тесные связи со шпионами, орудовавшими в других центрах России.

После начала мировой империалистической войны по подозрению в шпионаже был арестован бывший директор Путиловского завода Орбановский.

При обыске у него нашли судостроительную программу на 1912–1930 гг., «Технические условия» морского министерства, перечень материалов Ижевского завода, технические условия для поставки металла на Петроградский патронный завод. [28]

Орбановский, как это установило следствие, был теснейшим образом связан с Даттаном. Он приезжая часто к последнему для получения заданий и доставки шпионских сведений, собранных в различных частях царской России.

Сам Вильгельм II был пайщиком фирмы Кунст и Альберс. 50 отделений этой фирмы раскинулись по Приамурью, Маньчжурии, части Забайкалья и имели своих агентов во всех крупных городах царской России. До войны Даттан одно время был германским консулом во Владивостоке. Он имел большое влияние на политику Германии на Дальнем Востоке. При назначении консулов и других ответственных лиц на Дальний Восток Даттану принадлежало решающее слово.

Несмотря на то, что Даттан являлся виднейшим и опаснейшим шпионом, царские министры Маклаков и Фредерике и приамурский генерал-губернатор Гондатти взяли его под свою защиту и воспротивились преданию суду. Даттан был только выслан в Нарымский край.

Кроме владельцев и служащих фирмы Кунст и Альберс, во Владивостоке на поприще шпионажа работали двое швейцарских подданных — Адольф Бутенгоф и Франц Вальден.

В этом им содействовали находившиеся в Иркутске Александр Гезе, аптекарь Жинжерова и присяжный поверенный Стравинский.

На юге России действовало акционерное общество Гуго Стиннес в лице его представителей и доверенных лиц Беккера, Пельтенбурга, Хитрова и углепромышленника Павла Беккель. К числу германских агентов принадлежал также Кольберг, горный инженер, председатель правления Бокко-Хрустальских угольных и антрацитовых копей, член военно-промышленного комитета России.

Северный и северо-западный районы России «обслуживались» директором Тентелевского химического завода, членом военно-промышленного комитета Вегенером и крупным лесопромышленником в Вологде Грааем.

В районе Белого моря подвизался прапорщик Меленбург, который заведовал разгрузочной командой в Архангельске. В шпионской деятельности в этом районе участвовали фирмы: Гергард и Гей, Книпп и Вернер и акционерное общество «Плюйм-Окс». Наконец, на поприще шпионажа в Финляндии развернула свою деятельность погрузочная контора Фридрих Гасон и К°. С началом войны в 1914 г. германские «торговые» агенты помимо сбора сведений стали совершать [29] диверсионные акты на заводах и фабриках, работавших на оборону.

Германские шпионы, засевшие в компаниях Восточноазиатского и Северо-западного пароходств, а также в Добровольном флоте, регулярно осведомляли германские разведывательные органы о привозимых грузах, о количестве и состоянии судов. Одновременно они составляли точные навигационные карты, главным образом, Либавского и Рижского районов, Белого моря и Дальневосточного побережья, разведывали планы береговой обороны.

По мере того как приближалась война, германо-австрийский шпионаж становился все активнее.

К концу 1913 г. германо-австрийская разведка с помощью «торговых фирм» располагала обширными сведениями о состоянии и характере оборудования фабрик и заводов России, о провозоспособности железных дорог, заказах различных ведомств и пр. Эти данные затем систематически уточнялись.

В целях удобства при ведении шпионажа германские коммерсанты и промышленники, орудовавшие в России, широко практиковали применение двойного подданства. Нелегально оставаясь подданными Германии, они официально принимали подданство другой страны. Накануне войны закон о двойном подданстве вновь был подтвержден германским правительством.

В германском имперском банке был создан специальный фонд для целей шпионажа. Официально этот фонд предназначался для развития германской мелкой торговли в других государствах, в том числе и в царской России. Шпионам из купцов ставилась задача завести торговлю там, где находятся узлы железных дорог, крепости, форты, штабы войск, заводы, обслуживающие военное ведомство. Кроме того, под видом совершения торговых операций они могли свободно передвигаться по стране, знакомиться с людьми, нравами и местностью: чрезмерная «любопытность» таких людей, их частые отлучки не казались подозрительными.

Торговлю приказывалось им вести, не стесняясь в кредите. Разведка знала, что окупятся любые расходы. Кредит особенно охотно предоставлялся тем лицам, которые в будущем могли оказаться полезными. Таких людей завлекали в долги и тем закрепощали их.

Через кредитный банк «Дисконто гезельшафт» в России были открыты магазины, конторы, гостиницы, склады товаров, рестораны. [30] Весь штат этих заведений, за малыми исключениями, был набран из агентов германской разведки. Разбросанные по всем городам России, они представляли мощное орудие германской разведки, служившее не только целям собирания шпионских сведений и вербовки новых агентов. Эти заведения были надежным местом для сборищ шпионов-диверсантов.

Обыски, произведенные в некоторых из таких «коммерческих учреждений», показали, что большое количество служащих являлось офицерами германской военной и морской службы, получившими отличное военное образование. Было обнаружено много материалов секретного характера, собранных ими в процессе своей торговой деятельности.

Немалую роль в шпионаже играли германские страховые общества, широко развернувшие свою деятельность в России. По установленному ими порядку их клиенты были обязаны доставлять самые точные данные об имуществе, которое страхуется, включая сюда планы фабрик, заводов, земельных участков, пароходов, опись материальных ценностей и их состояния, опись оборудования и т. д. Сведения, которые получали таким путем страховые общества от своих клиентов, потом суммировались и отправлялись в разведывательное отделение германского генерального штаба. В результате в руках германской разведки накануне войны оказались важнейшие сведения об отдельных стратегических сооружениях, запасах продовольствия, производственной мощности фабрик и заводов, о рейсах пароходов и характере их грузов и т. д. Состояние таких крупных предприятий, имевших исключительное военное значение, как Путиловский, Коломенский, Сормовский и другие заводы, было точно известно германской разведке.

Германский генеральный штаб, в лице его промышленно-статистического отдела (этот отдел ведал экономическим шпионажем), разослал ряд секретных инструкций по организации экономической разведки. Впоследствии некоторые из них попали в руки русской контрразведки. Особенно существенными являлись инструкции за № 2348 и 2348бис. Это были руководящие директивы по организации осведомительной и вербовочной работы. Каждое германское предприятие в царской России, согласно этим инструкциям, должно было допустить на работу определенное количество агентов германской разведки. Предприятия, отличавшиеся на шпионском поприще, получали субсидии из особых фондов штаба. [31]

Все 439 фирм и предприятий с австро-германским капиталом, находившихся в России, в той или иной степени были привлечены к шпионской деятельности. Характерно, что большинство этих фирм имело существенное влияние на производство и поставку военных материалов.

К крупнейшим очагам шпионажа принадлежала германская фирма «К. Шпан и сыновья» — «товарищество» по торговле машинами, металлами, металлическими изделиями и оптическими приборами, имевшее отделения в Москве и Петербурге. Главные владельцы этого «товарищества» Константин и Эмиль Шпан являлись видными агентами германской разведки. Константин Шпан, приняв русское подданство, состоял председателем и членом правлений Акционерного русского общества для изготовления снарядов и военных припасов, «Русско-Балтийского судостроительного и механического общества» и целого

ряда других предприятий. В то же время Константин Шпан являлся представителем крупнейших капиталистических концернов Германии: Круппа, Гуго Стиннеса и «Блом и Фосса».

Связи Константина Шпана — этого незаурядного представителя германского капитала в России — простирались до дворцовых кругов, не говоря уже о Сухомлинове и Мясоедове.

Несмотря на то, что братья Шпан (второй из них являлся офицером запаса германской армии) давно были известны как крупные шпионы, их близость к правительственным кругам и к генералитету позволяла им долгое время работать во вред России. Лишь под давлением неопровержимых улик и общественного мнения в мае 1915 г. братья Шпан были арестованы и высланы.

Другим крупным гнездом шпионажа была фирма «Вальдгоф». Акционерами этой фирмы являлись Мясоедов и Фрейнат. Директором фирмы был бывший член германского рейхстага от г. Маннгейма Гаазе. Не случайно, что предприятия этой фирмы были расположены недалеко от границы в Лифляндской губернии. Такое положение облегчало наблюдение за передвижениями войск и за укрепленными пунктами приграничной полосы.

В 1898 г. в Варшаве под видом справочной конторы существовало заведение некоего Бухвойца, которое занималось переправой и вербовкой шпионов, а также доставкой агентурных сведений. Контора находилась под непосредственным руководством разведывательного отделения германского [32] генерального штаба и им субсидировалась. Она была фактическим центром шпионажа в Варшавском военном округе. Эта «справочная контора» держала постоянную связь с петербургским центром германо-австрийской разведки через варшавского фабриканта Неймана, также известного германского агента.

Через директора австрийского акционерного общества устройства и развития средств сообщения Симона Дандоу и директора германского общества отдачи вагонов в наем д-ра Альфреда Страуса германо-австрийская разведка основала в России так называемое «Русское общество для развития и увеличения числа перевозочных средств и для эксплуатации таковых в России» («Ссудовагон»).

Общество «Ссудовагон» занималось организацией шпионажа и вредительства на железных дорогах России, систематически составляло секретные отчеты и сводки о состоянии их подвижного состава и мобилизационной готовности. Для сбора этих сведений специальный агент Майман регулярно объезжал все важнейшие железнодорожные линии России.

Не менее активно занималось шпионажем акционерное общество «Артур Коппель». Эта фирма владела механическим и вагоностроительными заводами в Петербурге, вагоностроительным заводом под Варшавой. Фирма «Артур Коппель» производила строительные-путевые работы в крепостях России, причем во многих случаях в убыток. Убытки покрывались германским генеральным штабом из особого фонда. От деятельности этой фирмы пострадала и Франция, которая уступила ей обслуживание своих крепостей, расположенных на границе с Германией.

Накануне Русско-японской войны, в 1904 г., военный инженер полковник Н. И. Кремер доносил о факте шпионской деятельности дальневосточного отделения фирмы «Артур

Коппель». Выяснилось, что фирма продала Японии чертежи и планы укреплений Порт-Артура и Владивостока. Но это донесение полковника Кремера осталось без последствий.

Уже в разгар мировой империалистической войны в Двинской крепости был арестован некий фон Загебоден. При нем было найдено письмо с описанием Ковенского и Двинского укрепленных районов, адресованное в петроградское отделение фирмы «Артур-Коппель». С арестом двинского шпиона выяснились многие факты из деятельности этой фирмы. [33]

Оказалось, что в ее функции входил шпионаж по линии укрепленных пунктов, которым руководили директор петроградского отделения фирмы «Артур Коппель» Роберт Кутцосер и инженер того же отделения Густав Клебер.

Последующие обыски в предприятиях и учреждениях фирмы обнаружили известные секретные циркуляры германского генерального штаба за № 2348 и 2348бис.

Германо-австрийская разведка через подставных агентов прибрала к своим рукам многие гостиницы России, представлявшие особые удобства для конспиративной работы. Такими гнездами шпионажа являлись в Петрограде гостиницы «Англия», «Астория», «Европейская» и «Гранд-отель». Понятно, что особо большое внимание было уделено столице — крупнейшему политическому и административному центру России, к тому же близко расположенному к границе.

Все эти факты дают лишь общее представление об огромной подрывной работе германо-австрийской разведки в России, которая велась при посредстве торговых фирм и страховых обществ.

Шпионаж через посредство нейтральных стран

Готовясь к войне 1914 г., Германия широко развернула свою агентурную сеть в царской России. Но война во многом нарушила работу шпионских организаций, подготовленных в мирное время. Прежние способы связи, сбора агентурных сведений и вербовки агентов оказались в условиях войны не совсем применимыми. Поэтому немцам и австрийцам пришлось спешно реорганизовать свою разведку на новых началах и на многих участках с новыми кадрами.

В этом отношении очень важную роль стали играть так называемые нейтральные страны. Они обеспечивали наиболее безопасный переход границы воюющего государства и облегчали связь с находящимися в нем шпионами и диверсантами. Каждая воюющая страна и ее разведка старались использовать нейтральные страны с наибольшей для себя выгодой.

Большие удобства, естественно, представляли скандинавские страны, особенно Швеция. Во время первой мировой империалистической войны Швеция стала основным [34] шпионским каналом между Россией и Германией. Это был наиболее краткий и удобный путь для переброски шпионов и для получения собранных ими сведений.

Торговые отношения между Россией и Швецией, сохранившиеся и во время войны, облегчали выполнение заданий разведки.

Кроме того, большую роль играло и следующее обстоятельство: среди финских эмигрантов, проживавших в Швеции, и среди населения Финляндии легче всего было найти подходящих лиц для вербовки их в качестве агентов. Действительно, среди этих элементов германская разведка во время войны нашла те многочисленные кадры, которые позволили ей наводнить Финляндию и окрестности Петербурга своими шпионами.

Кроме того, многие руководящие круги Швеции негласно покровительствовали работе германской разведки. В свою очередь германо-австрийская разведка, усиленно агитируя в Швеции за военное выступление против России, одновременно делилась со шведской разведкой результатами своей «работы».

Скандинавия была довольно быстро освоена германо-австрийской разведкой. Военно-морской атташе Германии в Петербурге Фишер-Лоссайн после разрыва дипломатических отношений с Россией переселился в Швецию. Этот крупный знаток агентурного дела вскоре развил большую шпионскую деятельность и организовал солидную разведывательную сеть, главным образом, в военно-морской области.

Была создана обширная сеть наблюдателей за русскими и английскими подводными лодками. Для этой цели германо-австрийская разведка вошла в соглашение с различными организациями и отдельными лицами: лоцманскими наблюдательными постами, рыбаками, пароходствами по всему побережью Швеции, Дании и Норвегии. Особенно разветвленной сеть надзора была у датских проливов и в районе шведских портов Ботнического залива.

Германские агенты следили также за всеми пароходами, выходящими из скандинавских портов, облегчая своему подводному флоту борьбу с ними.

В скандинавских странах во время войны орудовало несколько шпионских гнезд. Руководителями их в разное время являлись майор Фредерюци, полковник Штрауб, барон Фалькенштейн, полковник Лассен, капитан Хельдт, барон Котце. Среди агентов германо-австрийской разведки [35] много было шведов, датчан, норвежцев и финнов.

Понятно, что во время войны граждане нейтральных стран — Швеции, Дании и Норвегии — имели наибольшие возможности проникновения в Россию.

В столице Швеции Стокгольме существовало несколько шпионских штаб-квартир: пансион мадам М. Олиер, пригородные виллы в Диоргартене и Сальтиобаденне, немецкая пивная «Кайзерхоф» и др. При центральной штаб-квартире полковника Лассена одно время действовала диверсионная организация под руководством капитана дальнего плавания Экмана.

В Стокгольме разведывательная служба германского генерального штаба находилась в руках капитана Хельдта. Именуя себя гражданским инженером, он организовал вербовку финнов в германские войска «для содействия освобождению Финляндии». Кроме того, агенты германской разведки обманым путем выманивали отдельных жителей Финляндии и через Швецию отправляли их на «работу» в Германию, обещая высокую плату. По дороге за этими людьми устанавливался строгий контроль. По приезде в Германию строптивым разъясняли, что если они добровольно не поступят на службу в германскую разведку, то в лучшем случае будут заключены в концентрационный лагерь. После

соответствующей подготовки и обработки завербованных таким путем агентов их направляли для шпионской работы и террористических актов в Россию.

Одной из таких созданных из финнов диверсионных групп было дано задание вывести из строя лучший миноносец русского флота «Новик». За эту операцию германская разведка обещала 50 тыс. рублей вознаграждения.

Диверсионные группы, переброшенные в Россию в самый разгар первой мировой империалистической войны, часто посещали Хапаранду и другие пограничные города Финляндии, беспрестанно вербуя в свою среду новых сотрудников, поручая им выполнение диверсионных и террористических актов.

На организации взрывов путей сообщения Финляндии со Швецией, а также на отравлении лошадей, например, специализировался барон Розен. В связи с ним действовали братья Дален.

В начале войны германской разведкой был командирован в скандинавские государства барон Фалькенштейн [36] (он же Фитшлер). Организованная им в Дании, потом и в Швеции агентура отличалась особенно широкой осведомленностью.

Шведская разведка все время находилась в контакте с представителями германского посольства в Стокгольме и обменивалась приобретенными сведениями о России.

Шведские разведчики посылались в такие центры России, как Рига, Ревель, Петроград, Гельсингфорс и другие города Финляндии. Германская разведка имела много агентов из числа сотрудников шведских миссий и консульств в России. Большой интерес проявляла германо-австрийская разведка к району Аланда, в частности к укреплениям, возводившимся там во время войны.

Территория Швеции была разделена на отдельные зоны обслуживания. Юг Швеции обслуживался разведкой германского морского генерального штаба. Руководил ею упомянутый выше фон Фишер-Лоссайн. В Гетеборге, Мальме и Троллеборге находились ее резидентуры. На севере Швеции орудовала сухопутная разведка, во главе которой стоял капитан Хельдт. Немцам удалось привлечь к ведению шпионажа некоторые шведские фирмы. Из причастных к шпионажу шведских фирм известны следующие: «Виктор Эк», «Лилуебек», акционерное общество «Меркурий», общества «Гуннарс», «К. Бокстрем» и др.

На западном и северо-западном побережьях Дании и Норвегии разведка велась, главным образом, при помощи германских консульств и их организаций. Так, всем германским консулам северного и западного побережий Ютландии вменялось в обязанность посылать еженедельные бюллетени в Копенгаген — в миссию или на имя инженера Менгельберга и купца Гадэ Ханса. В числе агентов германской разведки были бывший консул, Норвегии Браун и его жена, владельцы отделения фирмы «Хольм и Ко».

Переправа германских агентов в Россию, а также и обратно происходила двумя путями: морским — через Ботнический залив, и сухопутным — через шведско-финляндскую границу. Наиболее испытанным местом перехода границы был пограничный район Виа Торнео — Хапаранда. Здесь с помощью завербованного персонала станций шпионы переправлялись через шведскую границу. С запрещением проезда в г. Торнео и его окрестности без установленного на то разрешения разведчики стали практиковать обходное движение, следуя в стороне от железнодорожной ветки. [37]

Для связи со своими агентами германская разведка применяла массу разнообразных способов. Наиболее часто практиковалась посылка кодированной корреспонденции на условные адреса торговых фирм, транспортных контор и частных лиц. Такие корреспонденции в свою очередь передавались в руки заинтересованных лиц или путем вложения в новые конверты пересылались в Германию. Целый ряд скандинавских фирм и торговых контор помогал германо-австрийской разведке осуществлять связь с ее сетью, находившейся в России. Делалось это путем вербовки руководящих лиц этих фирм.

Если же агент находился в Петрограде, то роль посредника играли шведское и швейцарское консульства. Существовали и другие способы связи: через служащих на шведских коммерческих пароходах, совершавших свои рейсы в Россию, через проводников «международного общества спальных вагонов», почтальонов почтовых вагонов и отдельных лиц.

Германо-австрийская разведка своевременно узнавала о провале тех или иных адресов. Это входило в обязанность завербованных ею цензоров почтового ведомства.

Учитывая опыт первой мировой империалистической войны, германская фашистская разведка сейчас прилагает огромные усилия для того, чтобы подготовить кадры шпионов для работы в будущих «нейтральных» странах.

Германо-австрийские шпионы на фронтах России

Методы работы германо-австрийской разведки в России не могли не измениться в связи с новыми условиями, созданными империалистической войной 1914–1918 гг. Был выработан ряд новых инструкций для агентов, работавших на фронтах и в прифронтовой полосе. Наряду с этим была создана обширная сеть особых бюро по руководству и вербовке агентуры на театре военных действий.

Изменена была также и структура разведывательных органов. Руководство разведкой в действующей армии было возложено на вновь организованные разведотделы штабов главного командования. Кроме того, разведорганы имелись в штабах армий, корпусов и дивизий. Разведка в глубоком тылу противника осталась в ведении разведотделов генеральных штабов. [38] Для перехода линий фронта агенты снабжались особыми пропусками. Германская разведка направляла их, главным образом, в Петроград и Москву и в прифронтовую полосу Северо-западного фронта. Австрийцев интересовал Юго-западный фронт и такие центры, как Киев, Одесса, Харьков.

Огромное количество австрийских шпионов переправлялось в Россию через Румынию. До вступления в войну Румынии, например, в сентябре 1915 г. из Австрии на Украину через румынскую территорию была переброшена целая группа шпионов под видом жонглеров и шансонеток. Такие агенты направлялись в определенные пункты и при этом только один раз. Это делалось с той целью, чтобы вторично их приезд не вызвал подозрений.

С началом войны на полковника Фишера австрийским генеральным штабом было возложено главное руководство разведкой в России через нейтральную тогда Румынию. В его распоряжении находился значительный штат агентов.

Во время войны недалеко от фронтов германской и австрийской разведками были открыты специальные краткосрочные курсы (школы) для обучения агентов. В этих школах агентов (в городах Луцке, Слониме, Брест-Литовске, Митаве, Шавлях) обучали искусству шпионажа и диверсии. Такие школы существовали при каждом разведывательном бюро штаба армии. Позднее немцы начали учреждать школы при штабах корпусов и дивизий. Курс обучения агентов был очень кратким — 2–3 недели. Окончившие эти курсы направлялись в Россию, иногда даже «легально». Они проникали в нее при помощи паспортов нейтральных держав или паспортов, отобранных у жителей местностей, занятых австрийскими и германскими войсками. Обучавшимся в специальных школах шпионам выплачивалось определенное вознаграждение. Кроме того, введено было правило, что по выполнении задания агенту уплачивалось дополнительное вознаграждение. Срок работы в одном месте для таких разведчиков определялся максимум в один месяц.

Для подготовки шпионов капитаном германской разведки Бергелем была организована школа даже в столице Румынии Бухаресте. Ближайшим помощником Бергеля по обучению агентов был бывший секретарь германского посольства в Бухаресте Дольман. По окончании курса Бергель отправлял своих учеников из Бухареста в Браилов, оттуда на лодках по Дунаю до Галаца и дальше в Россию. Прибыв к месту расположения русских войск, разведчики [39] должны были себя выдавать за беженцев, вынужденных якобы бежать с занятой немцами территории.

Шпионы, которых Бергель отсылал в Одессу, имели задание узнавать, какие суда находятся в порту, каково их вооружение, имеются ли зенитные орудия для обстрела аэропланов и дирижаблей, каковы запасы горючего, сколько в порту подводных лодок, есть ли плавучие доки и т. п.

В Николаевском порту шпионы интересовались состоянием ремонта и постройкой судов. В Батумском порту, в Евпатории, Феодосии, в Очакове шпионам ставились задачи по добыванию сведений о наличии в этих местах подводных лодок и об их вооружении, о целях прибытия торгово-пассажирских пароходов, их маршрутах, о том, какие и откуда присылаются боевые припасы, сколько и каких имеется аэропланов, где расположены ангары, что отправляется по железным дорогам на Кавказ и т. д. Шпиону предлагалось поступить на какой-нибудь завод или фабрику, чтобы «меть возможность полнее освещать вопросы, интересующие германский и австрийский генеральные штабы.

Профессии лиц, которые привлекались германской и австрийской разведками к агентурной работе, очень разнообразны. Среди них имелись: инженеры, врачи, фокусники, фотографы, продавцы всевозможных товаров, артисты и артистки, проститутки и воры. Охотно вербовались также дети и подростки от 12 до 19 лет. Юным шпионам рекомендовалось находиться вблизи обозов, знакомиться с военными лицами для получения от них требуемых сведений.

Имелись особые отряды шпионов, которые состояли исключительно из стариков и калек, посылаемых в пределы военной зоны под видом нищих.

Германо-австрийская разведка использовала также пленных солдат и офицеров русской армии. Завербованные пленные при содействии разведки «бежали» на родину, где развертывали по полученному заданию шпионскую работу.

В начале войны в Двинском районе была обнаружена масса шпионов, переодетых в форму русских солдат. Большинство их являлось военнопленными из русской армии. 2 сентября 1914 г. в г. Ровно было арестовано 5 человек, из которых четверо оказались солдатами, бывшими в плену. Они сохранили русскую военную форму, все свое армейское снаряжение. Один из них был в форме прапорщика. Этим переброшенным «из плена» агентам было дано задание взорвать железнодорожный мост через реку Гуска у Шепетовки. [40]

При обыске у них было обнаружено полтора пуда динамита, карта, приборы для взрыва, хлороформ для усыпления часовых.

Они получили по 300 рублей авансом с тем, чтобы после выполнения задания получить еще по 10 тыс. рублей. Диверсантов инструктировал и снабдил деньгами австрийский обер-лейтенант Шиллер, начальник разведывательного бюро в г. Луцке.

Другой подобный случай имел место в ночь на 13 октября 1915 г. К сторожевому охранению одного из боевых участков 1-й русской армии со стороны противника подошла группа людей в количестве 49 человек. Они были вооружены русскими кавалерийскими винтовками, наганами и ручными бомбами, пироксилиновыми шашками и капсюлями для взрывов и одеты в мягкие сероватого цвета широкополые шляпы, брюки из солдатского сукна и в серые кафтаны. Эти люди, добровольно сдав свое оружие сторожевому охранению, заявили, что все они, бывшие военнопленные из русской армии, завербованы германской разведкой с целью совершения диверсионных актов. Но что они воспользовались этим предложением германской разведки, чтобы вернуться на родину. Руководителю этой группы, бывшему рядовому 65-го Московского пехотного полка К., немецкой разведкой было дано 18 подложных паспортов, 483 рубля денег и адреса пяти шпионов, к которым следовало обратиться за содействием. Группе было дано задание по взрыву железнодорожных мостов на станциях Антонополь и Велюнь.

Такие же группы диверсантов и шпионов из 50–60 человек были организованы германо-австрийской разведкой в Шавлях, Кельцах и Тильзите.

Для военнопленных русской армии, намеченных к вербовке в агенты, разведка создавала привилегированные условия. Им давалась лучшая пища, отдельное помещение. Действовали подкупом, лестью, шантажом.

Завербованные германской разведкой, «бежав» из плена, вступали в какую-нибудь русскую часть и, получив нужные сведения, вновь сдавались в плен. В доказательство того, что они были у «своих», новые агенты должны были приносить с собой определенные газеты: «Вечернее время», «Биржевые ведомости» или другие. Возвращавшиеся обратно через фронт должны были иметь с собой кредитные билеты тех номеров, которые они перед отправкой получили. Кроме того, они должны были сообщить задержавшим их германским [41] передовым постам условный пароль. Разведчики и диверсанты из военнопленных обыкновенно направлялись по двое, по трое, но нередко и одиночками. Прочих шпионов германская разведка направляла через фронт с завязанными глазами, причем они снабжались подложными документами частей русской армии. Всех таких агентов обыкновенно перед отправкой фотографировали.

Зачастую германо-австрийская разведка использовала в своих целях русских агентов, арестованных в Германии и Австрии. Прилагались большие усилия к вербовке пленных офицеров русской армии из мусульман, причем играли на религиозных чувствах этих людей, убеждая их помочь Германии «освободить мусульман от русского ига».

Ряд агентов вербовался непосредственно из населения прифронтовой полосы. Они переходили ее как беженцы или «озлобленные» и «бежавшие» от зверств немцев.

Во время войны германо-австрийская разведка усилила вербовочную работу среди жандармов, агентов тайной и явной полиции, охранников, провокаторов и офицеров разведывательных отделений штабов.

По некоторым сведениям, до четверти всего состава варшавской явной и тайной полиции состояло на службе в германской разведке. Известный вербовщик шпионов для Германии Андреевский, орудовавший в Варшаве, одновременно являлся агентом русской разведки. Такую же роль играл околоточный надзиратель 11-го участка г. Варшавы Погорецкий. В числе германских агентов был также известный провокатор Азеф, с которым Мясоедов был в постоянной переписке.

Один из сотрудников варшавского охранного отделения, жандармский ротмистр Прохоров, состоявший на службе у немцев, спасал попавшихся германских шпионов путем уничтожения вещественных доказательств.

Небезынтересны методы вербовки немцами уголовного элемента: воров, убийц, мошенников и пр. Германская инструкция предписывала своим агентам-вербовщикам предварительно самым подробным образом узнавать о преступлениях, совершенных этими лицами. Дальше на сцену выступал шантаж, которым вынуждали уголовных преступников, преступления которых не раскрыты, работать в интересах разведки. Эти уголовники, раз попавшись в сети германской агентуры, под страхом разоблачения совершали новые, еще более тяжелые преступления. Они использовались для ограбления, для убийства, чтобы добыть нужные [42] разведке документы, «убрать» важного деятеля или опасное для шпионов лицо.

Для добывания сведений от офицеров германская разведка широко использовала проституток. Прибыв из части в какую-нибудь населенную местность, офицеры в поисках развлечений проводили время в притонах и ресторанах.

Здесь-то загулявший офицер и мог выболтать проститутке-шпионке немало ценных сведений.

Другим не менее удобным местом для выведывания военных тайн от офицеров германская разведка считала вечеринки. В пьяной компании, разговаривая между собой, хвастаясь своей осведомленностью и не подозревая, что их подслушивают шпионки, офицеры часто много выбалтывали.

Если представлялся случай шпионкам, то они не брезговали и тем, чтобы украсть у загулявшего офицера что-нибудь интересное с точки зрения разведки.

Германские шпионы большое внимание обращали на чинов искровых (радио) и телеграфных рот, так как через них можно было получить особо ценные сведения о применявшихся в русской армии шифрах и кодах.

В военное время круг (с)опросов, подлежащих освещению, особенно расширился. Разведка должна была знать, какие части стоят в том или ином районе, где и сколько сформировано войск, какой артиллерией располагает определенная часть, сколько в каждой части пулеметов, численность кавалерии, конский состав, новые образцы оружия, как протекает мобилизация промышленности и степень оборудования заводов и фабрик, работающих для нужд армии, какое настроение в армии и среди населения, где находятся радиотелеграфы, санитарное состояние войск, состояние дорог, расположение ангаров, аэродромов и т. п.

И чтобы получить ответы на все эти вопросы, агентов вербовали среди работников любых профессий. В Русско-японскую войну 1904–1905 гг. и в войну 1914–1918 гг. офицеры разведывательных органов воевавших с Россией стран служили в ресторанах лакеями, денщиками у крупных военных деятелей и т. д.

Для посылки добытых сведений по назначению германские и австрийские агенты применяли самые различные методы. Был среди них и такой. Агент, работавший в тылу у русских, приходил на станцию железной дороги к отходу воинского поезда. Завязав разговор «с солдатами, он добывал нужные ему сведения, занеся их затем на бумажку условным языком. Затем записка с собранными сведениями [43] прикреплялась к днищу одного из вагонов поезда, который отходил к позициям. Записки прикреплялись к заранее условленному вагону, например второму, считая от паровоза. Эти записки снимались другими агентами, которые их передавали по назначению. Иногда шпионские сведения условными знаками писались на стенках в уборных, в поездных буфетах.

При передаче сведений по телеграфу шпионы пользовались особым шифром, обозначая отдельными словами или буквами роды войск и другие данные.

Движение поездов шпионы обозначали следующим образом: через столько-то часов выезжаю туда-то: часы указывали количество поездов.

Практиковался и другой способ связи. Так называемыми невидимыми чернилами агенты заносили свое донесение между строк обычного письма и отправляли его по назначению. Борьба цензуры с таким видом передач была очень затруднительна.

В России с проявлением писем, в которых имелись шпионские сведения, дело обстояло из рук вон плохо. Примитивные лаборатории, созданные царской контрразведкой, не могли справиться с огромным потоком проходящей ежедневно почты. Некоторые чернила, которые применялись германской разведкой, совершенно не поддавались проявлению, и многие шпионы вследствие этого оставались неразоблаченными. Часто тайнопись велась на внутренней стороне конверта или на тонкой внутренней подкладке конверта. Скрытые записи делались также на открытках, специально изготовленных для этой цели. Но наиболее распространенными способами тайной переписки были шифры, например: одна черта означала небольшое число войск — батальон или полк, две черточки означали дивизию, а три черточки — больше дивизии, вплоть до корпуса. Среди раскрытых кодов, применявшихся немцами, были и такие: большое Д в письме означало большую дороговизну, номер квартиры означал номер полка, если номер был подчеркнут, то это означало на сто больше. Если шпион хотел назвать 114-й полк, то он его обозначал следующим образом: квартира № 14. Первый этаж обозначал ополченцев, ратников, второй этаж — запасный батальон и т. д.

Несколько слов об одежде шпионов. Шпионам прифронтовой полосы рекомендовалось одеваться в гражданское платье в двух случаях: во-первых, когда ближайшее место, в

которое надлежит сообщить сведения, занято [44] неприятелем; во-вторых, когда в данной местности расположена мелкая часть, все чины которой знают друг друга. Наиболее удобным одеянием считалось крестьянское.

Этим «крестьянам» предлагалось избирать дорогу, главным образом, перекрестную, по которой передвигаются войска, и торговать табаком, спичками и другими мелкими товарами; таким агентам воспрещалось обращаться с вопросами к крестьянам или военным. Они должны были лишь по памяти описать проходящие воинские части.

Для шпионов, носивших военную форму, и для шпионов, одетых в гражданское платье, существовали различные установки. Например, шпионы в военной форме должны были выдавать себя за отставших солдат и обращаться к крестьянам с расспросами, стараясь узнать, какая часть прошла и в каком направлении.

Получать от воинских чинов сведения рекомендовалось исключительно в городах, заведя с ними знакомство в кафе, столовых и в других общественных местах.

Не представляется возможности, конечно, перечислить все методы и приемы, которыми пользовались агенты германо-австрийской разведки в России. И ясно, что постоянной задачей разведки являлась необходимость систематического обновления методов и приемов маскировки своей агентуры.

Во время первой мировой империалистической войны германской разведке удалось проникнуть в штабы ряда русских армий.

Подполковник генерального штаба Поляков, служивший в 1915 г. при штабе XI армии начальником разведывательного отделения, в своих письмах и показаниях по делу Сухомлинова указывал: «Многие наши операции не имели успеха по несомненной осведомленности противника о военных планах».

Нужда германо-австрийской разведки в таком шпионе, как Мясоедов, с началом войны стала особенно острой. К ее радости и не без ее участия, Мясоедов после двух лет «гражданской» работы снова был призван в военное ведомство.

При прямом содействии Сухомлинова он получил назначение в штаб X армии, где на него было возложено руководство агентурной разведкой. Лучшего немцы и не могли желать.

Десятая армия занимала одно из важнейших мест Западного фронта. Мясоедов через своих людей был осведомлен [45] не только о положении дел в X армии, но и знал планы командования I и II армий.

Во время своего пребывания в X армии Мясоедов сообщил германскому командованию много секретных сведений, касавшихся расположения штабов, численности боевого состава корпусов, дивизий, состояния их вооружения, планы их действий и т. п.

Германское командование, своевременно узнав от Мясоедова о переброске 22-го корпуса из Восточной Пруссии на Юго-западный фронт, с большими силами бросилось на ослабевший фланг X армии и нанесло ей сильный удар. Когда же началось отступление русских войск, Мясоедов был озабочен тем, как бы оставить противнику тяжелые орудия, которые должны были прикрывать крепость Осовец.

Под покровительством военного министра Мясоедов действовал в X армии нагло и цинично. Когда немцы понесли в феврале 1915 г. поражение под Праснышем, заместитель Мясоедова Дифергов получил сведения о том, какие части неприятельских войск и с каким количеством орудий появились в районе Пильвишки — Вильковишки. Эти сведения были немедленно сообщены Мясоедову для того, чтобы передать их в штаб X армий для правильного развития нового удара по войскам неприятеля. Мясоедов же эти сведения просто скрыл от командования X армии. Во всех случаях, ведая разведкой X армии, он давал командованию совершенно ложные сведения о неприятеле, спутывая этим все карты.

Для отвода глаз Мясоедов распространял слух, что причиной неудачи русских войск была переброска из Восточной Пруссии на Юго-западный фронт 22-го корпуса, о чем «кто-то, видимо, сообщил немцам».

При обыске у Мясоедова были найдены сведения о передвижении частей и в том же числе упомянутого 22-го корпуса. В сообщении, выпущенном после ареста Мясоедова, штаб главнокомандующего Западного фронта извещал, что эти сведения не должны были находиться у Мясоедова по роду его обязанностей.

Сухомлинов в роли покровителя шпионов

Огромная ценность Сухомлинова для германской и австрийской разведок заключалась, главным образом, в том, что он своим «авторитетом» и положением помогал спасению разоблаченных помимо его воли шпионов. [46]

Эта роль высокого покровителя и защитника заведомых шпионов особенно наглядно выявилась в деле Оскара Альтшиллера — сына небезызвестного главаря киевской шайки австрийских агентов. Когда Оскар Альтшиллер и его родственник Фридрих Коннер были арестованы, зять Коннера Мозерт обратился к Сухомлинову с просьбой о помощи.

Сухомлинов не замедлил послать ходатайство об этом губернатору Трепову. На следующий же день Сухомлинов написал товарищу министра внутренних дел генералу Джунковскому письмо, в котором, ходатайствуя об освобождении арестованных, между прочим писал: «Семью эту я отлично знаю и могу за них поручиться. Не могу допустить, чтобы за шесть лет они могли измениться». Оскар Альтшиллер и Коннер были освобождены, и им разрешено было остаться на жительство в г. Киеве.

Между тем про Оскара Альтшиллера было хорошо известно, что он являлся продолжателем шпионских дел отца после отъезда последнего за границу. Оскар Альтшиллер очень часто, иногда по нескольку раз в день, бывал у австрийского консула. После этих посещений консул всегда посылал своему правительству зашифрованные телеграммы.

Не было большим секретом и то, что Оскар Альтшиллер находился в тесном общении со шпионами Николаем Гошкевичем и полковником Ивановым (о них речь впереди).

Другой пример. Главным управлением генерального штаба был зарегистрирован в качестве подозрительного по шпионажу лица представитель германских оружейных фабрик, русский подданный Федор Шиффлер. Ввиду этого еще до начала военных действий в 1914 г. отдел генерал-квартирмейстера Главного управления генерального штаба просил петербургского градоначальника выслать Шиффлера из столицы. Шиффлер был арестован. На следующий день генерал Сухомлинов путем личного разговора по телефону с градоначальником распорядился отменить приказ об аресте. Когда же в декабре 1914 г. Шиффлеру было предложено покинуть Петербург и выехать в Вологодскую губернию, в дело снова вмешался Сухомлинов. На обращенном к нему письме Шиффлера с ходатайством о новом заступничестве военный министр наложил резолюцию: «Нач. Генер. Штаба. Лично знаю г. Шиффлера и не могу понять, в чем его обвиняют. Прошу доложить».

Высокий покровитель шпионов добился и на этот раз своего. Дело о Шиффлере было пересмотрено, и он остался [47] в Петербурге со своими друзьями по шпионской работе.

Третий случай. Бывший венгерский подданный Кюрц еще в 1911 г. обратил на себя внимание полиции своими связями с одним из руководителей германского шпионажа в Петербурге — капитаном Зигфридом Геом. Кроме того, адрес Кюрца был обнаружен в записной книжке Гарольда Вильямса, корреспондента иностранных газет, арестованного в Петербурге по подозрению в шпионаже.

Кюрц выдавал себя за представителя французской прессы, служил в Императорском коммерческом училище преподавателем. Наблюдением было установлено, что Кюрц, занимаясь какими-то темными делами, в то же время старался войти в доверие к лицам, занимавшим видное служебное положение. Так, он был лично известен жандармскому генералу Курлову, генералу Джунковскому и др.

В 1914 г. вновь поступили агентурные сведения, что Кюрц является австрийским шпионом.

Ввиду этого Кюрц был включен в список лиц, которых с началом военных действий намечали выслать из Петербурга. Однако в отношении Кюрца эта мера не могла быть приведена в исполнение. Его не оказалось в городе. Имелись сведения, что Сухомлинов предупредил Кюрца о необходимости временно покинуть столицу.

Через некоторое время Кюрц снова появился «а столичной сцене и был арестован. Тогда «на имя начальника охранного отделения Петербурга от начальника контрразведывательного отделения полковника Ерандакова поступило следующее указание: «Вследствие состоявшегося соглашения между военным министром и товарищем министра внутренних дел покорнейше прошу распоряжения об освобождении из-под стражи без последствий Ильи Романовича Кюрца.

Но самыми любопытными являются дальнейшие события. Этот явный шпион, с помощью Сухомлинова освободившийся из-под стражи, вдруг принимается на работу (в начале апреля 1915 г.) в качестве агента разведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Юго-западного фронта. Этот шаг был рискованным даже для такого матерого разведчика, как Кюрц; его новый арест мог привести теперь к провалу целой группы агентов германо-австрийской разведки. Поэтому Кюрцу было дано задание перебраться в Австрию.

Царские власти, по просьбе штаба главнокомандующего [48] армиями Юго-западного фронта, выдали Кюрцу заграничный паспорт. Когда они спохватились, было уже поздно: Кюрц успел перейти границу и находился в Румынии. По последующим агентурным сведениям, Кюрц вел в Бухаресте широкий образ жизни, выдавая себя за лицо, командированное в Румынию высшими военными властями России. Было замечено, что с его стороны имелись попытки обнаружить находившихся в Румынии русских агентов.

Крупный австрийский разведчик Шанцер — хозяин самого роскошного кинотеатра в Киеве — для облегчения своей шпионской работы с началом войны подал заявление о приеме его в русское подданство. Несколько киевлян, узнав об этом, написали анонимное письмо на имя начальника штаба Киевского военного округа. В письме они указывали, что Шанцер занимается шпионажем в пользу Австрии и что его не следует принимать в русское подданство, а, наоборот, нужно арестовать как шпиона. Однако с помощью Сухомлинова Шанцер получил русское подданство и затем, маскируясь личиной «русского патриота», регулярно отчислял определенный процент дохода от своего кинотеатра на нужды русской армии. А киноплёнка из театра Шанцера в это время шла в Германию, принося берлинской разведке зашифрованные донесения о русской армии.

Перед началом первой мировой империалистической войны, в феврале 1914 г., Сухомлинов для доклада царю составил «Перечень важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 г. по 20 февраля 1914 г.» В этом документе были сконцентрированы сведения о важнейших военных мероприятиях России, осуществленных в предвоенные годы.

О «Перечне» могло знать только несколько лиц: сам царь, военный министр, начальник Главного управления генерального штаба и председатель Совета министров. Перечень этот заключал в себе сведения по тринадцати разделам:

1) устройству центрального и окружных управлений, 2) устройству армии, 3) комплектованию армии, 4) мобилизации армии, 5) подготовке к военным операциям, 6) вооружению войск, 7) снабжению войск инженерным имуществом и техническими средствами, 8) усовершенствованию снабжения войск предметами интендантского довольствия, 9) учебной части, 10) охранению здоровья войск и ветеринарной части, 11) поддержанию нравственности в войсках, 12) улучшению быта офицеров и нижних чинов, прохождению ими службы и 13) по оборонительным сооружениям.

Как только германская разведка узнала о существовании [49] подобного документа, она немедленно стала принимать меры к его получению. Главную трудность представляла отправка «Перечня» в Германию или Австрию, так как война уже началась. Доставка его в Германию произошла при следующих обстоятельствах.

В марте 1915 г. Думбадзе, племянник ялтинского градоначальника, известного самодура и любимца Николая II, вместе с князем Мачабели выехал в Америку по делам, связанным с поставками для военного ведомства. Вскоре Думбадзе вернулся в Петроград и заявил, что он доехал лишь до Стокгольма и ввиду особых обстоятельств решил отменить свою поездку в Америку. При этом он таинственно сообщил своему секретарю Морозову, что, будучи в Швеции, он при посредстве князя Мачабели познакомился с германским послом фон Люциусом, которому «втер очки» и убедил его, будто он, Думбадзе, враг России. Тогда фон Люциус пригласил его в сотрудники и обещал ему устроить поездку в Берлин. Он воспользовался этим предложением и решил обратиться к военному министру за разрешением отправиться туда, чтобы собрать полезные сведения, а затем сообщить их русскому правительству. При этом Думбадзе просил Морозова составить ему по

указанному поводу докладную записку на имя Сухомлинова. Эта записка была составлена и в апреле 1915 г. была подана военному министру.

Содержание ее следующее:

«В марте настоящего года обстоятельства потребовали от меня предпринять неотложную поездку в Нью-Йорк. Остановившись в Стокгольме по поразительной случайности, убедился в том, что у германского правительства созрел и приводится в осуществление план организации смуты на Кавказе и других окраинах империи, не останавливаясь ни перед какими затратами.

Считая это свое открытие неизмеримо важнее своих личных дел, хотя и связанных с государственным интересом, я отменил свою поездку в Америку и остался в Швеции.

Мои последующие наблюдения не оставили во мне ни малейшего сомнения в существовании у германского правительства настоятельной тенденции вызвать осложнения и затруднения в России, а также и в том, что организация этих начинаний, если не создана вполне, то во всяком случае усиленно создается. Имея возможность проникнуть в руководящие круги германского правительства, а с другой стороны, имея самые тесные и неразрывные связи с [50] Кавказом, как уроженец Грузии, я считаю своим долгом посвятить свои силы противодействию этим немецким замыслам и считаю, что этим я окажу услугу и своему отечеству — России и своей родине — Кавказу...

Это дело я готов предпринять на свой собственный риск и страх, производя расходы по своей личной деятельности на свой счет, но для этого мне необходима санкция и самая широкая поддержка меня в моих действиях со стороны русского правительства...»

Думбадзе свое желание еще мотивировал тем, что он знаком со многими лицами из членов правительства, высшего командования и финансистов Германии.

Думбадзе в своей записке сообщал, что он выдаст себя за врага России и грузинского националиста, и этого будет достаточно, чтобы завоевать к себе доверие в Германии. Свою записку Думбадзе заканчивал словами: «...Весьма возможно, что мне удастся проникнуть в самые верхи германского правительства, и тогда значение задуманного мной дела тем более усугубится для России».

Все это было задумано с одной целью: доставить в Германию упомянутый выше «Перечень».

Еще до войны Думбадзе близко стоял к Сухомлинову и вращался в кругу германских и австрийских шпионов, орудовавших в России, принадлежа сам к их числу.

В 1914 г., после начала войны, он написал книгу о Сухомлинове, которая помогла последнему удержаться на посту военного министра.

27 апреля 1915 г. Сухомлинов представил Николаю II доклад с просьбой разрешить поездку В. Думбадзе в Германию в качестве разведчика. Царь лично дал разрешение на эту поездку, несмотря на протесты разведывательного отделения Генерального штаба.

Летом 1915 г. В. Думбадзе покинул Россию, предварительно получив от Гошкевича (двоюродный брат жены Сухомлинова) копию «Перечня».

Приехав в Стокгольм, Думбадзе встретил там князя Мачабели, который к этому времени успел уже побывать в Берлине. Сопровождавший его фон Люциус представил Мачабели как негласного посланника Грузии, убежденного сторонника Германии, родовитого князя. Кроме того, фон Люциус ввел князя Мачабели как своего человека в министерство иностранных дел, где ему была официально отведена для работы отдельная комната. Словом, как писал Думбадзе, все складывалось для них благополучно. [51]

В своих беседах в Стокгольме с грузинскими князьями фон Люциус развивал мысль о том, что Грузия должна стать самостоятельным государством и что во главе его можно поставить четвертого сына императора Вильгельма. Тогда министром финансов Грузии будет назначен он, Думбадзе, а послом при германском дворе — князь Мачабели.

Пробыв недолгое время в Стокгольме, оба грузина отправились в Берлин. Там их встретили с «исключительной почтительностью». В первый же день к ним в отель заехали заместитель министра иностранных дел Циммерман, бывший посол в России граф Пурталес и другие видные деятели императорской Германии.

На другой день они были приняты начальником генерального штаба, где имели «суждение» по военным вопросам в связи с желательным для Германии восстанием на Кавказе. При этом им было дано понять, что германский генеральный штаб широко пойдет им навстречу в деле подготовки восстания.

Думбадзе, пробыв в Германии 8 дней, вернулся в Россию (опять же через Швецию) и представил доклад о своей поездке. В этом докладе речь шла о таких вещах, которые давным-давно были известны.

Доклад (отчет) о поездке состоял из 19 страниц, отпечатанных на машинке, разделялся на две главы. Первая из них была озаглавлена: «Кавказский вопрос», а другая — «Военнопленные». Уже сами заглавия кое-что говорят о содержании доклада.

Как опытный шпион, Думбадзе умело разыграл комедию со своей агентурной поездкой в Германию и благополучно доставил германской разведке важнейший и секретнейший документ.

Доклад Думбадзе был впоследствии подвергнут экспертизе в штабе главнокомандующего армиями Юго-западного фронта, причем комиссия из офицеров генерального штаба заключила, что доклад в целом не кажется правдоподобным. По утверждению комиссии, Думбадзе не производил впечатления «двойного» шпиона, а являлся исключительно шпионом-осведомителем германским.

Разоблачение шпионской шайки

В декабре 1914 г. в Главное управление генерального штаба явился подпоручик 23-го пехотного Низовского полка Яков Павлович Колаковский. Он заявил, что ему [52] удалось бежать из германского плена, куда он попал в самом начале войны, при разгроме армии Самсонова в Восточной Пруссии. Далее Колаковский сообщил, что, обдумывая различные способы освобождения из плена, он решил прибегнуть к хитрости. Колаковский заявил германским властям о своей готовности вести для них военную разведку в России. После

длительных переговоров с различными германскими должностными лицами (для этого его перевозили из лагеря на острове Денггелм в Берлин, а затем в Алленштейн в штаб 20-го германского корпуса) его отправили в Петербург. Здесь состоялось свидание его с лейтенантом германской разведывательной службы Бауэрмейстером, который обсудил с ним условия его шпионской работы в России.

Из беседы с Бауэрмейстером Колаковский выяснил, что этот лейтенант-шпион с матерью и двумя братьями проживал до войны в России. Находясь в России, вся семейка занималась шпионажем в пользу Германии при содействии (в течение пяти лет) офицера отдельного корпуса жандармов подполковника Мясоедова. По словам Бауэрмейстера, служа еще на станции Вержболово, Мясоедов оказывал большие услуги Германии, пропуская через границу шпионов и собирая агентурные сведения. Давая Колаковскому указания по поводу возлагаемых на него обязанностей, Бауэрмейстер, между прочим, поручил ему по прибытии своем в Петроград разыскать Мясоедова и осведомиться у него о планах и настроениях в высших кругах русского общества в связи с войной.

Из этой беседы Колаковский пришел к заключению, что Бауэрмейстер считался с Мясоедовым как со старым и опытным работником германской разведки.

В декабре 1914 г. Колаковского снабдили деньгами, паспортом, пропуском и отправили через Швецию в Россию.

Вернувшись на родину, Колаковский не знал, что своим сообщением о Мясоедове он поможет раскрыть целое гнездо шпионов, работавших для Германии при попустительстве военного министра.

19 февраля 1915 г. во втором часу ночи сильный наряд полиции явился на квартиру Мясоедова в Петрограде на Колокольной улице. Обыск продолжался 20 часов с лишним. Тут же удалось выяснить, что другая штаб-квартира мясоедовской шайки расположена на Лиговке, где в течение десятков лет проживал германский шпион Валентади. [53]

В обеих квартирах было найдено столько документов, что для их вывоза потребовалось три воза.

Кроме Мясоедова и его жены, по обвинению в шпионаже были привлечены: Оттон Генрихович Фрейнат, барон Оттон Оттонович Гротгус, братья Самуил, Борис и Давид Фрейдберги, Отто Ригерт, Израиль Залманович Фриде, Роберт Исаакович Фальк, Густав Германович Урбан, Альберт Самуилович Гольдштейн и германские подданные: Георг Юлиус Беренд, Ричард Спойник, Ада, Густав и Александр Брауэрмейстеры.

При дальнейшем следствии были добыты данные, послужившие основанием к аресту ряда других лиц: инженера-технолога Николая Михайловича Гошкевича, полковника Валентина Григорьевича Иванова, кандидата прав Максима Ильича Веллера, дворянина Василия Давидовича Думбадзе. Разоблаченный как шпион австрийский подданный Александр Оскарович Альтшиллер к этому времени успел скрыться за границу.

Следствием было установлено существование в России с 1909 до 1915 г. шпионского центра, поставившего себе целью осведомление Австрии и Германии о составе и вооружении русских войск и степени их боевой готовности.

Было установлено, что как сам Мясоедов, так и его жена находились в близких, дружеских отношениях с военным министром Сухомлиновым.

Несмотря на многочисленные факты, свидетельствовавшие о прямом пособничестве Сухомлинова разоблаченной шпионской банде, его не тронули. Дело в том, что в лице Николая II, его жены, Распутина и германофильских кругов при царском дворе Сухомлинов имел мощную защиту. Дело же Мясоедова замять было уже трудно. Возмущение армейской массы и офицеров, широких слоев населения действиями этих шпионов дошло до крайних пределов.

Мясоедова судили и вынесли ему смертный приговор. Приговор был приведен в исполнение 19 марта 1915 г. Перед самой смертью матерый германский шпион решил покончить самоубийством, но попытка не удалась.

Узнав, что его друга уже нет в живых, уцелевший военный министр записал в своем дневнике: «Мясоедов повешен. Прости ему, господи, его тяжкие грехи».

Среди привлеченных к суду были и другие друзья и хорошие знакомые Сухомлинова. Например, полковник Иванов, инженер Николай Гошкевич и Максим Веллер, крупный делец и коммерсант. [54]

Полковник Иванов был у Сухомлинова «специалистом» по артиллерии и укреплениям.

В 1909 г. Иванов, будучи контролером на военно-автомобильном пробеге Петербург — Москва — Киев, встретился с пожилым мужчиной и элегантной молодой дамой — это были Александр Альтшиллер и его жена. Они пригласили Иванова к себе домой и не получили отказа. С этого времени началось вовлечение Иванова в шпионскую организацию.

Благодаря Альтшиллеру Иванов связывается и с Сухомлиновым и вскоре получает чин полковника. Благодарности Иванова нет границ; германской разведке с этого времени передаются секретнейшие документы, проходящие через Главное артиллерийское управление и Артиллерийский комитет. Полковник Иванов проявляет исключительную активность: он не упускает случая побывать на каждом испытании новых орудий, приемке укрепленных пунктов. Он стремится попасть в различные комиссии, на совещания, преимущественно секретного, характера. Он даже не раз ездит «по делам службы» за свой счет, объясняя это своей особой любовью к артиллерии и фортификационным работам. Так, весной 1913 г. Иванов добился разрешения съездить за свой счет для присутствия при чрезвычайно секретных опытах на острове Березань. Бывший комендант Кронштадтской крепости генерал-лейтенант Маниковский удостоверил, что во время работ на кронштадтских фортах из числа трех представителей Артиллерийского комитета, назначенных наблюдать за ходом работ, Иванов почти всегда являлся на форты без предупреждения и иногда в сопровождении каких-то приглашенных им лиц.

При обыске, произведенном в 1915 г. на квартире у Иванова, было найдено 26 различных секретных документов военного ведомства. Среди них были фотоснимки установок орудий, чертежи башенных установок, секретный журнал вооружений Кронштадтской крепости, планы пороховых складов, светокопии испытания артиллерии на линейном корабле «Андрей Первозванный», ряд планов крепостей и секретные карты пограничных районов.

Следствие по делу Иванова показало, что секретные документы в царской России хранились с преступной халатностью как до, так и во время войны.

Бывший германский агент Р., перешедший потом на сторону России, рассказывал, что им особенно помогали всякие [55] праздники, которые часто длились по несколько дней подряд. В это время в штабах и управлениях министерств нет ни души. Между тем двух-трех дней достаточно, чтобы взять документ, сделать из него выписки и положить обратно. А умудрялись делать и так: брали документ, отвозили его в Кенигсберг, Инстербург, Торн или другой город и здесь снимали с «его любое число копий.

Большинство же документов германская разведка получала прямо в оригинале. Упомянутый германский агент Р. рассказывал: «Мне приходилось перевозить через границу целые сундучки с такими документами. Надо удивляться, насколько дело поставлено небрежно у вас, в России. У нас, в Германии, когда печатается секретная вещь, то при этом стоит офицер и унтер-офицер, которые выдают бумагу счетом и счетом ее принимают, следят за рабочими станками и камнями. Кроме того, у вас, по-видимому, очень мало железных и запечатанных шкафов, а также внутренней охраны.

Наконец, что еще удивительнее, что, выдавая известным лицам секретные документы и требуя расписки в их получении, у вас затем уже, по-видимому, никогда не проверяют, имеется ли данный документ еще у получивших его лиц и не требуют даже возвращения его. Иначе, как бы мы получили документы за штемпелем и номером, причем выдавший не требовал даже его возвращения по миновании надобности, а отдавал в полную нашу собственность».

Иванов все эти возможности использовал вовсю. При обыске у него были найдены письма, в которых иной раз фигурировали странные слова и подписи, например: «франт», «Артур», «кудрявый», «папаша», «мамаша», «господин с Мойки», «кузен», «супруга», «тысячный» и др.

Жена полковника Иванова раскрыла тайну, этих воровских кличек: «папашей» называли Альтшиллера, «мамашей» — его жену, «кузеном» — инженера Гошкевича, «супругой» — жену Сухомлинова, а «господином с Мойки» — самого военного министра, так как его квартира находилась на набережной реки Мойки в Петрограде. Иванова знала еще, что ее мужа в шпионском кругу зовут «Артуром», что военный министр генерал Сухомлинов в личных письмах к Альтшиллеру любил иной раз расписаться словом «Франт» на немецком языке. При обыске, произведенном у шпиона Веллера, обнаружена была в записной книжке отметка: «Артур 72–81». По справке оказалось, что под этим номером значился телефонный аппарат полковника Иванова. При этом были получены дополнительные данные [56] о «деятельности» Иванова в Артиллерийском комитете.

У Веллера, этого «коммерческого дельца», фирма которого завела на русские деньги 40 представительств в Германии, было также найдено много секретных документов.

Не менее колоритной фигурой в шпионском центре был и инженер Гошкевич — двоюродный брат жены Сухомлинова. Родственная близость к военному министру много способствовала успешности его шпионской деятельности.

Во время войны, чтобы быть ближе к фронту, Николай Гошкевич вступил в члены «Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне воинам и их семьям». Как член этого общества Гошкевич участвовал в устройстве лазаретов, в перевозке раненых и больных с фронта и вещей для них на фронт. Во время этих поездок он бывал в штабе X армии, где в это время работал Мясоедов. Здесь происходили их встречи.

Но, конечно, крупнейшей заслугой Гошкевича перед германо-австрийской разведкой была передача Василию Думбадзе «Перечня», составленного «в целях укрепления обороны России» военным министром генералом Сухомлиновым.

Как шпионы добивались поражения России

Германо-австрийская шпионская организация в России не ограничивала свои задачи только собиранием и передачей секретных военных сведений. Размах ее деятельности был очень велик, причем не упускалось ничто в целях осуществления разоружения России: срыва всей ее военной подготовки, в особенности уменьшения запасов боевого снаряжения, сокращения производительной мощи военных заводов. Вся эта работа проводилась при полном пособничестве Сухомлинова, добившегося к тому же полной бесконтрольности на посту военного министра.

Уже в сентябре 1910 г. приказом по военному министерству было объявлено распоряжение о непосредственном предоставлении военному министру всех докладов по основным отраслям военного управления. Облеченный, таким образом, огромной властью, Сухомлинов единолично распоряжался в военном ведомстве. Все это открыло окружавшей Сухомлинова шпионской шайке большие возможности для «прямой вредительской работы в области военной готовности России. [57]

В 1910 г. была произведена реорганизация армии, связанная с изменением системы крепостной обороны на западной границе и всей дислокации войск. Несколько крепостей в Привислинском районе было упразднено без замены их новой системой укреплений. Вследствие упразднения крепостных войск и замены их в мирное время полевыми войсками (они в свою очередь по объявлении войны подлежали замене второочередными и ополченскими частями) открывалась возможность неприятелю занять крепости, не встретив там серьезного сопротивления.

Эти мероприятия были проведены Сухомлиновым, несмотря на решительную оппозицию как со стороны многих военных авторитетов России, так и со стороны французского генерального штаба.

В связи с предпринятой реорганизацией армии было введено новое мобилизационное расписание по губерниям. Но новый мобилизационный план к началу войны утвержден не был. Армию пришлось мобилизовать в 1914 г. по старому расписанию, без учета всего способного к призыву людского состава. В результате на значительную часть мобилизованных не хватило вооружения.

Что же касается положения о полевом управлении войск, то оно было издано лишь за два дня до объявления мобилизации, хотя работы по изданию этого положения начались тотчас же по окончании Русско-японской войны.

В общем, Берлин и Вена знали, что объявление войны застало русскую армию неподготовленной и необеспеченной боевыми припасами и оружием.

Прежде всего, дал себя чувствовать крайний недостаток артиллерийских снарядов, винтовок и винтовочных патронов. Пополнение истраченных боевых запасов было крайне затруднено из-за полной неподготовленности русской промышленности. В этот период наглядно сказались результаты многолетней подрывной деятельности германо-австрийской разведки против царской России.

1 сентября 1914 г. Главное артиллерийское управление сообщило начальнику штаба верховного главнокомандующего, что «никакого запаса огнестрельных припасов не существует». Накопленных в мирное время запасов снарядов, например, хватило лишь на один месяц, а новые не поступали. С фронта шли отчаянные вести о недостатке боеприпасов. Уже 12 октября 1914 г. генерал Забелин телеграфировал, что «положение с пушечными патронами на Юго-западном фронте становится критическим». Генерал Янушкевич [58] 13 октября 1914 г. в телеграмме из Ставки сообщал: «Главный гигантский кошмар — это пушечные патроны».

Он же в письме от 22 ноября 1914 г. сообщал, что «с уменьшением числа орудий и числа патронов стало выбывать из строя на 50–60% больше людей».

Такое положение создалось повсюду. С Кавказа также телеграфировали, что «недостаток патронов ставит армию в безвыходное положение».

На вопли о помощи армия получала один ответ от главного начальника снабжения: «Нет ни одного парка». Генерал Сухомлинов в эти дни писал в своем дневнике: «Если верно, что снарядов у нас мало, то надо обороняться, а не наступать, да еще при таких условиях...»

Положение русской армии сделалось еще более тяжелым, когда обнаружился громадный недостаток в винтовках для комплектуемых в тылу войсковых частей. Вскоре было решено отправлять многие части на фронт лишь с половинным наличием вооружения. Однако и для такого неполного вооружения воинских частей не во всех военных округах находилось достаточное количество винтовок.

В телеграмме на имя начальника Главного артиллерийского управления 31 августа 1914 г. сообщалось: «Чувствуется крайняя нужда в пополнениях, люди запасных батальонов есть, но выслать нельзя из-за отсутствия винтовок; особенно острое положение в Казанском округе, где из 10000 можно выслать всего 1000». В Московском военном округе не доставало 55 690 трехлинейных винтовок для маршевых рот и 22 702 берданок для дружин ополчения; для прибывающих же новобранцев винтовок не имелось вовсе. В октябре снова были получены из Казанского округа сведения об отсутствии винтовок для 132 тыс. новобранцев.

По материалам начальника мобилизационного отделения Главного управления генерального штаба видно, что «в течение первых двух месяцев войны военное министерство дошло до посылки в армию маршевых рот без табельного числа винтовок, а позже, за неимением винтовок, вынуждено было выслать пополнения вовсе невооруженными».

В октябре 1914 г. Сухомлинову было доложено о нехватке 870 тыс. винтовок, причем 585 тыс. винтовок не доставало для новобранцев призыва 1914 г.

Недостаток ружейных патронов ставил армию в еще более тяжелое положение, и потребность в них особенно возрастала [59] в связи с недостатком артиллерийских

снарядов. Вся тяжесть огневого боя ложилась «а пехоту. Дело доходило до того, что, как говорил Брусилов, в армии оставалось всего по 175 патронов на винтовку.

Между тем недостаток в оружии усиливался. Армия не имела также полного комплекта пулеметов. Янушкевич писал Сухомлинову:

«Волосы дыбом становятся при мысли, что по недостатку патронов и винтовок придется покориться Вильгельму. Чем меньше патронов, тем больше потери... Вопрос патронов и ружей, скажу, кровавый». Вот красноречивое свидетельство о положении русской армии в первый же период войны.

Генерал Янушкевич впоследствии в своих письмах утверждал, что «...все наши военные неудачи, начиная с Лодзи и кончая августом 1915 г., на 100 % обусловлены и вызваны недостатком боевых припасов».

Преступная деятельность военного министерства, во главе которого находился Сухомлинов, привела к тому, что в летнюю кампанию 1915 г. русская армия вынуждена была очистить Галицию, а затем и Польшу.

Положение обострилось до невероятности. Части таяли, а в тылу большое количество безоружных солдат ожидало винтовок от убитых и раненых.

Фронт для русских солдат стал простой мясорубкой. Когда немцы на данном участке выпускали 3 тыс. тяжелых снарядов, русские могли послать в ответ едва 100.

На все тревожные сообщения о недостатке боевых припасов и настойчивые указания Ставки принять все возможные, хотя бы крайние меры к обеспечению армии, — Сухомлинов неизменно отвечал в общих выражениях, что все необходимые меры им приняты. Такие успокоительные реплики генерала Сухомлинова лишали, по свидетельству генерала Янушкевича, Ставку верховного главнокомандующего возможности принять самостоятельные меры к устранению или уменьшению размеров патронного и ружейного голода.

Особый интерес для характеристики вредительской работы Сухомлинова представляет его переписка о недостатке артиллерийских снарядов с послом Французской республики Морисом Палеологом. 13–26 сентября 1914 г. Палеолог обратился к Сухомлинову с нотой следующего содержания: «Вследствие требования генерала Жоффра французский военный министр желал бы знать, достаточно ли снабжена императорская [60] российская армия артиллерийским снаряжением для непрерывного продолжения враждебных действий. Полагает ли его высокопревосходительство императорский военный министр возможным продолжать операции без остановки, допуская, что расход снарядов будет продолжаться в условиях настоящего времени. В противном случае, до какого предела его высокопревосходительство полагал бы нужным вести непрерывные операции».

15/28 сентября 1914 г. от Сухомлинова поступило на имя Палеолога следующее письмо: «В ответ на ноту французского посла от 13/26 сентября военный министр имеет честь сообщить, что настоящее положение вещей относительно снаряжения российской армии не внушает никакого серьезного опасения. В то же время военное министерство принимает все необходимые меры для обеспечения армии всем количеством снарядов, которое ей необходимо, имея в виду возможность длительной войны и такой расход снарядов, какой обозначился в недавних боях».

После такого успокоительного сообщения военного министра отступление русских войск в ноябре 1914 г. вследствие недостатка снарядов вызвало естественное удивление всех союзников России. Французская дипломатия стала настойчиво требовать прямого ответа на ее первый запрос.

После раскрытия мясоедовской германо-австрийской шпионской организации царское правительство решило, наконец, расследовать деятельность органов военного министерства. 25 июля 1915 г. была учреждена «верховная комиссия для расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии» (под председательством члена государственного совета инженера-генерала Петрова). Верховная комиссия занялась также расследованием деятельности самого военного министра, бывшего начальника Главного артиллерийского управления генерала Кузьмина-Караваева, начальника Главного управления генерального штаба генерала Жилинского и ряда других лиц.

Без большого труда удалось установить, что германо-австрийская разведка через многочисленную сеть своей агентуры проводила такие мероприятия, которые привели военную промышленность России и снабжение армии боеприпасами в катастрофическое состояние.

По директиве Сухомлинова была сознательно сокращена существующая производительность казенных оружейных заводов в четыре раза, а артиллерийских заводов □ в два раза. [61]

В то время как имелась полная возможность удовлетворить действующую армию винтовками, она испытывала в них большой недостаток. Во время войны при ежемесячном пополнении в 350 тыс. человек армия царской России с большим трудом получала 200 тыс. винтовок в месяц. Таким образом, ежемесячно невооруженными оставалось 150 тыс. солдат из новых пополнений. Если еще учесть потери оружия во время боев, то станет ясным, насколько велик был недостаток винтовок.

Такое же катастрофическое положение создалось в первые же месяцы войны с пулеметами, винтовочными патронами, снарядами и взрывчатыми веществами. Положение еще более усложнилось после того, как стало ясным, что война принимает затяжной характер.

Война 1914–1918 гг. была первой войной, которую нельзя было вести, опираясь исключительно на запасы наличного боевого снаряжения. Начавшаяся война поставила во всю ширь вопрос о необходимости иметь для продолжительного ведения ее мощную промышленность, способную непрерывно питать действующую армию всем необходимым.

Подрывная работа германской и австрийской разведок в царской России была именно направлена к тому, чтобы затормозить развитие стратегических отраслей промышленности и тем самым нарушить во время войны нормальное питание русской армии боеприпасами.

Конечно, в отставании военной промышленности царской России была повинна, прежде всего, ее общая экономическая отсталость, являвшаяся результатом нахождения у власти помещиков и капиталистов, душивших развитие производительных сил страны. Это являлось основной причиной военной слабости царской России. Вместе с тем подрывная деятельность германо-австрийской шпионской организации в огромной мере усугубила

тяжелое положение армии царской России в части питания ее боеприпасами, так как даже и эти слабые производственные возможности царской России не были использованы до конца, чем и была сорвана мобилизационная подготовка промышленности.

Срывая питание армии боеприпасами, члены шпионской организации до и во время первой империалистической войны подняли в печати невероятную шумиху вокруг вопросов обороны. Они говорили, что Россия образцово подготовлена к войне, и в этом отношении огромную работу проделал, мол, сам генерал Сухомлинов.

Это было своеобразным усыпляющим средством, пущенным [62] в ход шпионской организацией. Например, В. Думбадзе в своей книге «Генерал-адъютант Владимир Александрович Сухомлинов» писал: «Ни для кого в настоящее время не новость, что Россия ни в одну войну, которую ей приходилось до сих пор вести, не находилась на такой степени подготовки, как в настоящую войну с Германией».

Верховная следственная комиссия выяснила жуткую картину, царившую в военном министерстве. Заказы на боеприпасы раздавались таким лицам и организациям, которые заведомо никогда не были в состоянии их выполнить. Например, заказы на дистанционные трубки, данные обществу «Промет», даже не были приняты к исполнению.

Другой метод вредительства заключался в разбазаривании средств, отпущенных военному ведомству на производство боевого снаряжения. Например, когда русские зароды готовы были изготовлять пулеметы по цене 1 тыс. рублей за штуку, то заказы на такие же пулеметы (такого же качества) были сданы фирме «Виккерс» и заплачено ей было по 1 750 рублей. В эти годы вокруг заказов военного министерства вообще творилось что-то невероятное. На военных поставках разные темные дельцы-шпионы «зарабатывали» десятки миллионов. Упомянутый выше Василий Думбадзе на поставках снарядов «заработал» 2 млн. рублей; шпион Веллер — около 13 млн. и т. д. Полковник Иванов, сам Сухомлинов и инженер Кошкевич кормились не только от щедрот германской разведки, но и из кассы военного министерства. Эти и подобные им люди облепили прогнившее тело военного министерства и всей царской России. Подкупы, взятки тесно переплетались со шпионажем.

Шпион Веллер на суде обратился к председательствующему: «Разрешите быть мне откровенным», и, получив разрешение, Веллер взял да и бухнул: «Я подкупил великих князей Сергея Михайловича и Николая Николаевича».

Председатель суда, сделав кислую мину, предложил Веллеру «их высочеств» не касаться.

Заключение

Накануне снятия Сухомлинова с должности военного министра члены военно-морской комиссии Государственной думы, входившие в состав «особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства», писали: «Мы узнали, что доблестная наша армия, истекая кровью и потеряв уже свыше 4 000 000 воинов убитыми, [63] ранеными и пленными, не только отстывает, но, быть может, будет еще

отступать. Мы узнали и причины этого горестного отступления. Мы узнали, что армия наша сражается с неприятелем неравным оружием, что в то время как враг наш засыпает нас непрерывным градом свинца и стали, мы посылаем ему в ответ во много раз меньшее число пуль и снарядов. Мы узнали, что в то время как у врага нашего изобилие пушек легких и тяжелых, у нас последних совершенно недостаточно, а легкие пушки выпустили уже столько снарядов, что скоро начнут одна за другой выходить из строя. Мы узнали, что в то время как враг наш с каждым днем увеличивает число своих пулеметов и довел их уже, по сведениям, сообщенным нам военным ведомством, до грозного числа 55 000, у нас едва хватает пулеметов для пополнения утрачиваемых и пришедших в негодность. Кроме того, вследствие недостаточности винтовок, новобранцы обучаются по несколько солдат на одну винтовку, что при краткости срока обучения не может не влиять самым губительным образом на дело боевой подготовки людей. То же обстоятельство, что эти люди отправляются на театр военных действий невооруженные, без винтовок, и долго стоят в тылу, ожидая получения оружия, глубоко влияет на их душевное состояние и причает их смотреть на себя, как на обреченных, которым суждено умереть, но не дано возможности бороться...

Мы узнали, как совершилось наше отступление из Галиции. Мы узнали, что войска, отступая, почти нигде не находили приготовленных укрепленных позиций. Мы узнали, что после тяжелых переходов войска должны были сами рыть себе наспех, на скорую руку, жалкие окопы, пока неприятель не подходил и не засыпал истомленных, обессиленных людей смерчем тяжелых снарядов. Мы узнали также, что еще год тому назад, в первые же дни войны один из дальновидных военачальников требовал начать работы по укреплению Киева. Ему было в том отказано. Мы узнали, что даже самые важные места, большие города на нашей родной земле не укреплялись совсем или укреплялись недостаточно».

Народные массы, в особенности солдаты, испытавшие на своей спине все зло сухомлиновских дел, поняли, что в высших военных сферах сидят изменники, предатели, немецкие шпионы. Отовсюду шли письма с требованиями убрать шпионов и вредителей.

Верховная следственная комиссия, куда входили люди, [64] презиравшие рабочих и крестьян, ненавидевшие народ, и та вынуждена была признать, что «народ знает, что снарядов и пуль мало, он знает, что кто-то в этом виноват».

Громадные жертвы, понесенные в боях, тяжело переживал народ. Но всего сильнее волновали передовых людей России те порядки, которые довели страну до катастрофического положения. Они знали, что те люди, которые так рьяно боролись с революционным движением, применяя страшные пытки против честнейших сынов России, были самыми отвратительными предателями и изменниками родины.

Тучи начали сгущаться над Сухомлиновым. Союзники стали открыто выражать свое недовольство деятельностью его как военного министра России. Они считали, что политика Сухомлинова грозит России поражением и тем самым усилением нажима немцев на других фронтах.

Сухомлинов народом был изобличен уже давно. Солдатская масса говорила во всеуслышание об измене в верхах военного управления. Русская буржуазия, жаждавшая военных успехов, также была недовольна действиями, Сухомлинова и его компании.

Но низвергнуть Сухомлинова было нелегким делом. За его спиной стоял почти весь царский двор и влиятельные лица из русских помещиков, немецких генералов и знати,

служивших тогда в России. Борьба с Сухомлиновым была трудна еще и потому, что его поддерживали лично Распутин, царица, Борис и Мария Павловна Романовы, не говоря о других влиятельных, лицах из придворных кругов.

Гучков в своих показаниях на Верховной следственной комиссии отмечал: «Для меня, таким образом, вполне выясняется картина организованного вокруг военного министра иностранного шпионажа, и я все эти факты несу опять представителям правительств, убеждая их принять решительные меры к захвату этой организации, но я встречаю нерешительность, робость и колебания. Положение г. Сухомлинова чрезвычайно сильно, и борьба с ним может плохо закончиться для тех, кто на нее отважился».

Действительно, компания Сухомлинова применяла различные методы запугивания своих разоблачителей: снятие с должностей, обвинение в шпионаже, в провокации, объявление сумасшедшими, обвинение в казнокрадстве, аресты и убийства, ссылка. В этом отношении характерным являлось дело одного русского разведчика Александра Машека. [65]

Когда Машек в 1915 г. начал говорить о шпионской деятельности Сухомлинова, его сейчас же арестовали и зверски пытали, желая заставить его отказаться от своего заявления. Ему угрожали виселицей. Когда Машек все же продолжал доказывать, что Сухомлинов шпион, тогда Машека объявили сумасшедшим и без суда выслали.

Почти одновременно на участке XI армии были задержаны два шпиона. Они были изобличены и по приговору полевого суда приговорены к смерти. Один из них, по фамилии Пикета, был сразу повешен. Исполнение же приговора над другим — Якубцом — было приостановлено по той причине, что он обещал дать сугубо важный материал. И, действительно, Якубец указал на важного австрийского агента, проживающего в Тарнополе под именем Николая Яроша. Работая в качестве парикмахера, Ярош в действительности был австрийским офицером. При аресте и обыске у «его были найдены: фотокарточка Яроша в форме австрийского офицера, заметки со сведениями, касающимися численности и расположения русских войск.

Допрашивал этого шпиона следователь по особо важным делам при управлении генерал-квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего.

С 1908 г., после окончания академии «Марии Терезы», Ярош, он же Мюллер, находился на службе в военном министерстве в Вене. Во время войны Мюллер работал как в штабе австрийской действующей армии, так и в тылу русских войск. «Разведывательная работа на территории России, — говорил Мюллер, — проходила в полной согласованности с работой офицеров и разведывательных органов Германии.

Так как наша работа производится одновременно и согласно с работой таких же офицеров в Германии, то мне, помимо связей и агентурной сети, раскинутой Австрией в России, в общих чертах известна такая же сеть, созданная в России Германией. Как австрийские, так и германские подотделы с особым составом агентов издавна находились в Петербурге, Москве, Киеве и в Варшаве, а также и в Одессе. Эти подотделы привлекали к себе на службу лиц, которым можно было бы безусловно доверять, и которые действительно обладали бы ценными для Австрии и Германии сведениями. Так, во всех этих городах у нас состояли на службе многие офицерские чины как общей, так и жандармской полиции».

На каждого агента, работавшего в пользу Германии и Австрии на территории России, в разведывательных отделах [66] генеральных штабов упомянутых стран имелось личное дело. В это дело вносились все данные об агенте, его биография, фотокарточка и весь агентурный материал, доставленный им за время работы.

По словам Мюллера, в Петербурге шпионской деятельностью руководили лейтенант германской армии Бауэрмейстер и фон Люциус. Мюллер указал, что в г. Тарнополе имеется иезуитский монастырь, который служил важным пунктом австрийского шпионажа. В этом монастыре служители культа имели наблюдательный пункт, откуда при помощи подзорной трубы монахи следили за передвижением и сосредоточением русских войск. Посредством особых фонарей монахи подавали сигналы австрийцам.

Но Мюллер раскрыл более важную тайну. Он, к изумлению следователей, стал называть фамилию Сухомлинова.

Все шпионы в России, по словам Мюллера, были разбиты германским генеральным штабом на мелкие самостоятельные группы. Эта мера необходима была для того, чтобы на случай провала той или иной группы сохранить от гибели другие группы. Наиболее крупных шпионов в России около 48. В числе их был военный министр России Сухомлинов.

«С ним Германия, — рассказывал Мюллер, — работала уже много лет до войны, но непосредственной связи с ним не имели, так как это было бы очень опасно. Работал же с министром Сухомлиновым германский генеральный штаб при посредстве своих агентов. С этими приближенными к Сухомлинову лицами Германия имела давнишние налаженные связи и непосредственно с ними вела работу. Таких посредников между Сухомлиновым и германским генеральным штабом было 10–12 человек. Из них был один военный инженер, служащий в русском военном министерстве, и лицо, занимавшее очень высокий пост в управлении почт и телеграфов.

Я, — продолжал свои показания Мюллер, — дело генерала Сухомлинова видел лично и бегло его просмотрел. Дело довольно объемистое, и потому можно было заключить, что сведений от него было добыто очень много. Понятно, сведения эти касались военной мощи России и действительного количества войск, которое могла развернуть Россия, а также запасов оружия и боевых припасов. Я помню, что в этом деле имелись указания на те доклады, кои представлял генерал Сухомлинов государю императору, и на те слова, кои были высказаны государем императором генералу Сухомлинову». [67]

На вопрос следователя: «Сознательно ли Сухомлинов оглашал секретные сведения перед известными лицами для передачи их в Германию?» — Мюллер ответил: «Да, Сухомлинов оглашал эти сведения намеренно для передачи их в Германию». И дальше: «На ваш вопрос — почему я так решительно это утверждаю — отвечаю: генерал Сухомлинов оглашал секретные сведения перед такими лицами, которые ничего общего с этими сведениями не имели. Так, например, мы получали от одного из знакомых генерала Сухомлинова, военного инженера, служащего в русском военном министерстве (фамилии его я не помню), секретные сведения вовсе не по инженерной части, каковые сведения сообщал этому инженеру генерал Сухомлинов».

Допрос Мюллера происходил в Ставке, и Николай II знал показания Мюллера о Сухомлинове. Но все-таки эти важнейшие показания замалчивались.

Но факты были настолько вопиющими, нажим союзников и буржуазии настолько силен, массы были так недовольны, что царский двор, скрепя сердце, вынужден был пойти на уступки и снять Сухомлинова с поста военного министра.

По этому поводу Николай II в своем письме к Сухомлинову от 11 июня 1915 г. писал: «Владимир Александрович, после долгого раздумывания пришел к заключению, что интересы России и армии требуют вашего ухода в настоящую минуту. Имев сейчас разговор с вел. кн. Николаем Николаевичем, я окончательно убедился в этом. Пишу сам, чтобы вы от меня первого узнали. Тяжело мне высказывать это решение, когда еще вчера видел вас. Столько лет проработали мы вместе, и никогда недоразумений у нас не было. Благодарю вас сердечно за всю вашу работу и за те силы, которые вы положили на пользу и устройство родной армии. Беспристрастная история вынесет свой приговор, более снисходительный, нежели осуждение современников. Сдайте пока вашу должность Вернандеру. Господь с вами. Уважающий вас Николай».

После своего снятия с поста военного министра Сухомлинов почти 10 месяцев был еще на свободе. Широкие круги армии были недовольны полумерами царского правительства. Они требовали ареста и привлечения Сухомлинова к судебной ответственности. После долгих колебаний царское правительство, наконец, решило арестовать Сухомлинова. Это произошло 21 апреля 1916 г.

Аресту Сухомлинова предшествовало совещание следственных [68] властей. Царю доложили, что общественное мнение крайне возбуждено действиями Сухомлинова и союзники настаивают на его аресте и открыто говорят о безусловной причастности Сухомлинова к шпионажу в пользу Германии. Только тогда Николай II вынужден был пойти на уступки.

При обыске на квартире Сухомлинова были найдены коды, шифры, костюмы извозчика и крестьянина — лапти, армяки, свитки — все то, во что Сухомлинов наряжался во время посещения конспиративных квартир шпионов. На вопрос, почему все эти вещи находятся у него, он ответил, что он любит забавляться переодеванием. Среди прочих материалов была обнаружена телеграмма, пролившая некоторый свет на причастность Сухомлинова к убийству Столыпина.

С первых дней ареста Сухомлинова Распутин и царица делали все возможное, чтобы дело замять. Нажим на Носовича — обер-прокурора уголовно-кассационного департамента — со стороны двора усиливался.

Следствием были установлены новые подробности предательства Сухомлинова, и против него были выдвинуты обвинения по 108, 338, 339, 341, 362 статьям уголовного уложения. Иначе говоря, Сухомлинов обвинялся в предании армии и флота неприятелю, т. е. в государственной измене, шпионаже, превышении власти, бездействии, мошенничестве.

Сухомлинов в ответ на эти обвинения сочинил целый контробвинительный акт против «крамольных» изобличителей. Он признавал себя виновным только в отсутствии предвидения, что война примет такие гигантские размеры и потребует такого напряжения сил страны, — мол, этого не только он не учел, но и все военные министры всех стран.

Нужно отдать должное Сухомлинову: его письменный ответ на обвинения, выдвинутые против него, составляет великолепный документ изворотливости профессионального шпиона.

Арест Сухомлинова явился большим событием в жизни руководящих слоев царской России. Буржуазия, недовольная политикой Николая II и его ближайшего окружения, стала ожидать дворцового переворота. События действительно назревали. После ареста Сухомлинова последовало убийство Распутина. Однако режим царского самодержавия все еще держался.

Сухомлинов был помещен в одной из камер знаменитого Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Этим [69] жестом царское правительство хотело показать союзникам и широким массам, что оно собирается жестоко расправиться с изменником. Но все это была только комедия.

В рavelине Сухомлинову были созданы самые лучшие условия. На второй же день после ареста ему разрешили свидание с женой. В последующие дни она почти ежедневно посещала его.

Дальше дело пошло именно так, как того пожелала придворная камарилья. Царь вынес следующее решение: «Ознакомившись с данными предварительного следствия верховной комиссии, нахожу, что не имеется оснований для обвинения, а посему дело прекратить. Николай» (телеграмма министру юстиции от 10 ноября 1916 г.).

Если в первый раз Сухомлинова спасли от суда царь, Распутин и дворцовая клика, то во второй раз этого шпиона спас Керенский.

Имя Сухомлинова в сознании солдат было связано с рядом гнусных предательств. Солдаты в первый же день свержения самодержавия стали искать Сухомлинова, чтобы он перед возмущенной солдатской массой ответил за свои злодеяния.

Монархист-черносотенец и один из друзей Сухомлинова — депутат IV Государственной думы Шульгин в своей книжке «Дни» описывает сцену спасения Сухомлинова Керенским: «В этот же день Керенский спас и другого человека (первым спас Керенский Протопопова), против которого было столько же злобы. Привели Сухомлинова. Его привели прямо в Екатерининский зал, набитый народом. Расправа уже началась. Солдаты уже набросились на него и стали срывать погоны. В эту минуту подоспел Керенский. Он вырвал старика из рук солдат и, закрывая собой, провел его в спасительный павильон министров. Но в ту же минуту, когда он его впихивал в дверь, наиболее буйные солдаты бросились со штыками... Тогда Керенский со всем актерством, на какое он был способен, вырос перед ними: «Вы переступите через мой труп...» И они отступили...»

Все же буржуазное Временное правительство под давлением масс было вынуждено арестовать Сухомлинова и его жену и предать их суду. В сентябре 1917 г. шпион Сухомлинов был приговорен к пожизненной каторге. Однако позднее, не без помощи агентов германского империализма и генеральной клики, Сухомлинову удалось бежать за границу, в Германию, где он и умер в 1926 году.